

ДРЕВНИЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ВОСТОЧНОГО МАВЕРАНАХРА

Издательство «ФАН» УзССР

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНИЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ВОСТОЧНОГО МАВЕРАННАХРА

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1990

В монографии исследуются генезис, закономерности и пути формирования и развития городов одного из самых урбанизированных регионов Ташкентского оазиса, включавших два средневековых владения Восточного Мавераннахра — Чач и Илак. Актуальность работы — в применении системного подхода к изучению путей и этапов урбанизации, включающего анализ всех категорий археологических объектов, источников сырья, средств внутренних и межрегиональных связей, что позволило наиболее объективно проанализировать генетические причины и закономерности формирования городской культуры обширного региона Восточного Мавераннахра эпохи древности и средневековья.

Для археологов, историков, востоковедов и широкого круга читателей.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Ю. Ф. Буряков*

Рецензенты,
кандидаты исторических наук *Ю. П. Манылов,*
Н. А. Аванесова

Д $\frac{050400000-425}{M355(04)-90}$ 17-90

© Издательство «Фан» Узбекской ССР

ISBN 5-648-00890-2

ВВЕДЕНИЕ

Урбанизация — один из наиболее сложных и прогрессивно развивающихся социально-экономических процессов общества, исследование которого с генетической фазы до современности представляет собой важное направление общественных наук и имеет не только теоретическое, но и практическое значение в плане прогнозирования процесса урбанизации.

Особенности древних и средневековых городов Востока и, в частности, Средней Азии, недостаточная фактологическая база письменных источников, необходимость многопланового показа города требуют широкого анализа археологического и нумизматического материала, памятников искусства и антропологического материала.

Узбекистан — крупный регион Средней Азии, содержащий ценный для разработки этого направления материал в виде руин городищ и связанных с ними поселений и производственных пунктов.

Однако процесс урбанизации сложного в физико-географическом и климатическом отношении региона не был единым, так как географическая среда играла существенную роль, влияя на направление и темпы развития производительных сил и, следовательно, общественного производства (Пуляркин, с. 77). По физико-географическим и климатическим условиям среднеазиатское междуречье делится на несколько различных экологических зон. В одних — южных и центральных (Бактрия, Согд) — стабильно преобладало земледелие, в других развивалось комплексное хозяйство с преобладанием в различное время сначала скотоводства, затем земледелия (Чач, Фергана), а третьих занимались скотоводством (Семиречье, степные районы Южного Казахстана). Эти особенности сильно влияли на уровень развития цивилизации, особенно на начальных его этапах и тем самым определили неравномерность вхождения различных областей в процесс урбанизации и неоднород-

ность форм прохождения этого процесса.

Включение в экономику новых сырьевых ресурсов и дополнительных групп производительных сил резко изменило ситуацию. Новый уровень социального и экономического развития приводит к перегруппировке городов, изменению их места в организации жизнедеятельности общества, структурной организации самого города и системы его связей, передвижению торговых линий.

Раскрыть специфику и возможности системно-структурного анализа города как особого исторического явления можно лишь на основе исследования всех частей его организма — и цитаделей, и шахристана, и рабадов, — причем в сравнительном анализе городов различных экологических зон.

В общем проблемы урбанизации имеют очень широкий спектр подлежащих исследованию вопросов, среди которых наиболее важным представляется социально-экономическое направление — изменение производственного потенциала, сырьевые и торговые связи, их динамика. Проследить этапы и особенности этого процесса в Средней Азии и определить обусловленность их — важная задача историка и археолога.

Накопление археологического материала позволяет глубже решать проблемы палеоэкономики и палеодемографии, а поскольку, как правильно отмечал О. Г. Большаков, средневековая археология Средней Азии в основном связана с раскопками городов (Большаков, 1970, с. 96), эти вопросы могут решаться на уровне изучения городской культуры.

Сочетание широких полевых работ и теоретических исследований, анализ археологического материала как исторического источника ставит задачи изучения общих закономерностей урбанизации.

Однако сделать это на основе даже широкого, фундаментального исследования лишь отдельных городов невозможно ввиду значи-

тельных локальных особенностей, влиявших на процесс урбанизации отдельных регионов, ибо, как говорил К. Маркс, «один и тот же базис, один и тот же со стороны основных условий, благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д., может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации. Понять их можно лишь при помощи конкретного анализа этих обстоятельств» (Маркс и Энгельс, т. 25, ч. II, с. 354). Это требует сравнительного изучения процесса урбанизации различных регионов разных физико-географических зон.

В число наиболее сложных разделов этой проблемы входит изучение городов Восточного Мавераннахра, располагавшихся в контактных зонах со сложным рельефом — от степных зон плодородных речных долин до предгорий и высокогорных пастбищ, развитие экономики которых было тесно связано с социально-экономическими процессами в среде полуседлых и кочевых скотоводческих народов степных и предгорных зон. Формы связи с этими племенами были сложны и неоднозначны. Особенности развития в этих зонах, обусловленные на ранних этапах преобладанием скотоводства как формы хозяйства, дающего на его раннем экстенсивном этапе более быстрый, хотя и неустойчивый прибавочный продукт, привели, во-первых, к более позднему формированию оседлой земледельческой экономики и зарождению городов по сравнению с южными и центральными областями Средней Азии; во-вторых, постоянному проникновению в эти оазисы скотоводов, оседанию их и втягиванию в экономику этих городов, и обратное влияние скотоводов на экономику этих городов, как источника сырья и рынка сбыта. Действительно, степь давала оазисам мясные и молочные продукты, сырье для легкой, текстильной, кожевенной промышленности, была крупнейшим рынком сбыта вооружения и конской упряжи, одежды и украшений, орудий труда и сельскохозяйственной продукции. Степь, особенно в период политического альянса, диктовала моду на ремесленную продукцию, способствовала интенсивному развитию ее отраслей.

Оседающие скотоводы составили значительный контингент сельского и городского населения контактных зон, оказывая существенное влияние на изменение этнического состава и культуры регионов. Все это выразилось в направленном характере ремесленного производства, в особенностях фортификации внутренней структуры и общей архитектоники

городов Восточного Мавераннахра в их культурном и этническом облике.

Важным фактором явилась разработка в средневековые сырьевых ресурсов. Описывая системы гор, которые тянутся от Хорасана до внутреннего Туркестана, Чача и Хырхызов, автор X в. Истахри сообщает, что в них от начала и до конца имеются серебряные и золотые рудники «и самые лучшие из них те, что в границах хырхызов» (Истахри, с. 26). Очень высоко он оценивает рудные богатства Илака и Ферганы (Истахри, с. 26, 29).

Добыча цветных и благородных металлов в этих регионах также способствовала чрезвычайно интенсивному росту городов контактных зон, выдвинула их в число наиболее урбанизированных и процветающих районов Мавераннахра. Если характеризуя в целом Мавераннахр тот же Истахри сообщает, «что касается их плодов, то когда тыходишь в Согд, Уструшану, Фергану и Шаш, ты видишь их в таком изобилии, что они превосходят остальные страны настолько, что благодаря этому изобилию скот питается ими. Что касается рабов, то туда попадают из тюрков, окружающих их, столь много, что (число рабов) превышает потребности их (жителей Мавераннахра)», то, переходя к характеристике отдельных владений, он подчеркивает, что «среди областей, которые находятся на территории Туркестана, нет ни одной области более значительной чем Чач» (Истахри, с. 17, 28).

Для полноценного изучения градообразующих причин и особенностей развития городов в неоднородных условиях археологические исследования в бассейне Средней Сырдарьи включали одновременные раскопки на единой методической базе нескольких городов, формирование которых проходило в различных физико-географических и исторических условиях — в равнинном, горнодолинном и горном поясах.

В равнинном поясе, в котором формировались основные центры городской культуры, изучались два крупных городских центра — городища Канка и Шаркия, раскрывающие два важнейших аспекта урбанизации — на транзитной магистрали Сырдарьи и непосредственно в оазисе.

Канка — отождествленная со средневековым Харашкетом, древней столицей владений Юйни и Чача — формировалась в низовьях плодородной долины древнего русла «реки Илака» — Ахангарана, близ Яксарта — «реки Чача» Сырдарьи и представляла руины одного из крупнейших городов Восточного Мавераннахра.

Шаркия — древний Бенакет, располагавшийся в 9 км юго-западнее Канки, непосредственно на правом берегу Сырдарьи, и тесно связанный с этой крупной речной торговой магистралью и ретранслятором культуры от Ферганы до Аральского моря. В период развитого средневековья здесь выросла крупная крепость — Шахрухия. В равнинной части проходило формирование городского узла древности и средневековья, включавшего и средневековые столицы Чача — «мадну Чача» Мингурюк и Бинкет — Ташкент, а также городские пункты Нуджет, Хатункет, Джабгукет, входившие в состав Большого Ташкента и разбивавшиеся в их округе замки и сельские поселения.

В горнодолинном поясе проходило формирование своеобразного центра — городища Кавардан, отождествленного со средневековым городом Кабарна. Он выросал в контактной зоне адыров на стыке земледельческого и скотоводческого районов Чача. Памятник расположен в 28 км к востоку от Ташкента, на левом берегу древнего русла Чирчика.

Шахджувартепе — специфический городской пункт, выросший на горном пути из Чача

в Тараз. Развитие его было обусловлено как активизацией обмена скотоводческих и земледельческих групп населения, так и рудной базой, на основе которой возникла цветная, а затем и черная металлургия города.

В основу данной коллективной монографии легли археологические материалы равнинных памятников, составившие наиболее древнюю основу городской культуры Чача, связанную и с транзитными торговыми путями и с этническими и политическими событиями бассейна Сырдарьи. Введение, общие характеристики глав I и II, «Изучение тагхана, мастерских стеклодувов» и заключение написаны Ю. Ф. Буряковым, «Цитадель. Раскоп 4», «Шахристан. Раскопы 1 и 10» — Ю. Ф. Буряковым и Г. И. Богомоловым, «Шахристан-III, раскоп 7» — Ю. Ф. Буряковым и С. А. Фонаревым, «Нижний строительный этап и назначение комплекса», «Шахристан-III, раскоп 12» и «Рабат» — Г. И. Богомоловым, «Квартал керамистов (раскоп 10)» — В. Г. Брыкаловой, «Раскопки оборонительных сооружений Хисара» — М. Р. Тихониным, «Раскопки погребальных сооружений (раскоп 13)» — В. И. Набоковым, глава III «Бинкат (Ташкент) и его округа» — М. И. Филанович.

Глава I

КАНКА—ХАРАШКЕТ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Канка — громадный (более 200 га с рабадами) памятник, расположенный на землях колхоза «Ленинизм», в западной части Ташкентского оазиса близ р. Сырдарьи, на берегу протока Карасу — древнего русла р. Ахангаран. Замкнутая стенами территория составляет около 150 га (рис. 1).

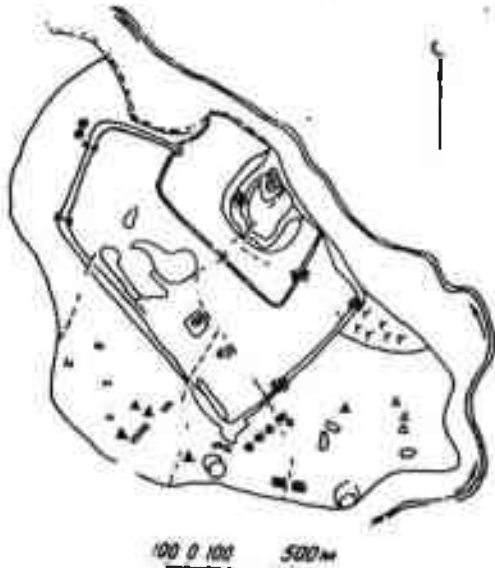

Рис. 1. Городище Канка. План.

Городище сложной структуры, ориентировано углами по странам света, со срезанным по изгибу реки северным фасом. В северном углу — высокая, квадратная (40×50 м по вершине, расширение северо-восточного фаса за счет пандуса) в плане, пирамидально опускающаяся вниз с уклоном 65—70° цитадель, достигающая в основании 120—130 м. Окружающий ее с трех сторон глубокий ров отделяет цитадель от примыкающего с юга подквадратного (1225×225 м) шахристана, в котором выделяются плотно застроенные мас-

сивы кварталов, улицы или водоемы в центральной части. В центре юго-западного фаса видны следы двойных ворот с четырьмя башнями по углам. Шахристан опоясан широким (до 40 м) рвом. И лишь со стороны ворот заметно пандусовидное понижение, напротив которого прослежен выступ типа устоя для перекидного моста, выводившего в шахристан-II, в виде неправильного прямоугольника, вытянутого с северо-запада на юго-восток. Размер длинных его стен 800 и 850 м, коротких — 420—490 м. По микрорельефу отмечено трое ворот: в северо-восточном фасае — к реке, вдоль рва, разделяющего его с первым шахристаном, в юго-западном, на продолжении основной дороги от перекидного моста, и юго-восточном, занятом современной дорогой. Были ли ворота в северо-западной стене определить трудно из-за разрушенности ее современными постройками. Однако обследовавший в 1929 г. городище М. Е. Массон отметил их и в этом фасае (Массон, 1953, с. 111, рис. 53).

Шахристан-III, также в виде вытянутого на юго-восток вдоль реки прямоугольника с усеченным из-за изгиба реки северо-западным фасом, с трех сторон охватывал остальные части города, общей площадью 150 га. В его стенах четко прослеживаются лишь двое ворот в юго-восточном и юго-западном углах. Менее четко читаются ворота в северном углу на изгибе стены, в северо-восточном и в центре северо-западного фаса. М. Е. Массон упоминает о следах шести ворот и нескольких проломов-калиток (Массон, 1953, с. 112).

В рабаде городища, ранее определенном нами в 50 га в основном за счет южного пригорода, в котором были выявлены печи керамистов и кирпичников, найдены инструменты винодавильни и масса разновременных монет, сохранились всхолмления пригородных сооружений и остатки густой застройки близ юго-восточных ворот. Здесь был раскопан квартал керамистов V—VIII вв. н. э. (Абдуллаев, 1974,

с. 83—92). Однако работы последних лет показали, что и юго-западный рабад занимал обширную территорию (Тихонин, 1986, с. 120—125). Общая площадь всего рабада превышает 100 га. К сожалению, распашка мешает четко оконтурить его.

История изучения Канки и материалы раскопок до 1978 г. введены в литературу Массоном (1953, с. 105—114), Абдуллаевым (1975, с. 128—154) и нами (Древняя и средневековая культура Чача, 1978, с. 59—109). С 1978 г. продолжались планиграфическое исследование верхнего строительного горизонта всей цитадели и раскопки в северной и западной частях более ранних ее комплексов — оборонительных, жилых и культовых. В шахристане-I изучали фортификацию города и планиграфию застройки в эпоху средневековья, затем был заложен крупный стратиграфический раскоп до материка (раскоп-1). В центре обследовали культовое сооружение (раскоп-10), затем были начаты планиграфические раскопки. Общая площадь раскопов здесь составила около 1000 м².

В шахристане-III основные работы были сосредоточены в юго-восточной части близ ворот, где вскрыли расположенный возле них объект (раскоп-7) и примыкающую к нему оборонительную стену (раскоп-7а). Рядом с

ним раскапывали монументальный жилой комплекс около крепостной стены, на стене (раскоп-12) и продолжение его оборонительной системы на восток (раскоп-15).

В западной части шахристана-III исследовали отдельно стоящий объект (раскоп-14), оказавшийся феодальным замком в городской структуре.

В рабаде, интенсивно разрушенном современной запашкой, основные работы были сосредоточены на площади близ юго-восточных ворот, где сохранились нераспаханные останцы и отдельные холмы. Здесь последовательно заложили стратиграфические шурфы № 9, 10, 11, 12; позже шурф № 9 был превращен в стратиграфический раскоп-13. Кроме этого, небольшие раскопки были проведены на окраине западного рабада, где вскрыли печь и получили интересную коллекцию керамики¹.

ЦИТАДЕЛЬ. РАСКОП 4

В северном углу города возвышается цитадель. С северо-востока она поднимается над руслом реки на 35 м. С трех сторон окружена глубоким рвом и лишь вдоль северо-восточного фаса стены поднимается пандусообразный вход-подъем к цитадели, которая

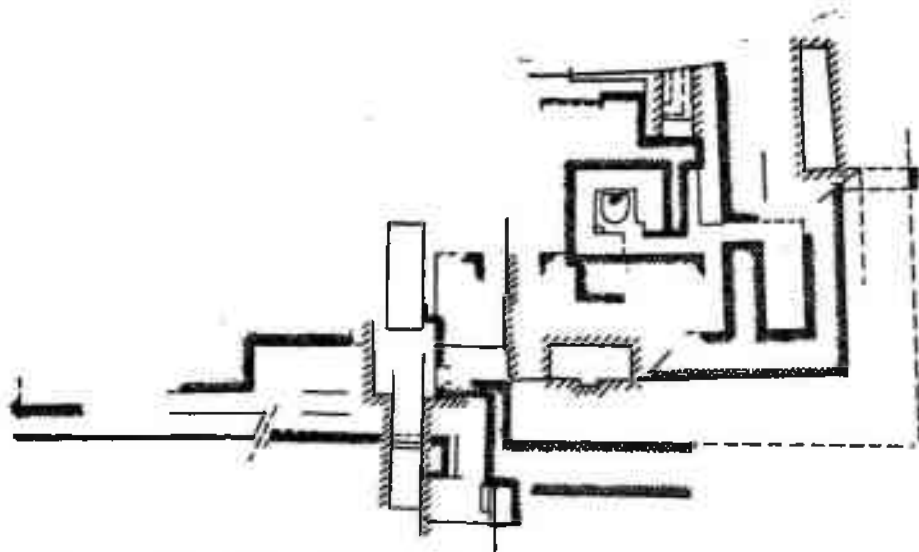

Рис. 2. Канка. Цитадель. План по уровню VI—VIII вв.

делится на две части. Основная — квадратная по вершине размером 40×40 м с расширением на уровне подхода пандуса в 5 м ниже вершины до 50×50 м. На северо-востоке обрывается дополнительная площадка 15×50 м, оказавшаяся снаружи от основных укреплений цитадели над руслом реки.

Наиболее полно цитадель раскрыта по верхнему (караханидскому уровню, резуль-

¹ В 1983 г. пункт исследовал М. Р. Тихонин (Тихонин, 1986, с. 120—125). Однако дата комплекса IX в. н. э. (там же, с. 123—124), по нашему мнению, «замоложена», так как по четким аналогиям комплекс датируется не позднее VIII в. н. э.

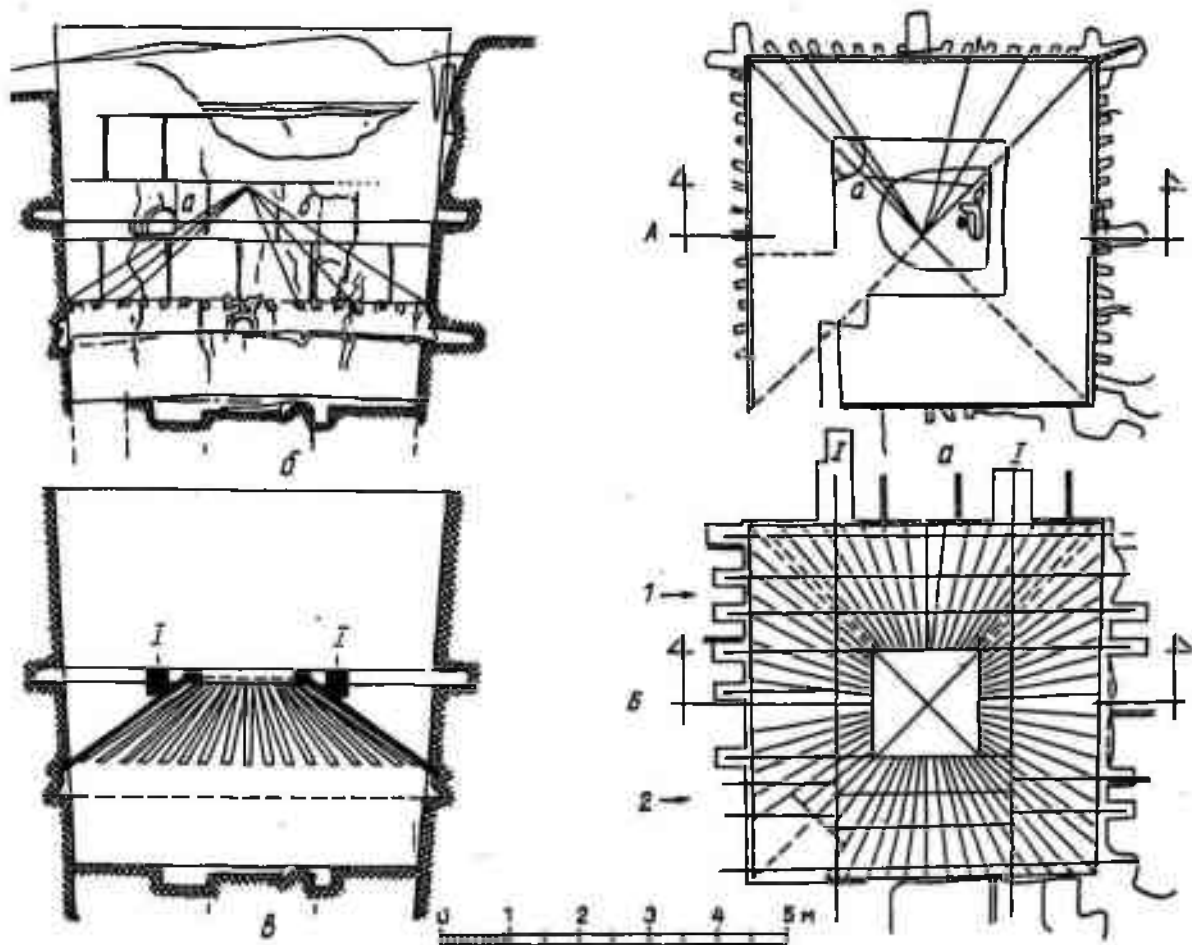

Рис. 3. Канка. Цитадель. Помещение с алтарем:

а — план; б — разрез; в — реконструкция шатрового перекрытия; г — варианты реконструкции потолка.

таты о раскопках которого частично уже освещались в литературе (Древняя и средневековая культура Чача, с. 64—85). Основные постройки верхнего строительного комплекса цитадели выполнены из пахсы и лишь облицовывались кирпичом саманидского (в южном углу) и караханидского (в остальной части) стандарта. Сложились же они в раннесредневековый период и нарастали в два хронологических этапа. Характеристику их лучше начинать снизу. Раскопки северо-западного и северо-восточного фаса показали, что на руинах древних строений, превращенных в стилобат, по единому архитектурно-планировочному замыслу возводится монументальный четырехбашенный замок (рис. 2).

Наиболее полно сохранилась северная башня подквадратной формы размером

13×14 см. Стены сложены из пахсовых блоков высотой 95 см и шириной 110 см. Пахса «вперевязку» и по вертикали и по горизонтали. Уклон внешнего фаса 75°. В сложных узлах арок и сводов использован сырцовый кирпич 50—52×25×10—12 см. Башня сохранилась на высоту 10 блоков. По низу башни и вдоль всего северо-восточного фаса проходит пояс обводной галереи с шириной внутреннего коридора 3 м. Толщина внешней ее стены на уровне пола 2,75 м, с откосом наружного фаса в 70°. Культурный слой коридора мощностью до 40 см включал обломки керамики, скопления более сотни булыжников весом 0,6—2,3 кг.

Обводная галерея продолжалась и вдоль северо-западного фаса цитадели, завершаясь в западном углу аналогичной, но сильно раз-

рушенной подквадратной башней. По верхнему ярусу вдоль северной башни раскрыты узкие (1,3×3 м) помещения с паховыми стенами и выложенными из кирпича сводами, а в глубине размещался двухэтажный комплекс, отделенный от них коридором. Стены его сохранились на высоту 4,5 м. В северо-восточной и юго-западной стенах на расстоянии 2,7 м от пола видны углубления для балок перекрытия первого этажа. В северо-восточной стене сохранились три ячейки глубиной 45 см, высотой 25—29, шириной 24—28 см. Расстояние между ними 33—69 см; в сильно разрушенной юго-западной сохранилась одна ячейка глубиной 58 см, при высоте 30 и ширине 21 см (рис. 3).

Верхнее помещение — прямоугольное, западная часть его разрушена. Нижнее помещение — квадратное, размером 5×5 м. Вдоль северо-восточной стены скользящий вход из коридора. С северо-запада его дополняла узкая стеночка-тамбур. Вдоль всех стен — суфы шириной 90 см, высотой 45 см. Северо-западная суфа имела выступ-эстраду в 30 см, являясь, вероятно, центральной. В центре помещения — возвышение высотой 30 см, представляющее собой подковообразный (1,6×1,5 м) алтарь (как бы опрокинутая арка ниши) с прокаленной ямкой у плоского юго-западного края, обложенной по верхнему краю специальным валиком. Таким образом, между суфами и алтарем остается проход в 40 см, а закругленная часть отделяется от суф проходом 70—22 см.

Большой интерес представила расчистка стен, сохранивших конструктивные элементы покрытий. В стенах над суфами на высоте 90 см сохранились выдолбленные углубления для горизонтальной балки-прогона высотой 20 см и глубиной 15 см. В углах — перекрещивающиеся в форме ласточкиного гнезда ниши для соединения прогонов «в крест»; в восточном — 21×34×35 см, южном 35×50×50, западном 30×50×45 см. Над ними на высоте 110 см, т. е. прямо над балкой, — мелкие ячейки по 12—17 в каждой стене для наклонных брусьев шатрового перекрытия. В то же время в северо-восточной и юго-западной стенах расчищено по шесть крупных (30×30 см, глубиной до 0,5 м) горизонтальных проемов от плоского перекрытия. Таким образом, здесь выявляется два перекрытия — плоское балочное и шатровое на квадратном основании. Если считать их последовательными, то раннее перекрытие — балочное, позднее — балочное и шатровое. Однако самая ранняя штукатурка со стен переходит сразу к купольной облицовке. Кроме того, судя по отпечаткам, тонкие (8×8—10×10 см) брусья

для оформления шатра, входившие в пазы стен под углом, вставлялись как будто в сырую глину при строительстве комплекса. Вряд ли было возможно сделать углубления, каждое из которых имеет свое сечение, без подправки ячеек, как это прослеживается в стенах комнаты. Значит, и балочное, и шатровое перекрытия одновременны и возведены в процессе строительства помещения.

По реконструкции И. П. Луньковой (рис. 4, б, в), балочное перекрытие было несущим, «шатер» на квадратном основании — декоративным. Два основных несущих бруса, перекинутых с северо-западной на юго-восточную стену, поддерживали балочную конструкцию, в которой могла применяться решетка, вероятнее всего вразбежку, хотя не исключен и сквозной прогон. На него нашивались доски основания второго этажа. Снизу встроено второе декоративно-интерьерное перекрытие в виде пирамиды или шатра, опущенного на квадратную опорную раму из бревен, так заглубленных в плоскость стены, что они практически не выступали за лицевую поверхность.

В углах — перекрещивающиеся заглубленные врезы от врубки «в крест», а в серединах стен — углубление «пробок», закреплявших брусья коробки. Максимальное количество брусьев шатра в стене достигало 17 при среднеарифметической толщине бруса 9 см.

В результате сдвигов и разломов при землетрясении (Буряков, Лунькова, 1985, с. 42—43) отметки некоторых конструкций сместились, образовав непараллельность пирамиды. Опытным путем установлено, что шатер завершался световым и вентиляционным люком, который был необходим из-за функционировавшего в квадратном зале огня.

Таким образом, помещение было низким, но купольным. Специальное исследование купольных сооружений в раннесредневековых памятниках Средней Азии приводит к мысли, что они занимают особое место в комплексах из-за прежде всего культово-ритуального назначения (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, с. 32). Распространение их, вероятно, отвечало требованиям зороастризма, видевшего в куполах наиболее идеальную форму выражения небесной сферы (Воронина, 1952, с. 22). Определенные структурные аналогии представили средневековые домашние храмы Хорезма, в частности из городища Джигирбенд, где были раскрыты две комнатки, одна из которых близка по площади Канкинской. В северной части она ограничивалась суфой-платформой с нишей, а в центре комнаты располагался очаг антропоморфной формы. Во второй маленькой комнатке, в северо-вос-

точном ее углу, — квадратная выкладка, стенки которой оштукатурены и побелены, а у основания найдена светлая зола. Вторая прямоугольная выкладка высотой до 0,5 м также со следами побелки в юго-западном углу комнаты (Вишневецкая, Рапопорт, 1979, с. 105—106, 108).

Комнаты небольшие, связываются с домашними храмами огня. Так, в городском храме огня Кермана (нач. XX в.) камера составляла 11 м². Огонь горел в медном сосуде, вставленном в глиняную колонну высотой до 1,5 м с диаметром 1,2 м. Зола собиралась в углу (Gropp, 1972).

Г. Гропп, исследовавший парсийский храм, выделяет комплексы, включающие помещения для хранения огня (адурриан) и помещение для жертвоприношений (дори-михр), в которых огонь возжигался для определенных церемоний и гасился после их завершения. В последних для совершения церемоний собирались группы молящихся по 5—15 человек.

В адурриане огонь горит постоянно в специальном металлическом светильнике-чаше (атешдана), установленном на каменном возвышении; около него есть камера для топлива. Доступ сюда имеют лишь жрецы. В дори-михре светильники-вазы с огнем стоят на каменной плите перед большим низким столом с утварью для приготовления хаомы, сосудами для жертвенной пищи (Gropp, 1972).

В связи с этими аналогиями становится понятным нахождение в храмовом помещении цитадели разбитой курильницы, обломка кувшина для воды и небольшого сосуда-плоски на центральной суфе, вероятно, служившего для подливания масла в курильницу. Изолированное положение комнаты, низкий потолок сближают ее с описанными М. Бойс храмами Ирана, вход-тамбур подчеркивает изолированный характер комнаты с огнем (Boiss, 1986).

Таким образом, на первом этапе по вскрытому северному фасу цитадель можно реконструировать как возведенный на руинах предшествующего этапа по единому архитектурно-планировочному замыслу четырехбашенный замок-дворец, подквадратный (или четырехугольный) в плане, с выступающими за внешнюю линию стен крупными прямоугольными башнями, обведенными по нижнему ярусу крытой стрелковой галереей. Дворец построен из глины прекрасного качества, монументально, с большим запасом прочности. Материал этого времени представлен позднекаунчинской керамикой, датируемой второй половиной IV — первой половиной

VI в. н. э. с моментами древнечачского чекана.

На втором этапе цитадель подверглась крупному ремонту, особенно значительно коснувшемуся системы фортификации. Забиваются обломками кирпича и пахсой обводные галереи, внешние стены которых были значительно разрушены. И с их уровня стены облицовывают оригинальными комбинированными блоками из сырцового крупноформатного кирпича плохого качества, сформованного из болотной глины, выкладывавшегося поперечными отрезками в комбинации с пахсой и образующего самостоятельные блоки высотой до 100 см, шириной до 110 см. Снаружи каждый комбинированный блок покрывался глиняной «скорлупой», создавая в целом впечатление монументальной пахсовой кладки. Отдельные отрезки блока монолитной пахсы сохранявшейся старой кладки, включенные в новую стену, служили как бы жесткостями, от которых с разных уровней начинали новую кладку комбинированных блоков. Эта пахсо-кирпичная обкладка повторяет профиль ранних стен. Вместо свободного пространства на массиве ее закладки в теле стены с обеих сторон вдоль северной башни раскрыты два узких помещения с хорошо сохранившимися на высоту до 5 м стенами, не имевшими входа. Уровни их полов совпадают с уровнями полов центральной части цитадели. Поверхность полов не утоптана, стены не обмазаны и не оштукатурены.

В северо-восточной стене помещения сохранилась арочная ниша, обращенная к реке и построенная одновременно с основной кладкой. Эти оригинальные помещения с лазами сверху, вероятно, служили комнатами-хранилищами «хамбе» для запасов продуктов и ремесленной продукции (рис. 4, 5).

На втором этапе закладываются некоторые угловые комнаты. Вдоль северо-западной стены, над заложеной галереей и с уступом во внутрь, проходил узкий невысокий коридор (ширина 0,9 м, высота 1,5 м), перекрытый сводом полуциркульной формы. Стены его сложены из пахсовых блоков, арка свода — из сырцового кирпича. Характерная черта — неодинаковость пят наружной и внутренней стен коридора, — вероятно, была архитектурным приемом строителей, связанным с необходимостью сдержать распор перекрытия. На полу коридора найдена бронзовая пряжка с подвешенным язычком и монетка VII—VIII вв. н. э. За коридором над заполненными пахсой галереями располагался ярус обороны из пахсовой стены, как бы прикрывающей снаружи помещение-хранилище. Однако полностью реконструировать этот пояс обороны трудно

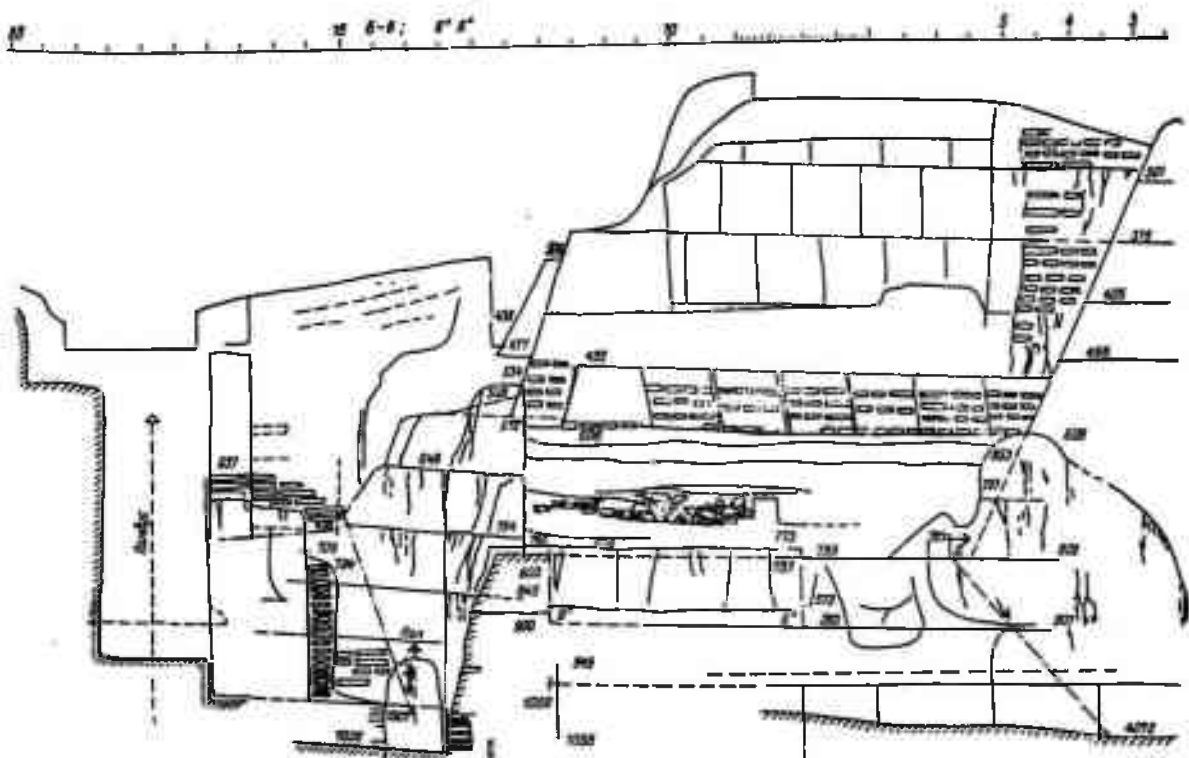

Рис. 4. Канка. Цитадель. Обводная галерея и вход. Разрез.

из-за почти полной разрушенности. Меняет свою форму и основной вход в цитадель. Нарращиваются уровни его полов, закладывается внутреннее колено, прорубается прямой вход с полуциркулярной аркой входного проема.

Проводится ремонт и в квадратном зале с алтарем: перекрываются полы, облицовывается подиум. Закладывается эстрада основной суфы, превращая ее целиком в широкую (до 120 см) суфу. На ней найден фрагмент керамической курильницы и широкогорлого одноручного кувшина для воды с небольшим сливом, характерного для керамического комплекса Чача VII—VIII вв. н. э. (Буряков, 1982, с. 84). Над суфой на высоте 50 см прорисованы неглубокий врезом три сплетенных кольца диаметром по 5,6 см. В восточном углу пола, между суфой и подиумом, расчищена ямка диаметром 48 см, глубиной 30 см с золой и птичьими косточками. Следы огня на подиуме, курильница, сосуд с водой и косточки в ямке пола свидетельствуют о сочетании космического культа и поклонения огню. Форма подиума имитирует перевернутую культовую арку. Беруни сообщает об изготовлении сог-

дийцами в определенный месяц года пищи из муки, масла и сладостей, съедаемой в домах огня (Беруни, 1957, с. 254). Близкий по характеру обряд реконструируется по нашим материалам в цитадели Харашкета, где мы имеем дело с пищей из птицы.

В целом на втором этапе (в VII—VIII вв.) после реконструкции обстроенная комбинированными блоками цитадель продолжала выполнять функции дворцово-крепостного ядра раннесредневекового города.

Не менее сложен входной комплекс неоднократно перестраиваемой цитадели, характеристику которого удобнее начать с раннего этапа, связанного с возведением обводной галереи. Он располагался в центре северо-восточного фаса, между северной и восточной башнями, и сначала имел сложную колленчатую планировку.

Вход ранней конструкции имеет два этапа. На раннем он начинался широким «приемником» с остатками дверного проема и невысокими суфами с обеих сторон, вероятно, для стражи. На восточной суфе расчищен очаг, около него лежали фрагменты чаши каунчин-

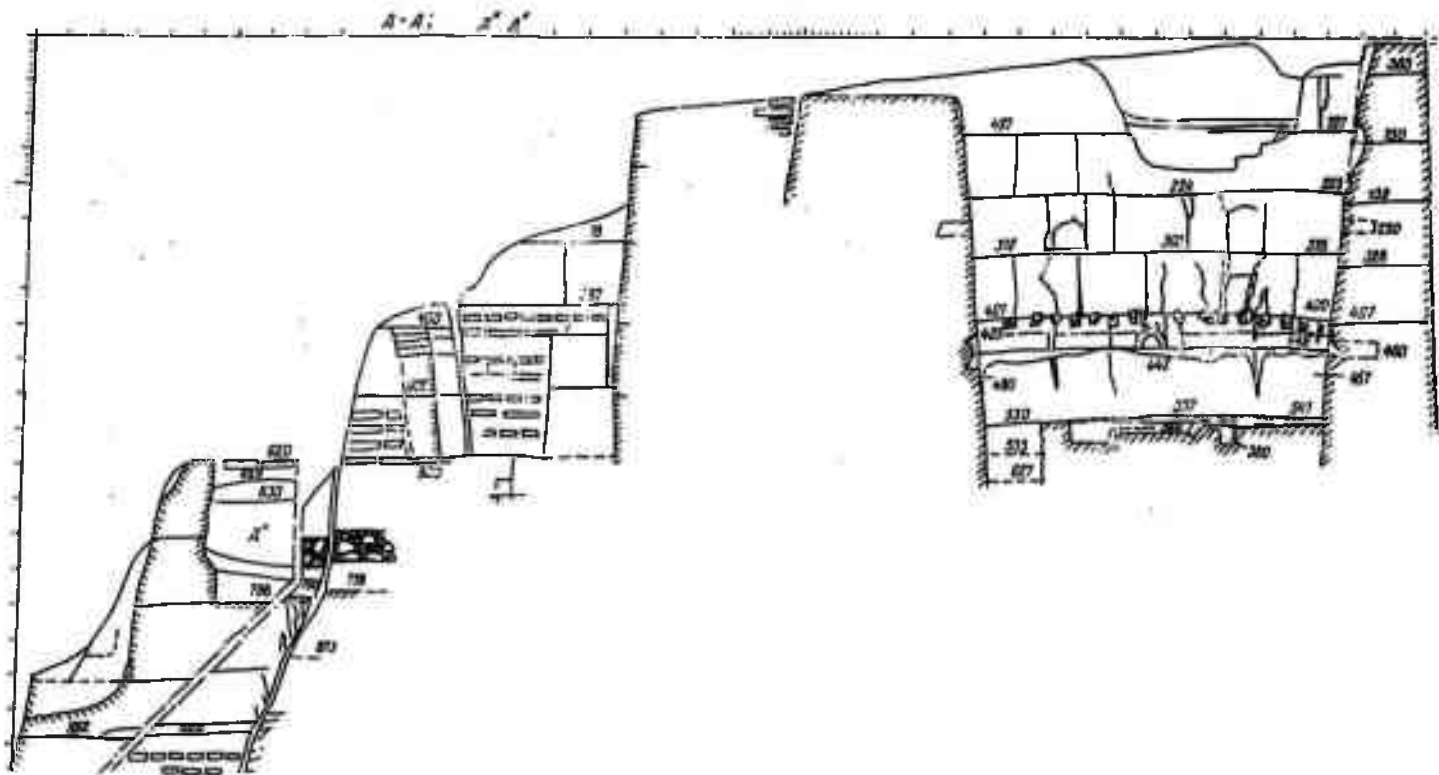

Рис. 5. Канка. Цитадель. Разрез обводной галереи, башни, помещения с алтарем и аркой.

ского типа и медная монета с изображением на лицевой стороне портрета правителя влево. На оборотной стороне — характерная древне-чачская тамга и нечитаема легенда согдийским письмом. Подобные монеты чеканились в Чаче с III в. н. э. до включения в состав тюркского каганата (Буряков, 1982, с. 116—118).

Ширина приемника — 4 м. В начале его расширен след дверного оклада, где уложен каменный шарнир-подпятник устоя ворот. Слева — у входа на суфе очаг. Около него пол пересекала четкая горелая полоса. Считать ее остатками сгоревших дверей мы не можем, так как следы их сохранились в начале входа. Здесь же на чисто выметенном полу видны следы сильной его обгорелости. Создается впечатление поддержания специального огня в приемнике. Длина приемника — 3,5 м, далее он сужался на первом этапе до 1,6 м, а через 8,5 м делал поворот под прямым углом на юго-восток. Это колено короткое (1,2 м) с поворотом на юг и вновь на запад и ввод внутрь цитадели. Стены оштукатурены несколько раз.

На первом полу пандуса найден фрагмент горшочка с красновато-черным ангобом и рифлением, характерным для комплекса Джетысар II, донная часть хума на песчаной подсылке и стенка кувшинчика, украшенная поясом треугольничков, нанесенных черпо-красочной краской.

Подобная керамика встречалась в погребениях Апартака и Туябугуза (Древности Туябугуза, 1978, с. 109—110) середины I тысячелетия н. э. На втором этапе выстилается новый уровень пола. Юго-восточная стена облицовывается кирпичной кладкой из сырца размером $48 \times 24 \times 12$ см в полкирпича, сужая это колено входа до 1,6 м, и тонко оштукатуривается. Под закладкой видны следы пожара, завершившего первый этап.

Затем конструкция входа меняется: приемник закладывается кирпичом, а входная часть переносится на 1,7 м по фасаду на восток. Ширина входного отрезка 1,8 м, подъем плавный с резким поворотом в центре отрезка направо. Полуциркулярная арка прохода соединяет его с двухметровым коленом раннего входа и затем вводит вовнутрь цитадели. Вероятно, для симметричного оформления парадного фасада вход пандуса был перенесен.

На этапе средней конструкции прослежено три уровня полов. На каждом у поворота под арку второго колена вновь отмечены следы обгоревшей полосы на тщательно выметенном полу. Все это позволяет говорить о специальной, очистительной функции огня, действию

которого обязательно подвергался каждый появляющийся под сводами входа в цитадель. По предположению исследователей, очистительные свойства огня использовались в цитадели Топраккала в Хорезме: входы в тронный зал северного комплекса были оформлены специальными очагами крестообразной формы (Топраккала, 1984, с. 60—61).

Интересен факт расположения очага-алтаря у входа в помещение середины I тысячелетия н. э. в южном пригороде Харашкета (Буряков, Богомолов, 1990, с. 102). Обычай очищения огнем был известен на востоке и позже, например, у монгол, о которых Плано Карпини сообщает: «Они веруют, что огнем все очищается, отсюда, когда к ним приходят послы или вельможи, или какие то ни были люди, то им и самим и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла» (Путешествие в восточные страны, с. 31).

Затем с уровня четвертого пола конструкция входа вновь меняется. При третьей конструкции арочный поворот вправо закладывается, превращаясь в неглубокую нишу. Коридор идет прямо, но меняет и форму и размеры. Он делится на два отрезка. Первый от входа до заложенного поворота оформлен в виде полого поднимающегося пандуса шириной 1,8 м. Второй отрезок до ввода в цитадель горизонтальный, но расширенный. Слева он расширяется на 115 см, справа на 75 см и образует замкнутое помещение общей шириной 3,7 м, длиной 4,22 м. Вход в цитадель оформлен широкой полуциркулярной аркой из крупноформатного кирпича $48 \times 50 \times 24 = 26 \times 10 = 12$ см. Эта конструкция совпадает с общей перестройкой цитадели в VII в. н. э., закладкой галерей, оформлением паховыми блоками и «псевдоблоками» основных стен цитадели, постройкой вдоль нее снаружи крупных помещений из пахсы. Этот этап насчитывает несколько мелких ремонтов — штукатурки стен и обмазки полов.

На втором этапе жизни поздней конструкции оба расширенных входа заложили мелкоформатным ($32 \times 16 \times 4$ см) сырцом. Судя по стандарту кирпича, это уже караханидская эпоха. По самой цитадели мы видим частые перестройки (шесть этапов), две из которых были крупными. Эти частые ремонты отразились и на входном комплексе, многократно перестраивавшемся.

На следующем, третьем, этапе ширина входа составляет уже 2,15 м, а вдоль него на руинах ранних стен возводятся суфы шириной 75—80 см, на 1,0 м не подходящие до внут-

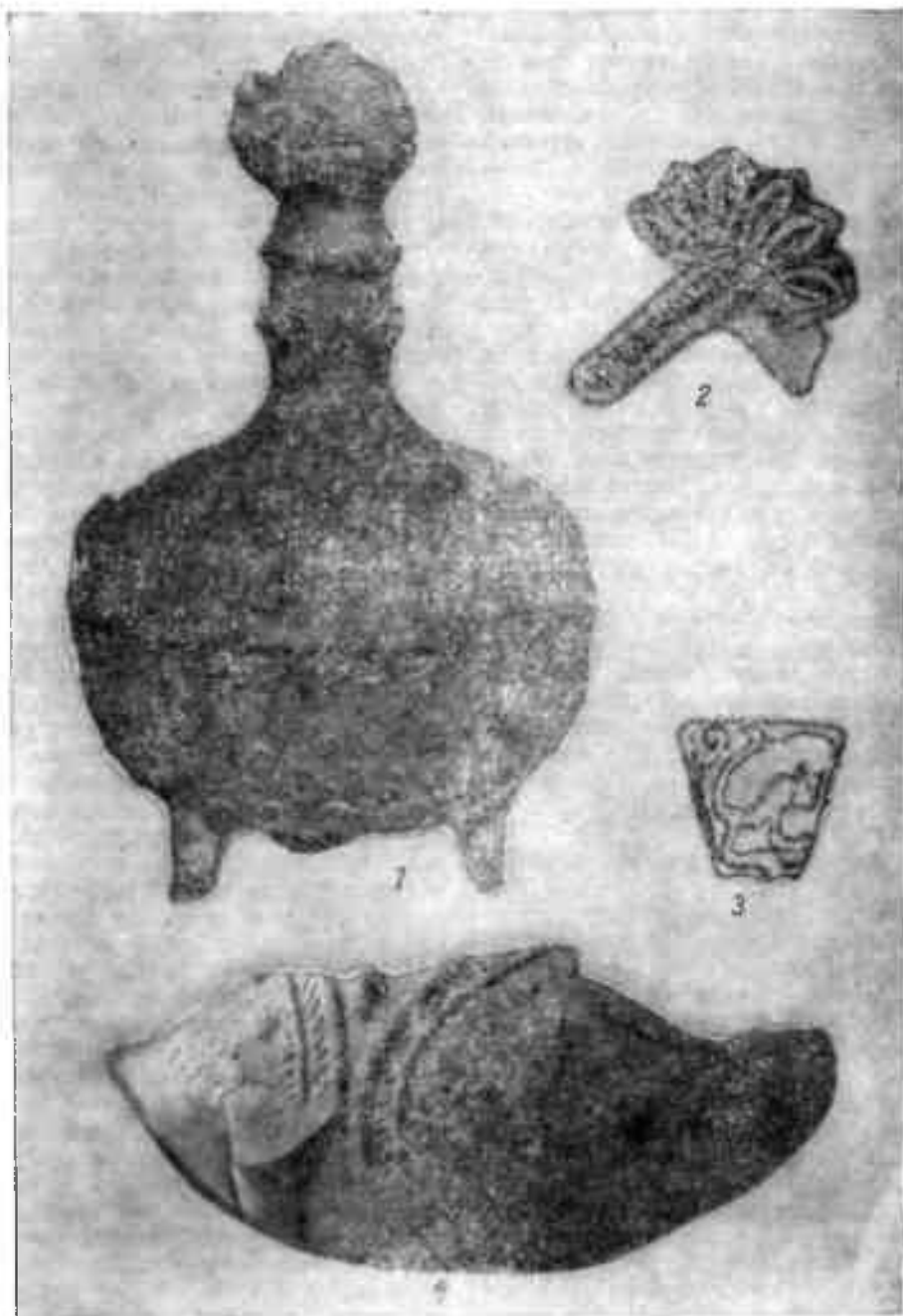

Рис. 6. Канка. Цитадель. Керамика XI в.:

1 — серогливяный кувшин; 2 — слва в виде фантастического животного; 3 — лятка светильника, 4 — фрагмент штампованного сосуда.

ренного входа. Справа вдоль стены отмечен вход в небольшое помещение с тазаром, светильниками, бытовыми сосудами. Вероятно, это помещение для стражи ворот. Сам коридор с обеих сторон замыкался воротами; го-

ризонтальный участок длиной 7 м вымощен жженым кирпичом; с обеих сторон этот отрезок сохранил следы косяков дверей и углубления «шарниров»-подпятников. Наружный отрезок продолжался в виде пандуса. На чет-

вертом этапе суфы закладываются, пол по их уровню выстилается жженым кирпичом. Ширина коридора составляет 3,6 м.

Снаружи перед входом — площадка, выстланная булыжником, по которой из шахристана-I ко входу вдоль стены поднимался узкий пандус. Площадка делилась на две части. На участке севернее входа расчищены несколько ярусов небольших очагов в слоях с интенсивными зелеными гумусными отложениями. Находки представлены в основном фрагментами посуды, преимущественно кухонной и глазурованной столовой. Интересны железные наконечники стрел (плоские ромбовидные, черешковые), кольцо для конской упряжи, мощные слои зелено-серых органических отложений, содержащих останки животных. Вероятно, здесь располагалась конюшня владельца цитадели и обслуживающий ее персонал прислуги. Здесь же, вероятно, оставляли лошадей посетители цитадели.

Территория к востоку от входа за пределами стен цитадели была густо застроена вспомогательными помещениями и жилищами слуг, работающих в цитадели. На этом участке раскрыт узкий служебный вход в цитадель, вымощенный жженым кирпичом. Под ним проходил двойной жаропровод внутрь цитадели. Площадка перед входом вымощена булыжником. На ней раскрыта группа жилых и служебно-хозяйственных помещений. Комнатки небольшие, часто перестраивающиеся, плохой сохранности с тонкими (до 30 см толщиной) стенами, округлыми притенными очагами и специальными обожженными площадками около очага, идентичными очагам хозяйственного узла западного сектора цитадели.

На разных уровнях полов здесь расчищена 21 хозяйственная яма. Ямы различных размеров диаметром 0,6—1,7 м и глубиной 0,7—1,8 м почти разрушили ранние постройки, связанные с обслуживающим цитадель хозяйственным комплексом. Располагаясь за стеной цитадели, между ней и парадным входом, они с северо-востока были окружены специальной стеной, основой которой служила стена цитадели V—VIII вв. н. э. Снаружи вдоль нее проходила дорожка пандуса, подведившая к входу. Большинство ям бочковидной формы. Вероятно, первоначально они играли роль хранилища, потом в период ремонта, засыпались; получилась яма на яме с разных уровней полов с почти одним уровнем материи. При ремонте они заполнялись сероватой землей с обломками хумов, симобкуза, неглазурованной столовой посудой. Немногочисленная поливная посуда представлена чашами раннекараханидского типа.

Самая крупная яма № 12 с четвертого пола диаметром 1,70 м, глубиной 1,8 м. С этого же пола яма № 14 длиной 1,0 и глубиной 1,6 м, в которой найден почти целый сероглиняный кувшин с шаровидным туловом на трех небольших ножках и узкой, вытянутой, профилированной горловиной. Он сделан по форме стеклянных графинов. Тулово склесно из двух половиннок, отлитых в складных формах — калыбах и покрыто ажурным орнаментом, штампованным в шесть поясов. Нижний пояс из двойных ромбов, второй — сложный: ряды перлов, чередующихся с лучевидными, S-образными фигурами, ромбами. Иногда лучевидные фигуры сочетаются с мелкими перлами (рис. 6, 1). Третий ряд декорирует стук половиннок тулова и украшен ниспадающими зубцами.

Верхняя половина также орнаментирована в три пояса. По ее низу основной пояс из удлиненных фигур в виде стилизованного ствела или чаши, раскрытой вверх в окружении перлов. Завершается композиция шарами или округлыми плодами. Второй пояс — из счетверенных ломаных линий, и на переходе к горловине — поясик косых зубчатых полос. Основные мотивы связаны с отражением старых земледельческих культов — космических сил (солнца, воды) и растительного (древа жизни) — вечных сил природы.

В восточном углу участка расчищено полуподвальное помещение, вытянутое вдоль северо-восточной стены цитадели шириной 2,35 м. В нем хум, четыре граненых чирага коричневой поливы с ручками, фигурные паты которых украшены штампованным орнаментом. Вдоль внешнего края комнаты проходила водосточная система из керамических кубуров длиной 2,8 м, выходящая сквозь внешнюю стену прямо к основанию пандуса.

Под помещением на глубине 2,4 м от пола расчищена конструкция из жженого кирпича размером 33×19×4 см на пахсовой основе. Она представлена двумя параллельными стенами, поднимающимися на 55 см на расстоянии 21 см друг от друга. Затем они делают уступ, оставляя между собой расстояние 68 см, и поднимаются еще на 47 см. В длину конструкция продолжается на 1,5 м, затем переходит в два желоба из жженого кирпича. Внутри пространство заполнено остатками золы, угля, сажи. Несомненно, это центральная система для отопления канов парадного двора. Она вводилась в цитадель под служебным входом и соединялась с жаропроводами, проходившими через двор к парадной суфе. Система функционировала на этапах караханидских полов 1—3. В связи с крупным ремонтом двор на уровне четвертого этапа был за-

сыпан, и уже ямы четвертого пола перерезают и разрушают ее отдельные участки.

ШАХРИСТАН-I. РАСКОП I

Шахристан-I, примыкающий к окружающему цитадель рву, входит в древнейшее ядро города. Поэтому его изучению было уделено особое внимание. Структурно в нем выделено два возвышенных массива наиболее интенсивной застройки — вдоль северо-западной и северо-восточной стен.

Раскопки вдоль северо-западного фаса были начаты в 1969—1970 гг. разрезом крепостных сооружений до основания укреплений (Абдуллаев, 1975, с. 131—137). В последующие годы его превратили в планиграфический раскоп № 1, в котором вскрыли жилые комплексы верхнего строительного горизонта (Древняя и средневековая культура Чача 1978, с. 86—93). В 1978 г. были продолжены стратиграфические исследования, проведенные в несколько этапов: I — а) зачистки разреза-I с более четким вычленением крепостной архитектуры; б) небольшие раскопки западного угла; в) крупные стратиграфические раскопки на участке города, примыкающего к крепостной стене в районе разреза-I; II — а) при

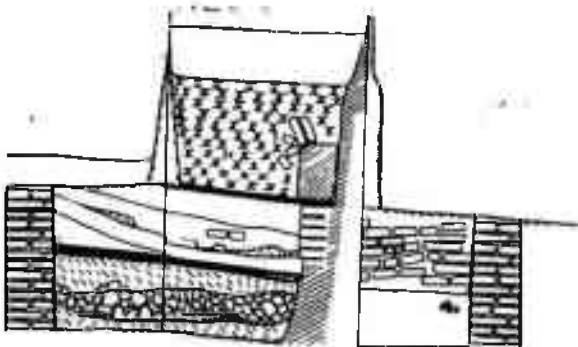

Рис. 7. Канка. Шахристан-I. Раскоп I. Развертка.

вскрытии стратиграфического разреза-I с нижних слоев выявлена сложная оборонительная система, несколько по-иному раскрывающая начало возведения укреплений. Расчищена двойная оборонительная стена. Толщина ее внешней стены 2,7 м. Основание этой стены на высоту до 1,1 м было выложено пахсой, выше — квадратным сырцовым кирпичом размером 38—42 см в стороне и высотой 12—14 см. На высоте 3,4 м раскрыт переход на 2-й ярус обводной галереи и раскрыт примыкающий к ней обводной коридор с арочным входом и сползшим сводом,

сложенным из кирпича вертикальными отрезками с трапециевидным кирпичом замка. Однако на обводной галерее видны следы разрушений и перепланировки с подкладкой ремонтной стены из крупноформатного прямоугольного кирпича. Галерея этого времени сохранила упавший свод также из трапециевидного кирпича и более мелкого формата.

Находки представлены лепной плоскодонной керамикой — светлоглиняным кувшином с вертикальной ручкой в сечении уплощенно-миндалевидной формы, фрагментом стенки горшка, снаружи покрытого полосами черно-коричневой краски. Керамика характерна для комплекса Каунчи-I, т. е. для II в. до н. э. — II в. н. э.

В западном углу стены раскрыты два этапа перестроек укреплений, возводившихся из прямоугольного сырца и пахсы (стандарт сырца 52×25×10 см и 35×25×10 см) с четырьмя уровнями полов. Материал датирован в пределах этапов Каунчи-II и III. Более четкая стратиграфия наслоений прослежена в стратиграфическом раскопе-I, заложенном на продолжении разреза-I (рис. 7).

Раскоп-I. Здесь зафиксировано II строительных горизонтов при общей толщине культурных напластований 18 м² (рис. 8). Два верхних, последовательно сменявших друг друга строительных горизонта, относятся к X—XI вв. и VII—VIII вв. (Абдуллаев, 1975, с. 131—137; Буряков, 1979, с. 5). Следующий строительный горизонт (Г-3) — часть жилого комплекса у крепостной стены с хозяйственными помещениями и двором и явными следами пожара. Одно помещение вскрыто полностью, остальные пять — частично. Пом. № 1 прямоугольной формы 7,4×4,6 м. Ширина северной и южной стен 1,4 м, только восточной 2,8, а западной 1,7 м. По периметру стен помещения возведены суфы, шириной 1,2 м и высотой 0,3—0,35 м. Пол плотный, серовато-желтый, слегка повышающийся к выходу. В юго-западном углу сделан проход шириной 1,2 м. На северной стене — дополнительная ремонтная обкладка из сырцового прямоугольного (48—46×25—24×10 см) кирпича, среди которого встречаются кирпичи серовато-голубоватого цвета.

У южной стены поверхность суфы сильно обожжена до красного оттенка. Пол рядом с

¹ В отличие от стратиграфического разреза К. Абдуллаева, взявшего нулевую отметку репера от вершины цитадели, в данном раскопе за реперную точку взята вершина шахристана. В результате удалось связать слои всех раскопов шахристана в единую систему, но получился разрыв с нумерацией А. Абдуллаева в 24 яруса.

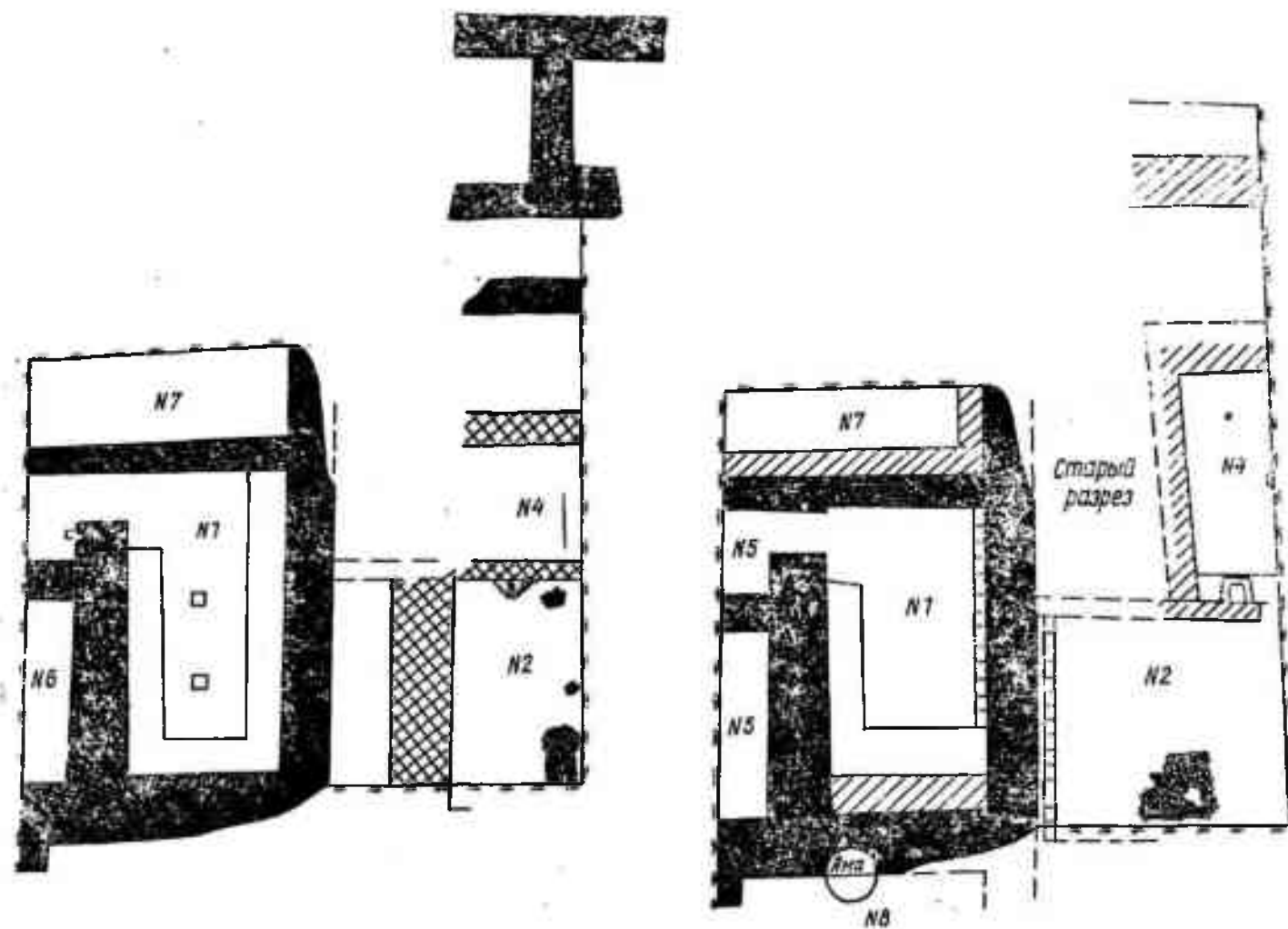

Рис. 8. Канка. Шахристан-І. Раскоп 1. Планы.

ней и дальше к западу покрыт трехсантиметровым слоем древесных углей. На суфе, видимо, лежали циновки, на которые рухнул горящий потолок из крупных веток. Небольшими отрезками прослеживаются остатки балок плоского перекрытия. Диаметр балок 15—20 см.

В проходе юго-западного угла сделана ступенька высотой в 20 см, уровень которой повышается дальше в пом. № 5, служившее коридором, соединявшим гардний зал с другими помещениями.

Пом. № 8, соединявшееся через и-широкий коридор с пом. № 5, явно хозяйственного назначения: здесь обнаружено много костей животных, фрагментов различной керамики.

К северу от пом. № 1 открыто пространство, не содержащее никаких архитектурных остатков, причем к внешней стороне западной стены сделана прикладка в один кирпич, связанная только с этим строительным горизонтом. Примыкающие к стене слои — это мощные напластования гумусных отложений, перемежающихся зольными прослойками, насыщенными фрагментами керамики и костями животных. Слои плотные, с массой мелких прослоек, представляющих собой утоптанную поверхность двора характерного светло-серого цвета с белыми вкраплениями от атмосферных осадков. Последнее обстоятельство и наличие натечных линий указывает на открытость этого пространства. В трех метрах от стены расчищен очаг прямоугольной формы с высотой стенок 15 см. Прямо из-под очага извлечен крупный фрагмент дастархана на ножках. У столешницы не четко выраженный бортик, ножки короткие, цилиндрические. В центре столешницы пальцем прочерчена крупная вихревая розетка. Вплотную к очагу примыкает небольшая (1,5×2 м) площадка с плотной, сильно утрамбованной землей серо-зеленоватого цвета. Кроме того, площадка выложена крупными и мелкими кусками керамики и мелкой галькой, собранной здесь в большом количестве приблизительно одного размера и округлой формы. Возможно, это остатки оборонительного припаса для пращи, использованные под вымостку около очага.

С востока и запада пространство двора ограничено сырцовыми стенами. Дальше к западу вскрыто помещение, примыкавшее к крепостной стене. Около прохода в юго-восточном углу сделан небольшой (50×50 см) квадратный ящик из сырцового кирпича. Пол в помещении неровный, бугристый, светло-серого цвета, с атмосферными вкраплениями. Длина помещения 6,44 м, ширина не установлена. Почти в центре помещения расчищена

небольшая (диаметр 15 см) ямка от деревянного столба — 15 см, видимо, устоя легкого перекрытия. В целом насыщенность залежи костями животных, фрагментами обожженной керамики, среди которых преобладают сосуды крупных форм, говорит о хозяйственном назначении этого помещения, использовавшегося скорее всего в качестве хранилища.

Помещение это примыкает к крепостной стене, перед которой со стороны городища сделана площадка из пахсовых блоков. Верх площадки и часть внутренней поверхности обожжены. Выше обожженного слоя зафиксированы остатки плетеных из камыша циновок. Сама крепостная стена имеет внутренний коридор шириной 2,6 м.

Собранная с этого строительного горизонта керамика представлена в основном крупными формами (венчики, боковины, донца хумов, фрагменты крупных кувшинов). Внешняя сторона сосудов обычно покрывалась светлым ангобом и потеками черной краски. Интересны два фрагмента венчиков хумов с черепком красноватого цвета. В обоих случаях внешний край прямоугольных в сечении венчиков украшен пояском из пальцевидных вдавлений, что характерно для керамического комплекса VI—VIII вв. среднего течения Сырдарьи и Арыси (Агеева, 1968 табл. IX; Акишев, 1972, с. 78; Подушкин, 1970, с. 11).

Любопытна находка алычика (бита для игры в кости), обмотанного железной проволокой. Раньше в других частях городища неоднократно попадались кости с отверстиями для заливки в них свинца.

Следующий строительный горизонт (Г-4) также вскрыт по всей площади раскопа. Открыто здание, близкое по планировке к верхнему строительному горизонту. Стены сложены из пахсы и сырца (50—48×23—25×10—11 см). Вновь центральным в комплексе было прямоугольное (8,8×4,5 м) помещение (пом. № 1). По периметру стен возведены суфы, сложенные следующим приемом: на расстоянии 1,1 м от стены прямо по полу поставлена стеночка в один кирпич; вытянутая параллельно основной стене. Затем пространство между кирпичами и стеной плотно забутовали строительным мусором, обломками кирпичей и пахсы. Все это утрамбовали, загладили сверху и оштукатурили. Пол, как и суфы, покрыт светло-желтой штукатуркой. Почти в центре между суфами заметно небольшое красное пятно (следы кострища или переносного алтаря). Любопытна еще одна деталь в восточной части помещения; примерно на равном расстоянии от стен расчищено

небольшое (высота 6 см), почти квадратное возвышение. Вокруг него — выкружка пола. Видимо, это остатки базы под колонну, поддерживавшую балки перекрытия. Схожее возвышение, но худшей сохранности расчищено западнее, рядом с очажным пятном. С уровня пола в пом. № 1 собрано шесть керамических пряслиц и одна каменная. Кроме того, найден маленький сурьматаш и фрагменты крупных кувшинов.

Выход из помещения — в юго-западном углу. Причем суфа вдоль южной стены на 0,6 см не доходит до прохода. Ширина прохода 1,4 м. Уровень пола заметно повышается к пом. № 5, видимо, выполнявшему функцию коридора, соединявшего центральное помещение с другими. На полу, около входа в пом. № 1, — небольшой прямоугольный очажок длиной 30 см и шириной 20 см при глубине 15 см. Наполнен он чистой золой, бытовых отходов (костей животных, битой керамики) рядом не найдено. Скорее всего это был небольшой очистительный очажок в зале, преграждавший путь нечистой силе.

Пом. № 6 вскрыто не полностью. Длина его 5,2 м. Вдоль северной стены воздвигнута суфа. Возможно, это хозяйственное помещение, так как здесь расчищено несколько хумов во фрагментированном состоянии.

К западу от пом. № 5, между стеной-коридором и крепостной стеной, отмечено не застроенное пространство, использовавшееся для различных хозяйственных нужд. Здесь расчищены два очага и зольные выбросы.

К северу от пом. № 1 располагался двор. По уровню дворовой поверхности расчищены натежные линзы, втопанные в пол фрагменты керамики, мелкой гальки и костей животных. В северо-восточной части двора открыта крупная вымостка из фрагментов керамики и мелкой гальки.

В западной части двора были возведены какие-то легкие сырцовые постройки. Толщина стен составляла 50—60 см. В юго-восточном углу помещения из сырой глины вылеплен прямоугольный (26×30 см) очаг. В стенке очага — пятисантиметровое отверстие, видимо, для отвода дыма.

С запада двор примыкал к башне крепостной стены. Башня сохранилась неполностью. Пол внутрибашенного помещения неровный, но плотный, светло-серого цвета. Почти к центру восточной стены примыкал небольшой пристенный очаг. Стена около него прокалилась до красного цвета. При расчистке пола здесь обнаружены небольшой трехперый наконечник стрелы и массивная несколько вогнутая пластинка (14×7,5 см) с остатками

шарнира в верхней части. Видимо, это деталь оплечья воинского доспеха.

Керамика с X по XI вв. урусы, т. е. из стропельных горизонтов 3 и 4, практически почти не различается. В основном это фрагменты крупных кувшинов и хумы.

Хумы. Этот тип бытовой керамики составляет почти 40% от всех остальных находок. Характерная ее особенность — удлиненные пропорции, почти полное отсутствие шейки. Треть хумов составляют лепные экземпляры. Однако в отличие от лепных хумов Актобе II (Чардара) и Костобе наши сосуды изготовлены не ленточным способом. Диаметр горловины колеблется от 32 до 44 см, толщина стенок — от 1 до 2,5 см. Черепок в изломе обычно красновато-серого или коричневого (реже темно-серого и кирпично-розового) цвета. Тесто с примесью песка и шамота. Донца плоские, диаметр 26—30 см, зачастую со следами песчаной подсыпки; встречаются отдельные экземпляры с отпечатками на днище грубой ткани. Следует отметить большие вариации в профилировке венчика: овальные, слегка отогнутые наружу, манжетовидные, полтреугольные или трапециевидные в сечении, клювовидной формы и округлой в виде валика. Иногда в средней части «манжет» украшен желобком. В одном случае внешняя сторона манжетовидного венчика окаймлена пальцевыми вдавлениями через равные промежутки.

Ангобное покрытие чаще всего отсутствует, внешняя сторона хумов и хумчей грубо затерта (пучком травы), реже тщательно и покрыта светлым ангобом. Иногда на глечики сосудов нанесена роспись минеральной краской черного цвета в виде потеков, брызг и широких мазков.

Отдельно хотелось бы упомянуть о фрагменте венчика хума диаметром 36 см. Черепок в изломе кирпично-розоватого цвета. Утолщенные части сосуда недообожжены. Венчик манжетовидный, клювовидный в сечении, с внешней части «манжета» сделан желобок. Кроме того, прямо в середине желобка, насквозь через венчик, проделано отверстие диаметром 0,4 см. Подобные сосуды обнаружены в нижнем слое V—VII вв. Тали Барзу (Григорьев, 1940, табл. VI, рис. 1) и в верхнем слое Пянджикента (Бентович, 1953, с. 137, рис. 5; Бентович, 1964, с. 272, рис. 8—9), в керамике VI—VIII вв. из Чильхуджры (Пулатов, 1975, с. 49—50).

По мнению И. Б. Бентович, отверстия в венчике сосуда или под ним делались для доступа воздуха в сосуд при закрытой крышке или для ограничения доступа воздуха. Наряду с этим У. П. Пулатов выдвинул другое

предположение, что отверстия служили для подвешивания сосудов в прохладном месте при помощи тонкой, но прочной веревки.

Особо следует отметить венчик хумчи со сложной профилировкой. Он подчетыреугольной, почти ромбической формы, слегка отогнутый наружу, этим как бы создается своеобразный уступ. Черепок в изломе коричневого, темно-сероватого цвета. В качестве отощителя использован шамот и мелкий песок. С внешней стороны сосуд покрыт светло-серым ангобом. На плечики нанесены мазки, которые в дальнейшем, видимо, перешли в потеки черной краски.

Вторую большую группу керамики составили крупные кувшины с горизонтальным рифлением высокой горловины и массивной грубоватой горизонтальной ручкой. Диаметр горловины этих сосудов 14—16 см. Характерен фрагмент крупного кувшина. Черепок желтого цвета. Тесто с примесью каких-то выгорающих добавок и толченого гипса. Сосуд покрыт светлым ангобом. На плечики сосуда посажена массивная, грубоватая (почти круглая в сечении) ручка с характерным желобком по краю.

В другом случае черепок в изломе красноватого цвета (последнее чаще всего). Тесто с примесью песка и толченого гипса. С внешней стороны кувшин покрыт плотным красным ангобом и даже местами залощен. Горловина оформлена множеством горизонтальных линий (рифлений). Подобные сосуды часто встречаются на различных объектах городища Канка и на других памятниках Ташкентского оазиса VI—VIII вв.

Кроме этих, встречаются и другие формы крупных кувшинов. Например, фрагменты крупного кувшина высотой 37 см, диаметром горловины 12 см. Черепок коричневого цвета. С внешней стороны сосуд покрыт светлым ангобом и затерт. С венчика на плечики сосуда опущена подчетыреугольная в сечении ручка. Верхняя сторона ее площадка украшена вдавлениями от острой палочки: первая фигура в виде косоугольного креста, остальные в виде подковы.

Интересен венчик крупного кувшина, обнаруженный в XI ярусе. Горловина—воронкообразная, относительно широкая, диаметром 10 см. Сам венчик подтрапециевидной формы, слегка отогнутый наружу, напоминает наши хумы с манжетовидным венчиком. Черепок—розового цвета. С внешней стороны покрыт светлым ангобом. С одной стороны к сосуду приделана небольшая пластинчатая ручка, опущенная с устья горловины на плечики кувшина. На верхней площадке сделан налет в виде S-образной фигуры, символизировавшей

рога барана. С противоположной стороны на плечики сосуда посажен слив, венчик которого эйноховидной формы. Орнаментация простая, в виде прямых и волнистых линий, процарапанных 8—10-зубчатыми гребенками. Прямо под горлышком проведена прямая полоса, ниже по плечикам волнистая, а между ними—короткие наклонные оттиски 8- и 10-зубчатой гребенки.

Любопытен и кувшин со сливом; диаметр венчика 8 см, черепок коричневатого-красного цвета. С внешней стороны сосуд покрыт светлым ангобом. Под горлом, ручкой и плечиками сделаны широкие мазки и пятна красной краски. Венчик четко профилирован, имеет добавочный уступ-валик с внешней стороны. Вплотную к венчику, почти сливаясь с ним, примыкает слив, рожок которого почти перпендикулярен плечикам сосуда. Рожок слива изготовлялся отдельно; венчик расгуба, еще до приматия, был отчеркнут прямой линией. Ниже слива кувшин несет следы закопченности. Схожие кувшины уже встречались на других объектах городища, среди материала V—VI вв. и скорее всего характерны для VI в. Для этого же периода они известны не только в Ташкентском регионе, но и в других регионах Средней Азии.

Интересны находки фрагментов крупного сосуда с отверстиями диаметром 1,1 см, возможно, маслосойки. Черепок кирпично-красный, с внешней стороны покрыт светлым ангобом. Из других форм отметим глубокую миску. Диаметр слегка вогнутого венчика 18 см, дна 14, высота 9 см. Стенки первоначально конической формы, затем, плавно изгибаясь, заканчиваются вертикально поставленным венчиком. Черепок розовый, плотный, хорошего качества. С внешней и внутренней стороны покрыт светлым ангобом. В средней части стенок сосуда, с внешней стороны, острой галочкой проведена волнистая линия.

Характерна кружечка высотой 10 см, диаметром 4,6 см. Черепок красный. В качестве отощителя использованы песок и мелко толченый гипс. С внешней стороны на кружечке есть пятна ложного ангоба. Две трети сосуда покрыты горизонтальным лощением, которое почти отсутствует со стороны округлой в сечении ручки. Сам сосуд имеет шаровидное тулово на плоском, слегка вогнутом дне и высоко поднятую горловину. Подобные кружечки характерны для кауңчинской культуры Ташкентской области.

Другая кружечка (XII ярус) высотой 9 см, диаметром дна 4,6 см имеет биконическую форму, тулово плавно переходит в горловину, не такую высокую, как у предыдущей (диаметр чуть больше 6 см). От средней части со-

суда до низа горловины посажена пластинчатая, кольцевой формы ручка. Венчик, видимо, был слегка согнут наружу. Черепок кирпично-красноватого цвета. Тесто с примесью песка и толченого гипса. Ангоб отсутствует, но с внешней стороны есть пятна ложного ангоба. Дно неровное, срезано толстой ниткой. В верхней части сосуда сохранились следы потеков черной минеральной краски.

Отсюда происходит и фрагмент (15 см) с желтым черепком, покрытым густым красным ангобом. Почти под самую горловину, на плечики, посажена маленькая, круглая по форме (и овальная в сечении) ручка. Сосуд несколько выбивается из общего материала слоя и напоминает каунциские кружки IV—V вв. н. э.

Лепная посуда представлена в основном горшковидными формами. Любопытны фрагменты двух сковородок. Первая диаметром 33 см, высотой стенок 7 см. У дна, с внешней стороны, сделан уступ, от которого начинаются конической формы стенки, плавно переходящие в прямо поставленный венчик. Верхний край последнего чуть загнут внутрь. Черепок серовато-розоватый, отмучка грубоватая, тесто пористое, с примесью шамота и каких-то выгорающих добавок. С внешней стороны покрыт светлым ангобом.

Диаметр другой сковородки 23 см. Черепок слоистый. Тесто грубое, рыхлос, с примесью песка и шамота. Снизу черепок переобожжен, что указывает на специфическое назначение сосуда. В целом лепнина составляет почти 30% от всей остальной керамики.

Следующий строительный горизонт (Г-5) не дал целостной картины архитектурной застройки. От нижних слоев он отделяется платформой толщиной в 60 см. Кирпич темного, коричневатого цвета, отличается от кирпичей Г-3 и Г-4, в которых использовался сырец желтовато-серого цвета. На некоторых кирпичях пальцем или палочкой по еще сырой глине прочерчены тамгообразные знаки. В двух случаях был нанесен знак в виде круга, еще в двух — в виде соединенных по касательной двосенных полудуг. Единичны экземпляры в виде прямой, полудуги, креста и какой-то странной фигуры из полудуги с завитками и точками (от пальцевых вдавлений) с обеих сторон от линии, как бы схематическое изображение ветки.

Повсрх платформы возведено здание, от которого зафиксировано лишь одно длинное помещение. Стены сложены из пахсы с включением рядов сырца. Ширина стен 1,35 м. Нижняя часть стен имеет заметный скос. В помещении расчищено два уровня пола. Первый обмазан глиной желтоватого цвета. На

нем лежит тонкий слой серого цвета, а над ним двухсантиметровая прослойка розовато-желтого цвета какой-то рыхлой массы органического происхождения. Второй, верхний, пол покрыт зеленоватой глиной. Местами также зафиксированы остатки органической трухи (структура легкая, рыхловатая) сероватого цвета, с ржавыми прожилками. Керамики с этого уровня мало. Отсюда же происходят два обломка кирпичей (?×23×6 см), на одном из них до обжига был прочерчен знак в виде креста.

Керамический комплекс представлен небогато. Характерны хумы удлинённых пропорций, с трапециевидным массивным венчиком. Исчезают кувшины с рифлением горловины и горизонтально поставленной ручкой. Видимо, большое распространение имели кувшины с воронкообразной горловиной. Иногда пальцами делается носик-слив. Горшки все во фрагментированном состоянии. Преобладали скорее всего горшки шаровидной формы, на плоском дне. Орнамент в виде насечек наносился на верхнюю площадку венчика, а по тулову процарапывались 6- или 8-зубчатой гребенкой горизонтальные, прямые или волнистые линии. В целом материал Г-5 находит полные аналогии с храмовым комплексом Р № 10 и с нижним жилым комплексом Р № 12, что позволяет датировать его в пределах V—VI вв.

Любопытна находка невысокой ножки кубка или чаши. Черепок в изломе кирпичного цвета. Отмучка средняя. В тесте видна примесь толченого гипса. С внешней и внутренней сторон покрыт плотным красно-коричневым ангобом. Сосуд обнаруживает прямые аналогии среди согдийского комплекса III—IV вв. н. э.

Среди керамических поделок встречаются пряслица и пуговицы. Пряслица конусовидной или грушевидной формы. Черепок в изломе темно-серого или кирпично-красного цвета. Ангоб отсутствует. Диаметр сквозного отверстия 0,6—0,8 см. Следует отметить пряслице приплюснутой формы (почти кольцевой) из крупного куса соляной конкреции. Высота 1,7 см, диаметр 3, диаметр отверстия 1 см. Нижняя часть пряслица — плоская, верхняя — чуть заovalена.

Пуговицы изготовлялись из обтесанных (до круглой формы) фрагментов керамики. Они имеют одно отверстие в середине. Диаметр пуговицы колеблется от 2,2 до 4,6 см. Особо выделен каменную пуговицу толщиной 0,6 см, диаметром 1,8, диаметром отверстия 0,6 см. Камень темно-красного цвета.

Суммируем сказанное. Керамический материал третьего строительного горизонта (Г-3) представлен в основном фрагментами хумов, с венчиками разных профилировок, от валикообразного до манжетовидного или клювовидного. Характерно, что начинает выделяться горловина. Широко представлены крупные кувшины с относительно высоким, покрытым рифлением горлом и массивной горизонтальной ручкой. Комплекс находит полные аналоги среди материала VI—VII вв. Р-11, Р-12. Причем в последнем случае бытование строительного горизонта так же было прервано сильным пожаром. Следы пожара — результат неудачного восстания чачев против тюрков в 605 г. н. э., после чего столица была разрушена, а затем перенесена в другое место.

Керамический материал следующего, четвертого строительного горизонта (Г-4) схож с верхним (Г-3), здесь также присутствуют крупные кувшины с горизонтальной ручкой и рифлением по горловине, но среди хумов резко преобладают сосуды с манжетовидным венчиком. Появляются новые формы: маслобойка, кувшины с одной ручкой и сливом, более характерные для керамики V—VI вв., кружки, горшки, украшенные простым процарапанным орнаментом в виде волнистых линий, сковородки, кувшины с воронкообразной горловиной. На донце большинства сосудов следы песчаной подсыпки, а на дне некоторых хумов, помимо этого, видны еще отпечатки грубой ткани. Несколько выпадают из общей картины, во-первых, кружечки типично каунчинской формы и более характерные для материала IV—VI вв. н. э. Во-вторых, кувшины и фрагменты кружек, ручки которых украшены S-образным налепом-обергом. Скорее всего, налепы с подобной фигурой являются следующим этапом в развитии зооморфных ручек, характерных для первых веков нашей эры. Эти явления в сочетании с некоторыми более ранними керамическими формами (возможно, и пережиточными) указывают на архаические моменты в комплексе Г-4, что позволяет несколько сузить датировку (по сравнению с близким материалом Г-3) до VI в. Ближние аналоги этот материал находит с керамикой Р № 12, а более ранние формы — с Р № 10.

Следующий горизонт Г-6 распадается на два близких по керамическому материалу этапа. Верхний (Г-6а) — это внутренний фас крепостной стены с углом наклона в 45° и остатками каких-то крупных архитектурных сооружений к востоку от стены. Г-6б представляет собой часть вертикальной стены и остатков

двух помещений, сnivelированных при возведении (укреплении) внутреннего фаса крепостной стены. Помещения были жильными, о чем свидетельствует прекрасный, обмазанный тонкоотмученной глиной уровень пола, следы неоднократного ремонта (подновления штукатурки) стен. Однако керамика обоих уровней практически однородна, что не позволяет разделить их в самостоятельные горизонты, несмотря на большие строительные работы.

По керамике Г-6 в целом датируется IV—V вв. (рис. 9).

После того как сняли два уровня пола, связанных с Г-6б, ниже обнаружили целый ряд полов. Никаких архитектурных остатков не зафиксировано. Два нижних уровня имеют пятна обожженности и серо-зеленый цвет.

В керамическом материале среди группы горшков мелких и средних размеров появляются новые формы с шаровидным (чуть приплюснутым сверху и снизу) туловом и сильно отогнутым наружу венчиком. Ангоб светлый. У сосудов плоское дно, примерно соответствующее диаметру венчика, со следами песчаной подсыпки. По тулову, а часто и по верхней площадке венчика нанесен простой волнистый орнамент. Любопытен фрагмент ручки, покрытой светлым ангобом и орнаментированной с трех сторон короткими волнообразными отрезками, покрывавшими поверхность в шахматном порядке. Отдельно хотелось бы упомянуть о фрагменте крупного сосуда (тагоры) диаметром 30 см. Стенка его с небольшим уклоном во внешнюю сторону, в средней части сделано ребро, от которого стенка загибается вовнутрь. Сам венчик овальной формы. С внешней и внутренней сторон сосуд покрыт светлым (бежевым) ангобом. Примерно треть находок составляют фрагменты котлов и горшковиных сосудов (черепок в изломе темно-коричневого или темно-серого цветов, тесто с большой примесью шамота, гравия, реже — мелкоотличенного гипса). С внешней стороны все сосуды сильно закопчены.

В XXI ярусе обнаружен фрагмент лепного кувшина с диаметром венчика 14 см. Венчик прямой, чуть отогнут наружу. Черепок в изломе светловатого, желтовато-красного цветов с серой прослойкой в центре. Последнее явно указывает на недообожженность сосуда. Тесто грубоватое, с примесью шамота и крупного песка. С внешней стороны сосуд затерт. На верхний край горловины опущена небольшая петлевидная ручка (округлая в сечении), слегка возвышающаяся над устьем кувшина.

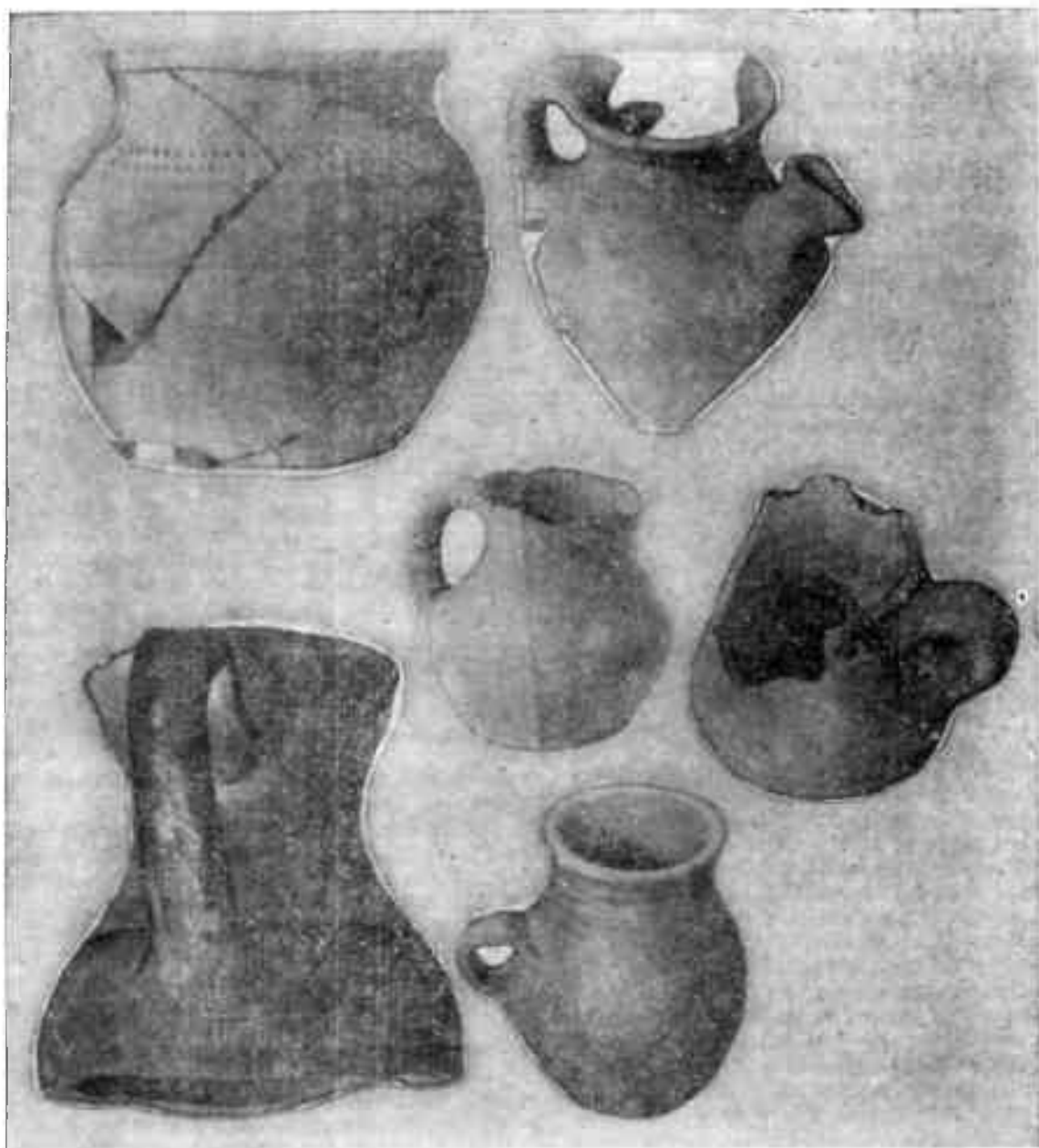

Рис. 9. Канка. Шахристан-1. Раскоп 1. Керамика IV—V вв.

Для сравнения опишем фрагмент стенки крупного кувшина из XX яруса. Черепок в изломе кирпично-красного цвета. Отмучка средняя, тесто с примесью песка и каких-то выгорающих добавок, обжиг равномерный. С внешней стороны покрыт светлым ангобом. На плечики посажена небольшая пластинчатая ручка, слегка примятая с двух сторон. К верхнему краю ручки примыкает пояс из

прочерченных параллельно двух прямых линий, пространство между которыми заложено наклонными оттисками шестизубчатой гребенки. Вокруг нижнего края ручки такой же гребенкой прочерчена волнистая дуга. Образцы подобной посуды встречаются в комплексе Г-5 и Г-6 и датируются V—VI вв. и V в. Ниже XXI и XXII ярусов подобная керамика не встречается.

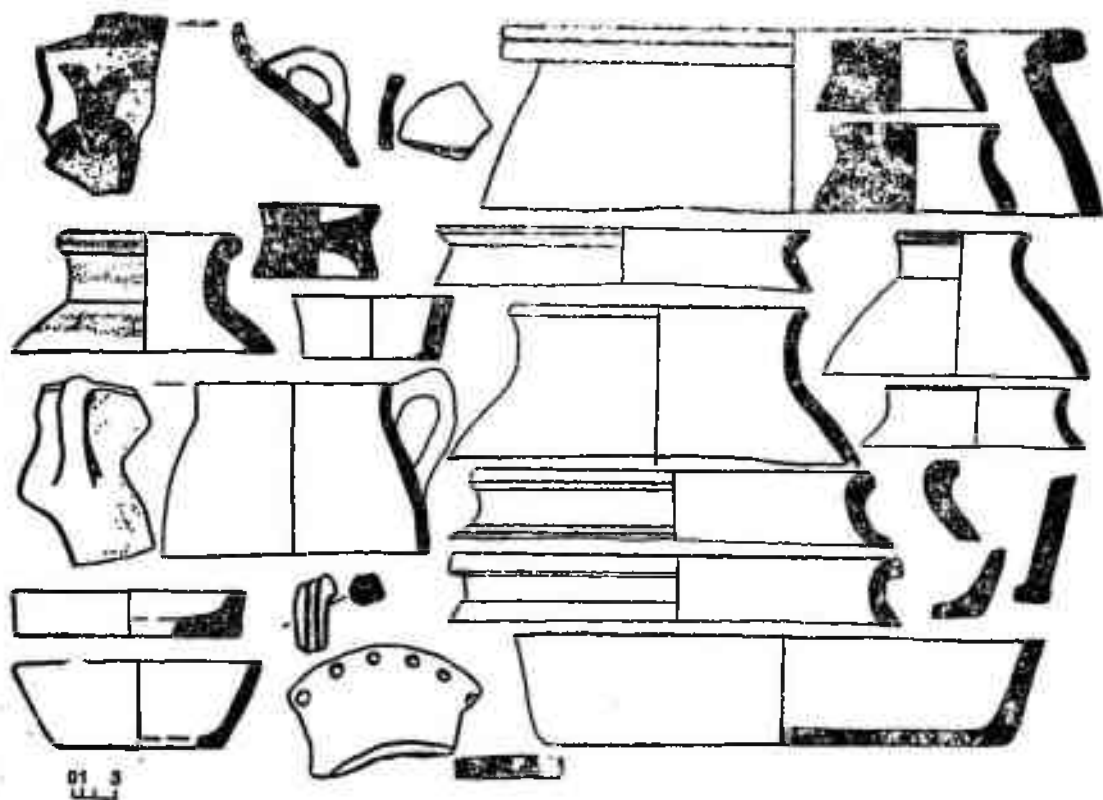

Рис. 10. Канка. Шахристан-I. Раскоп I. Керамика XXI—XXII ярусов.

Из XXI—XXII ярусов происходит фрагмент горловины кувшина (диаметр по венчику 14 см) с округлым, слегка отогнутым наружу, венчиком, с четко выделенным горлом высотой в 5 см. Горшок в изломе темно-серого цвета, отмучка средняя, тесто грубоватого промеса с примесью шамота и песка (рис. 10).

Любопытной находкой бытовой керамики был фрагмент лепной сковородки диаметром 16 см. Черепок в изломе желтовато-коричневого цвета (ржавого). Тесто грубое, комковатое, с большой примесью шамота и дресвины. С внутренней (рабочей) стороны сосуд затерт, с внешней сохранил грубую фактуру.

Интересен фрагмент дна сосуда (кувшина или светильника) на высоком кольцевом поддоне. Сосуд вылеплен от руки. Верхняя часть его отбита, диаметр поддона 9,2 см. Стенки толщиной 1 см. В изломе хорошо видно, как к верхнему резервуару приделан кольцевой поддон. Черепок в изломе темно-серый, рыхловатой структуры, тесто с большой примесью крупного песка. С внешней стороны сосуд затерт. Возможно, он использовался в качестве

светильника, так как на внутреннем (верхнем) резервуаре видны следы закопченности. Внутри кольцевого поддона такие следы не прослеживаются. Светильники подобной формы встречаются в слоях Каунчитепа, а в классификации каунчинской керамики Л. М. Левина посуду подобной формы относит к комплексу Каунчи-II, где они соседствуют с прямоугольными светильниками (общая датировка конец III—V в. н. э.). Правда, в то же время Л. М. Левина отмечает, что для Каунчи-II больше характерны светильники в виде низких плоских с уплощенной ручкой, полусферической чашечкой-резервуаром на цилиндрической ножке, которая может быть украшена налечами и различными прорезями (Левина, 1971, с. 182—183), хотя развитие подобных форм уходит корнями в более ранний период. Так, светильники с чашечками-резервуарами на коническом поддоне известны и в Каунчи-I (по классификации Л. М. Левиной I—III в. н. э.), причем иногда верхний край резервуара украшался насечками (Левина, 1971, с. 100).

В XXII ярусе и ниже выявлены горизонтальные уровни с сильным наклоном уровней к востоку, перепад с запада на восток на 6 м составляет почти 0,25 мм: как бы стекавшие культурных слоев с крепостной стены, оставшейся под фасом ранее вскрытой стены IV—V вв. н. э. Все эти уровни насыщены мелкими (толщиной 1,5—5 см) зеленоватыми слоями, выбросами золы и угольками, обгорелыми комками глины. Много костей животных; преобладают бараньи кости, встречаются кости крупного рогатого скота и лошадей. В начале XXIII яруса, ближе к крепостной стене, были извлечены череп бычка, несколько его крупных костей, позвонков и череп лошади. Любопытен не только набор костей животных, но и само нахождение этой ямы (ее ширина 60 см, глубина около 30 см). Вместе с костями здесь выявлены небольшая зеленовато-серая (гумусная) прослойка, древесные угольки и горелые комья земли. Кажется бы, перед нами мусорная яма со сброшенными в нее остатками трапезы. Однако, отдельные кости животных постоянно встречаются на уровне пола; видимо, кости и вообще мусор, выбрасывались на улицу, где постепенно утаптывались. Здесь же позвонки и кости ноги бычка сохраняли свою анатомическую целостность. Все это вместе взятое (череп, анатомически целые части туши бычка, следы возлияния) позволяет предположить, что перед нами следы какого-то жертвоприношения.

Все вскрытые горизонтальные уровни, видимо, являются дворовыми; об этом свидетельствуют некоторая неровность, мелкая слоистость уровней, гумусные и зольные линзы. Некоторые из них сохранили следы производственной деятельности, указывающие на неоднократное использование ремесленниками этого участка городской территории близ крепостной стены. Почти каждый расчищенный уровень имел по несколько больших горелых пятен, следы кострищ либо ямки-лунки от напольных очагов. Например, в начале XXII яруса, на уровне пола, расчищена лунка очага диаметром 30 см и глубиной чуть более 10 см. От высокой температуры стенки лунки и поверхность пола рядом прокалялись на 10—12 см. Дно же ямы в буквальном смысле усеяно мелкими брызгами металла. Возможно, здесь происходило закалывание железных предметов (?). С этого же уровня пола происходят семь железных полуколец диаметром в 1—1,5 см. Скорее всего колечки — это звенья кольчуги.

Ниже расчищен плотный твердый уровень пола, залитый глиной желтоватого цвета, подстилающий все три обнаруженные лунки с

металлическими брызгами. Почти в центре юго-восточной части раскопа расчищено углубление прямоугольной формы (52×42 (48) см и глубиной до 27 см), возможно, углубление под колонку. Далее к юго-востоку (в 2,2 м от первой) расчищено еще одно такое же углубление. Все это позволяет предположить наличие каких-то деревянных конструкций, столбов для айванного перекрытия (рис. 11, а).

На 20 см ниже XXII яруса из слоя был извлечен кусочек ошлакованной стенки сургучного цвета с мелкими медными вкраплениями. Таким образом, в XX—XXII ярусах не обнаружено архитектурных сооружений; видимо, этот участок около крепостной стены, свободный от жилой застройки, интенсивно использовался ремесленниками, связанными с обработкой металла. Об этом говорят лунки от очагов (диаметр 25—30 см), дно которых покрыто слоем мелких металлических брызг. Возможно, это связано с закалкой железных изделий. Кроме того, находки сургучного шлака с зеленоватыми вкраплениями позволяют предположить, что мастера занимались отливкой медных изделий. Отсюда же происходят керамические пряслица. Одно из них биконической формы, нижняя часть украшена рифлением. Другие либо плоские (диаметр 4—5 см), либо небольшие, грушевидной формы.

Отметим находку железного перстня с щитком, диаметр кольца 2 см, ромбовидного щитка 1,5 см. Последнее, видимо, предохраняло пальцы при стрельбе из лука.

В северо-западной и западной частях раскопа в XXIII ярусе обнаружен плотный слой светло-серого цвета с включением мелких зеленоватых вкраплений. Кости животных встречаются реже, хотя в выше лежащих слоях обилие остеологический материал. Как и другие ниже лежащие слои, этот слой имеет резкое падение в восточную сторону. Новый горизонт (Г-8) связан с выявленной в юго-восточном углу крупной землянкой, опущенной в более ранние слои. В раскоп попала ее большая северо-западная часть — 3×3,3 м. Вдоль восточной стены проходила невысокая суфа высотой 28 см, вырезанная, как и сама землянка, в грунте. В северо-восточной части, между стенкой землянки и суфой, был оставлен проход шириной 70 см. Стены землянки имеют заметный наклон вовнутрь. Высота их 1,6—1,7 м (рис. 11, б). Заполнение рыхлое, комковатое. Нижние слои ямы-землянки насыщены костями животных, керамикой, фрагментами сырцовых кирпичей, крупными и мелкими комками земли. Зольные и гумусные прослойки незначитель-

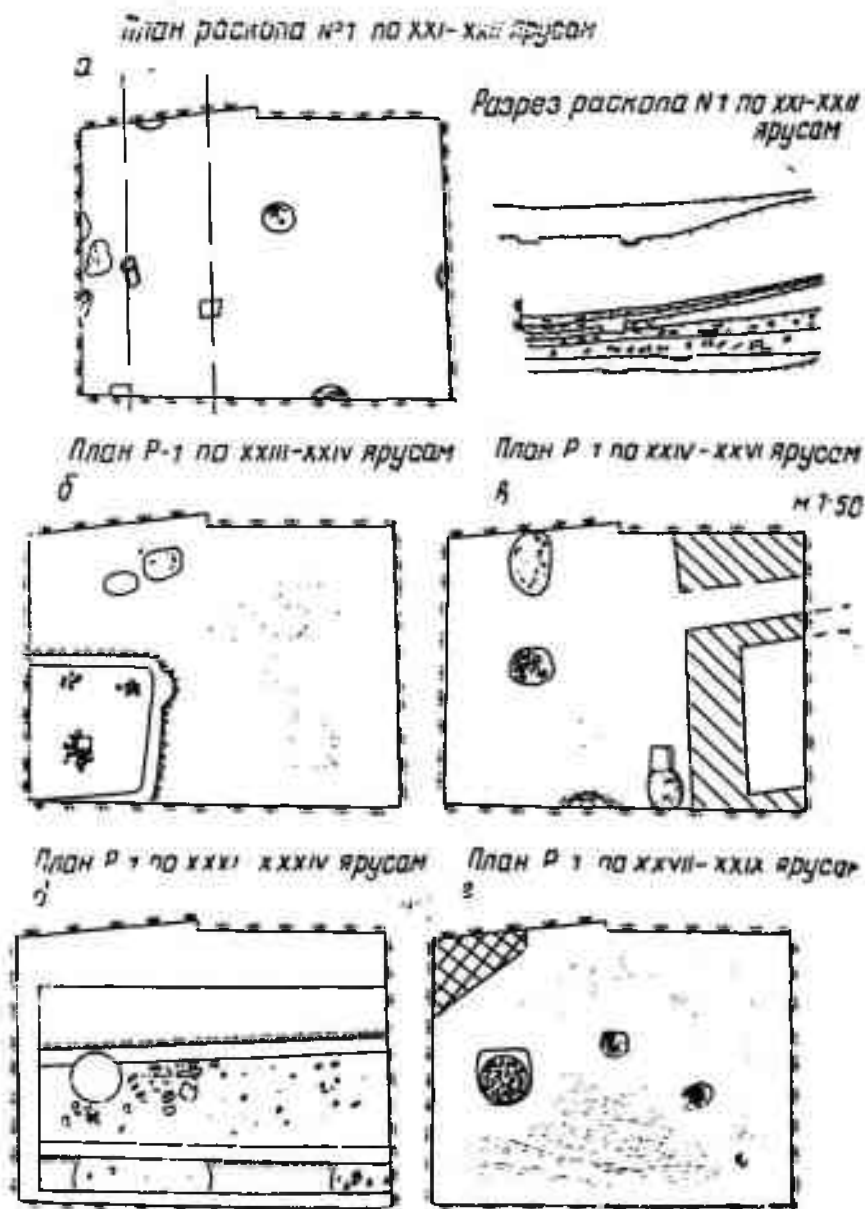
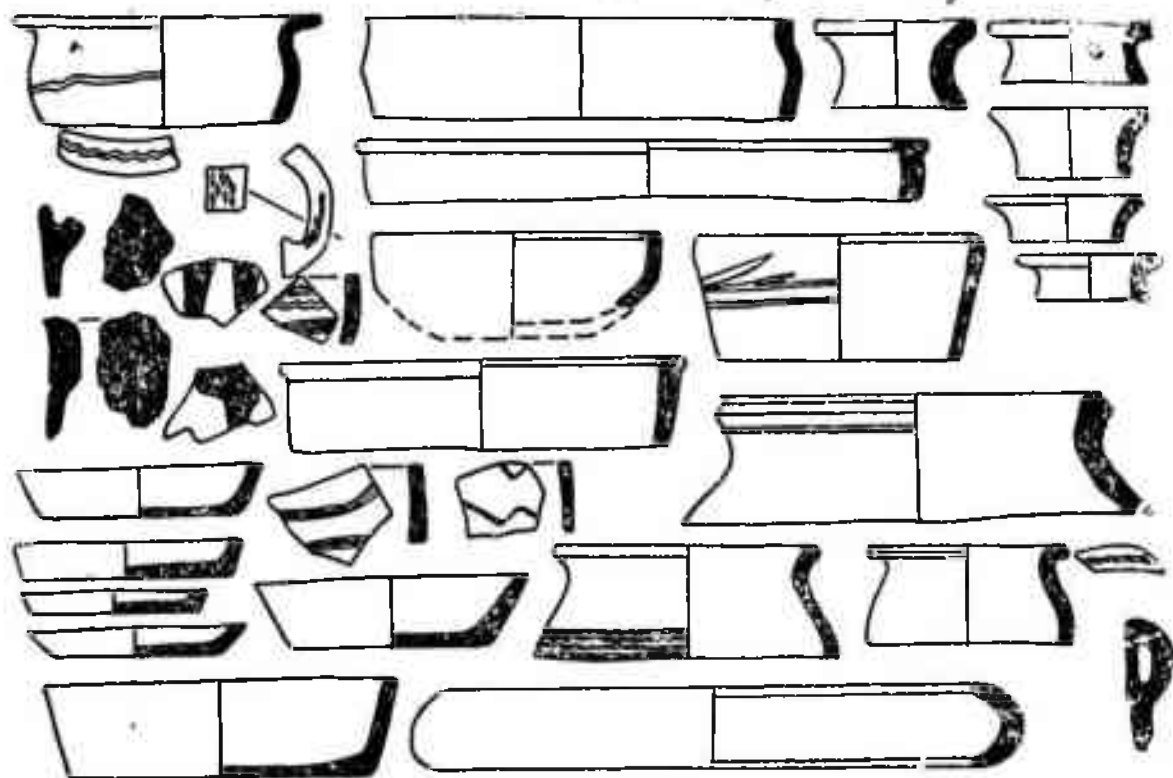

Рис. 11. Канка. Шахристан-I. Раскоп 1. Планы.

ны. Выявлено несколько уровней пола. Верхний местами имел обкладку из битой керамики. Почти в центре землянки на этом уровне расчищен прямоугольный жженный кирпич (30×23×2,5 см), вокруг располагалась вымостка из фрагментов от стенок боковин крупных форм. Второй уровень располагался на 20—18 см ниже и имел сероватый налет с белыми атмосферными вкраплениями. Дно землянки оказалось плотным, желтоватого

цвета и покрыто зеленоватым налетом. Выше прочистили еще пять горизонтальных уровней. Последний — неровный, бугристый, резко падает от стенок, на нем выявлены крупные куски пахсы.

Керамика в равной степени представлена лепными и станковыми фрагментами. Почти все сосуды изготовлены на песчаной подсыпке. Любопытен фрагмент плоской крышки, вылепленной от руки на саманной подсыпке,

диаметром 18 см. Черепок красного цвета, тесто грубое с примесью шамота, мелкотолченного гипса и выгорающих добавок. Крышка покрыта светлым ангобом, снизу, ближе к краю крышки, сохранились следы законченности. Вдоль края видны слабые пальцевые вдавления, нанесенные через равные промежутки.

Интересны фрагменты мустахары — фляги с широким плоским боком и шаровидным туловом. Диаметр дна 28 см. Оно несет следы песчаной подсыпки. Черепок в изломе желтовато-серый. Тесто хорошо промешано с песком. Обжиг нормальный. С внешней стороны сосуд покрыт светло-серым ангобом. С боку сделана горловина. Диаметр венчика 11,4 см, выделен округлым валиком, образованным смятыми на внешнюю сторону стенками венчика. Горловину фляги формовали отдельно на круге и потом приделали к сосуду. Подобные фляги были широко распространены не только в районах нижней и средней Сырдарьи, но и по всей Средней Азии. Широко и хронологический диапазон фляг. Так, М. Л. Левина фиксирует их и в Каунчи-I и в Каунчи-IIA

(Левина, 1971, с. 180, рис. 59, с. 184). Отсюда же происходит фрагмент стенки крупной миски диаметром 24 см. В изломе желто-серого цвета, тесто с примесью песка и выгорающих добавок. Поверхность миски тщательно затерта. Венчик прямой, овалный в сечении. Характерен уступ в нижней части горловины. Любопытен фрагмент керамического диска с С-образным сечением корпуса и внутренним желобком. Диаметр 28 см (рис. 12). С внешней стороны покрыт светлым ангобом. По нашему мнению, это керамическая основа для матерчатого сита.

В XXIII—XXIV ярусах выявлена мощная кирпичная масса. Позже здесь расчистили угол стены. Кладка комбинированная — пахса с кладкой кирпича вразбежку. Кирпич голубовато-серый, без самана. Грань стены местами покрыта толстой (в полсантиметра) штукатуркой. Вплотную к ней примыкают мусорные слои серо-зеленоватого цвета с включением керамики, костей, углей.

Таковы остатки нового строительного горизонта (Г-9). Он характеризует слои конца XXIII—XXV ярусов. На этом уровне удалось

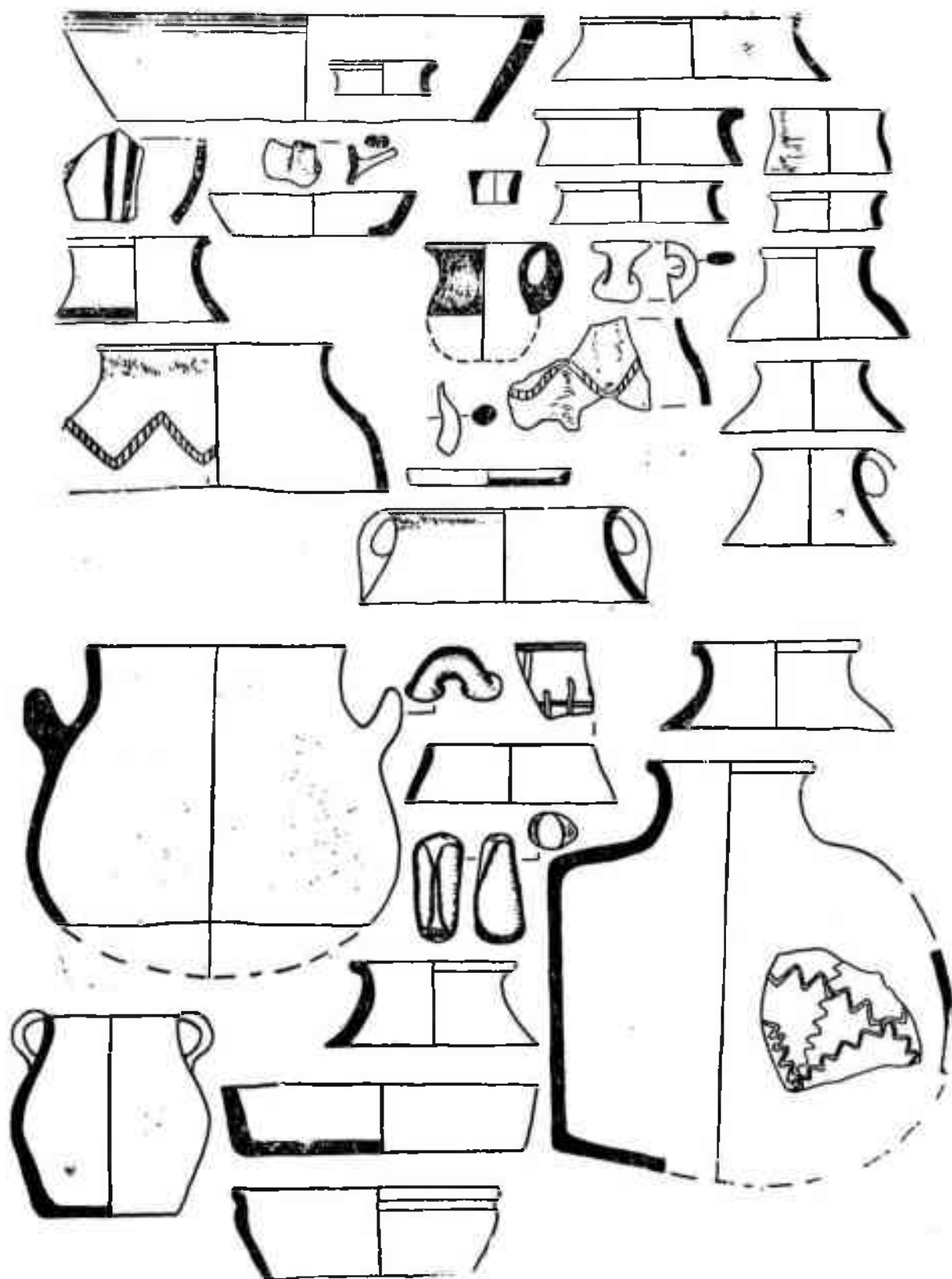

Рис. 12. Кавка, Шахристани-1. Раскол 1. Керамика XXIII—XXVIII ярусов.

вскрыть двор длиной 3,4 м. Западная стена сложена из пахсы с включением зеленых кирпичей. Толщина стены 1,2 м, высота 1,6 м. С восточной стеной она сложена вперевязку. Восточная стена прослежена на 1,3 м, ширина ее такая же, как у южной. Ширина западной стены 50—60 см. Она прослежена на 2,5 м и уходит в культурную толщу холма. В помещении выявлено три уровня пола. Лишь один из них специально обмазан желто-серой глиной (рис. 11, в).

В северо-западном углу расчищена также стена другого помещения. Южная грань стены прослежена на 1,4 м, где выявлен проход между первым и вторым помещениями. Ширина его 72 см. Видимо, это выход во двор. В остальной юго-западной части вскрыты дворовые наслоения, насыщенные гумусными, зольными линзами, местами перекрытые тонкими лессовыми прослойками. Все слои заметно падают в юго-восточный угол. Южнее первого помещения (за его с южной) расчищен очаг почти квадратной (4,2×4,0 см) формы и высотой бортика 6—7 см. В восточную сторону производился выброс золы. Рядом обнаружен фрагмент венчика лепного горшководного сосуда с диаметром устья 18 см. Сосуд имеет невысокую горловину, венчик простой, слегка отогнутый наружу. Черепок желто-серый, тесто грубого промеса с большой примесью толченого кварца. Ангобное покрытие отсутствует. Сосуд сильно закопчен. Под основание горловины посажена небольшая пластинчатая ручка шириной 3 см. С этого же уровня происходит небольшая, высотой 4 см, скобообразная ручка кружечки, подтреугольная в сечении, покрытая плотным красным ангобом.

Почти в северо-восточном углу раскопа (в 2 м от стены помещения) обнаружен развал печи — куски ошлакованных стенок, горелая поверхность уровня пола диаметром около 1 м, зола и горелые кости животных. Несколько обожженных пятен, следов кострищ фиксируются дальше к юго-западному углу.

Керамика представлена в основном фрагментами стенок крупных форм. Станковая посуда почти вся покрыта светло-серым ангобом. Керамики с лощением не встречается; лепная, в основном сероглиняная. В тесто сосудов обильно введен шамот или мелкоотлаченный кварц. Внешняя сторона большинства лепных сосудов сильно закопчена. Ручки почти все пластинчатые, небольшие, посажены на край венчика. На днище нескольких сосудов видны отпечатки ткани. В целом материал близок к верхним, отличаясь тем, что поч-

ти нет сосудов, украшенных насечками шести-зубчатой гребенки. Исчезли хумы с подтрапцевидным венчиком. В выделке сосудов все чаще отмечается прием выслепливания ленточным способом. Сохраняется украшение плечиков и тулова сосудов потеками красной и черной краски. Ниже строительного горизонта Г-9 выявлены горизонтальные слои с заметным уклоном к юго-восточному углу раскопа. В начале XXVII яруса расчищен плотный, со светлыми вкраплениями слой темно-серого цвета. Керамики мало. В основном это фрагменты толстостенных крупных сосудов. Например, фрагмент венчика хума или хумчи диаметром 38 см. Венчик простой, прямой, сильно отогнутый наружу. Черепок розового цвета с темно-серой полосой ближе к внутреннему краю, что говорит о недостаточном обжиге сосуда.

Ниже этого слоя по всей поверхности юго-западного угла фиксируется кирпично-пахсовый развал, ближе к северо-восточному углу расчищен уровень пола желтовато-серого цвета с лункой-очагом диаметром 10 см и глубиной почти 7 см.

В целом же слои XXVII—XXVIII ярусов сильно насыщены зольными прослойками. Часто встречаются выбросы древесного угля, много костей животных. Слои заметно падают от западного и южного углов раскопа в северо-восточную сторону.

В XXVII—XXVIII ярусах обнаружен лепной кувшин с широким горлом, диаметром 8 см. Общая высота 16,5 см, дно плоское, диаметр 10,8 см. Толщина стенок колеблется от 0,6 до 0,8 см. Вылеплен ленточным способом, ширина ленты около 3,5 см, затем прокручен на медленно вращающейся подставке. Венчик прямой, овальный, шейка горла не выделена. Черепок темно-серого цвета, тесто с сильной примесью толченого кварца. Сосуд закопчен. С двух сторон от венчика на тулово опущены две маленькие пластинчатые ручки. Другой лепной сосуд — горшок баночной формы с широкой горловиной. Венчик простой, прямо поставленный. Диаметр 14 см. Черепок желтовато-серого цвета. Промес грубый, тесто с примесью песка, слюды и толченого кварца. Сосуд также закопчен, видимо, его ставили в огонь. Отсюда же и фрагмент кружечки со скобообразной ручкой. Отдельно стоящая головка — упор ручки — обломана. Возможно, упор был оформлен в виде головы животного. Черепок в изломе красноватого цвета с сильной примесью мелкоотлаченного кварца. С внешней стороны сильно закопчен.

Из XXVIII яруса происходят фрагменты лепного котла горшководной формы, нес-

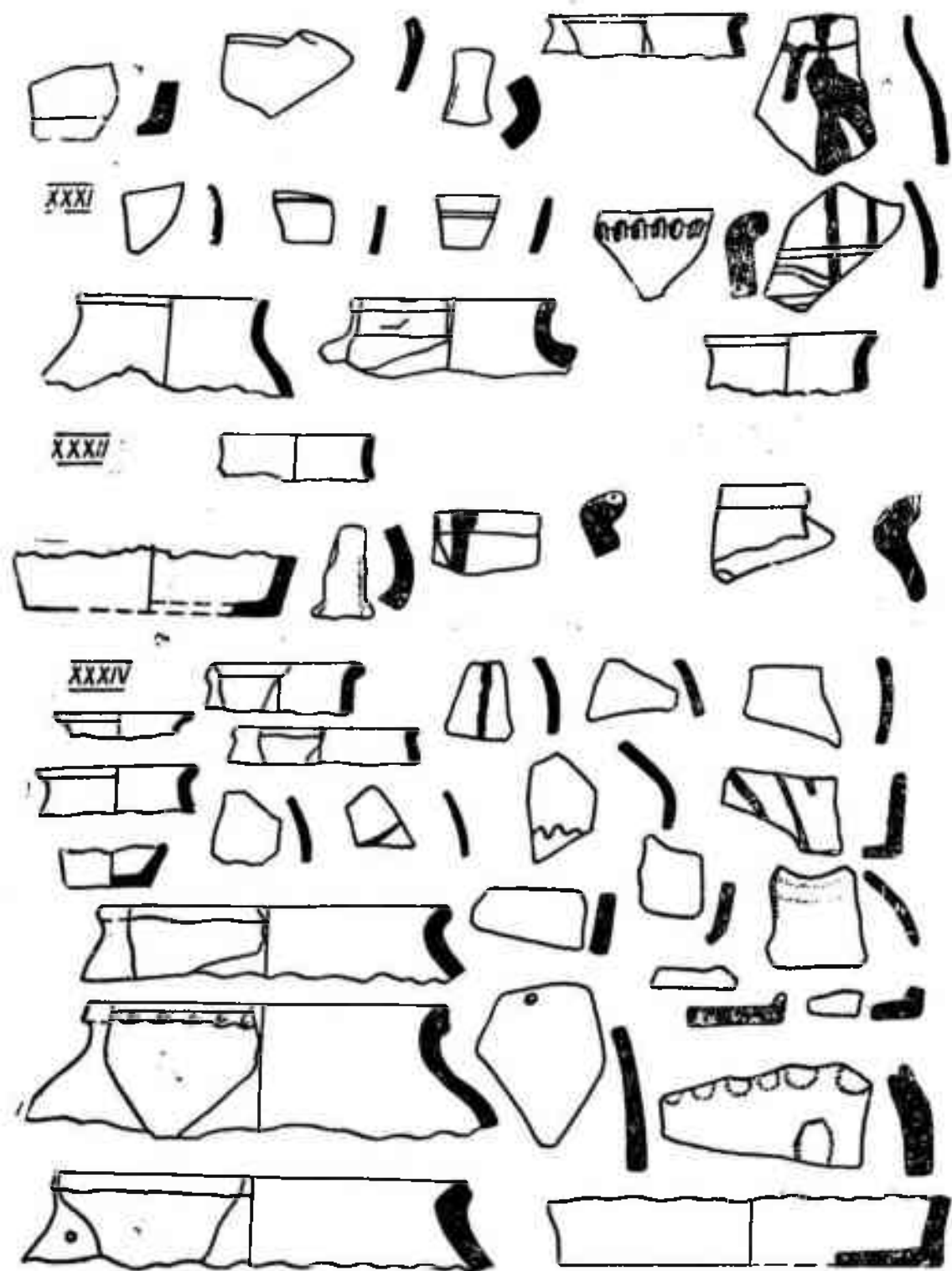

Рис. 13. Канка. Шахристан-I. Раскоп 1. Керамика XXX—XXXIV ярусов.

колько вытянутых пропорций с округлым дном. Диаметр венчика 22 см, сохранившаяся высота 24 см. Венчик простой, прямопоставленный, чуть отогнутый наружу. Стенки пологие, шейка горловины специально не выделена. Черепок желтовато-серого цвета. Гесто грубого промеса с сильной примесью песка и толченого гравия. С внешней стороны поверхность сосуда затерта. На пологие плечики посажена маленькая петлеvidная, но массивная ручка, расположенная горизонтально и слегка под наклоном. Сосуды подобной формы и с такими ручками-ушками были найдены на Кендыктепе (Ташморе). Схожие сосуды во фрагментах встречены в VII—VIII ярусах городища Кала-и-боло (Заркент).

Интересны фрагменты чаши диаметром 18 см. Последняя имела раскрытые конические стенки с плавным перегибом в верхней части. Венчик прямопоставленный. Черепок плотный, серо-розоватого цвета. Чаша покрыта плотным красным ангобом, однако изнутри видна черная краска. С внешней стороны окраска черного цвета идет снизу до перегиба т. е. цветной гаммой как бы выделен прямопоставленный венчик. Хотя скорее всего это результат обжига чаш в стопках. С внешней и внутренней стороны поверхность лощена горизонтальным лощением. Возможно, это импорт или влияние ферганской керамики. Прямых аналогий не обнаружено. По нашему мнению, чашу следует датировать I—II вв. н. э.

Почти в центре юго-восточной части раскопа в начале XXVII яруса обнаружена глубокая яма (колодец?). Она несколько неправильной формы — северо-западный угол прямой, остальные образуют полуовал, общего длина западной стороны 0,85 м, северной 0,75, общий диаметр приближается к 1,1 м. Ближе к его юго-восточной части обнаружены фрагменты полусгнившей балки толщиной 12—18 см, длиной чуть более 1,5 м. Яма заполнена множеством битой керамики, попадаются кости животных, ребра, позвонки, бараньи челюсти и даже череп коровы. Слой заполнения плотный, с зеленоватым оттенком, встречаются рыхлые пористые зеленые слои с ржавым оттенком. Сам колодец продолжен до начала XXXIX яруса. Уже в XXIХ—XXX ярусах он приобретает конглобу форму, диаметр 1,1 м. В XXXV—XXXVI ярусах стенки колодца расширяются до 1,3 м, что предполагает близость дна, где расширение шахты колодца связано со стоянием воды, обрушением стенок на водоносный горизонт (рис. 11, з).

Слой XXVIII—XXXI ярусов сильно падают с запада на восток. Так, на западе рых-

лый серый слой с включением комков желтой глины падает к восточной стене до начала XXXIII яруса. Вообще слои этих ярусов отличаются рыхлой структурой и чересполосицей желтых и серых слоев, с включением небольших прослоек из комков обожженной глины, зольных и гумусных линз. Два самых нижних строительных горизонта Г-10 и Г-11 связаны с нижними XXX—XXXIV ярусами (рис. 11, д).

Г-10 — сооружение типа траншеи, вырытой в материковом лессе желтого (ниже коричневого) цвета с соляными конкрециями. Коридор или траншея с наклонными стенками ориентирован по линии север-юг с уклоном к востоку на 20°. Ширина коридора неодинакова — около колодца, т. е. в южной части, 1,8 м, в северной 2,1 м. Стены покрыты тонкоотмученной с растительными добавками штукатуркой. Местами штукатурка сохранилась в два слоя. Поверхность стен несколько наклонная с неровным профилем. Стены сохранились на разную высоту: с запада до 2—1 м, а с востока от 0,60 до 1,5 м. Поверхность пола ровная, гладкая, покрыта светлым натечным слоем (возможно, от разрушения стен). Сам пол плотный светло-бежевого цвета. Скорее всего, это длинная землянка. Землянки подобного типа (длина 3—10 м, ширина 2—3 м) недавно обнаружены в Южном Согде и датируются греко-бактрийским периодом.

В разрезе хорошо видно накопление слоев в бытовании сооружения. Первый уровень — это постепенный оплыв стен самого сооружения, перекрывающий уровень пола, который в свою очередь покрыт толщиной в 0,3 см натеском с тонким ржаватым налетом. Керамика на полу почти не встречена; она располагалась несколько выше. Вся керамика сильно фрагментирована, много станковой, часть из которой покрыта светлым ангобом. Второй уровень — слой желтовато-красноватого цвета, рыхлый, однородный по структуре, легко рассыпается в пыль. В 18—21 см от уровня пола вскрыт мощный (толщиной 1,2 м) плотный слой серого цвета, насыщенный обломками кирпичей и кусков кирпичной массы. Выше — слой темно-серого цвета. Встречаются кости животных (бараньи челюсти, крупная кость быка или лошади, ребра, позвонки). Была найдена также человеческая черепная крышка и два зуба, но никаких следов захоронения не обнаружено. Возможно, это кости скелета погибшего человека, который потом растащили собаки.

Г-11 частично разрушен при рытье траншеи. Он представляет собой остатки двух вы-

рытых в материке землянок, отстоявших одна от другой на 2,5 м. Южная землянка разрезана продольно на 3,8 м. Северная часть ровная, длиной 1,6 м, южная — понижена на 30 см. Пол землянки перекрыт коричневатым рыхлым слоем с включением угольков. Выше он покрыт плотным слоем с включением комков глины. Слои в землянке падают с северной стороны. Возможно, керамика из землянки смешалась с керамическим материалом траншеи (рис. 11, д).

В керамике траншеи преобладает станковая. В выборке, сделанной в северной части траншеи, на двадцать два фрагмента от раз-

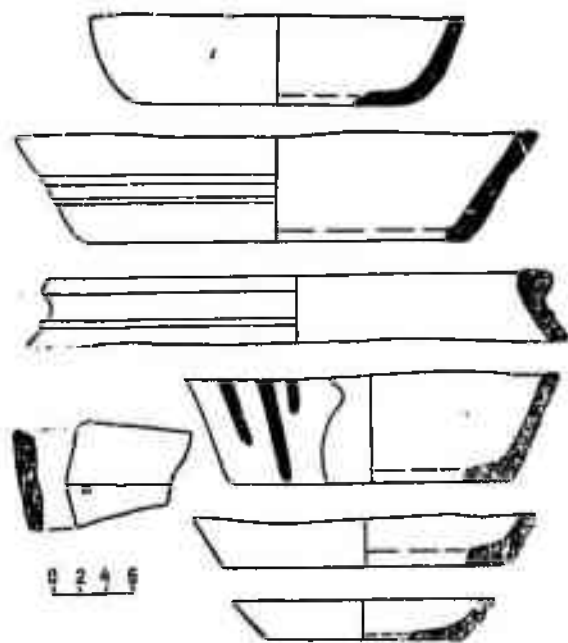

Рис. 14. Канка. Шахристан-I. Раскоп 1. Керамика XXVI яруса.

ных сосудов приходится 16, изготовленных на гончарном круге, и шесть лепных. Опишем некоторые из них. Фрагмент донца крупного сосуда диаметром 28 см. Сосуд изготовлен на песчаной подсыпке от плоского дна, вверх отходят конические стенки, толщиной 1,1 см. Черепок в изломе желто-серый. Сосуд недообожжен. На внутренней его части видна розоватая полоска. Возможно, это результат вторичного использования донца сосуда, так как внутри сохранились следы несильной копоти. С внешней стороны сосуд ангобирован. Ангоб светло-серого цвета. Несколько выше дна по поверхности тулова камышинкой проведены желобки.

Фрагмент стенки венчика крупного сосуда типа хумчи. Диаметр венчика 37 см, форма его — овальная. Черепок розовато-коричневый. Отмучка средняя, тесто с примесью гипса. С внешней стороны покрыт густым, почти белым ангобом. Шейка короткая, выделена острым валиком. Подобный прием характерен для керамики III—II вв. до н. э. Несколько позже, во II—I вв. до н. э., валик исчезает или делается еле заметным (рис. 14).

Фрагмент стенки крупного сосуда с черепком желтовато-серого цвета был покрыт плотным светлым ангобом. С внешней стороны сделан маленький уступ, ниже которого проделано круглое отверстие диаметром 0,6 см. Возможно, уступ — результат скрепления лент.

Фрагмент донца (кувшина или миски?) диаметром 14 см. Черепок в изломе желто-серый. С внешней стороны сосуд заглажен и покрыт красноватым ангобом. Днище тонкое, плоское. Снизу также покрыто красноватым ангобом и заглажено лощилом. Процент сосудов, сформированных на песчаной подсыпке, весьма невелик. К ранним образцам античной керамики тяготеют фрагменты, формы которых создают не жесткую линию, а некоторую припухлость самой формы и плавную линию профиля.

В целом керамический комплекс из траншеи датируется в пределах III—II вв. до н. э. и обнаруживает ряд аналогий с керамикой Согда этого периода (Кабанов, 1973, рис. 12, 19, 22, 26).

Таким образом, изучение нижних культурных слоев городища Канки показало интересное сочетание развитой крепостной фортификации, жилья в виде землянок и ремесленной, изготовленной на гончарном круге керамики. Аналогичная тенденция наблюдается в греческих городах Причерноморья.

ШАХРИСТАН-I. РАСКОП 10

Почти в центре северо-восточной части шахристана-I (к востоку от цитадели) проведены большие планиграфические работы по выявлению массовой жилой застройки города в средневековый период. Раскоп № 10 состоит из двух участков: первый — южный, площадью 400 м², второй — северный, площадью 580 м².

В целом удалось зафиксировать три строительных горизонта (X—XI вв., XI—XII вв., XII—XIII вв.). В каждом из периодов менялась планировка сооружений. В отдельных случаях стены первоначальных построек использовались в последующий период. Однако

чаще при возведении сооружений стены предшествовавшего периода либо уничтожались, либо разбирались на строительные нужды и поэтому сохранялись на незначительную высоту.

Сохранность стен и полов верхнего строительного горизонта крайне плохая. В нескольких случаях вымостка полов произведена жженым кирпичом различного формата и качества. Скорее всего это сбор из разновременных построек. Стены возводились из пахсы и сырцового кирпича. Нередко старые стены обкладывали прямоугольным сырцовым кирпичом, поставленным на ребро. Плохая сохранность сооружений не позволяет высказать какие-либо суждения о планировке здания и выделить жилые и хозяйственные комплексы. Здесь обнаружены отдельные группы комнат. Характерно наличие в каждом отдельном домовладении очажков. Как правило, они почти квадратные (65×70 см), сложены из жженого кирпича. Всего обнаружено три таких очажка. Один — в северо-восточной части раскопа, выложен из жженого кирпича (32×15×4—5 см, 30×14×4—5 см) и утоплен ниже уровня пола на 8 см, в центре его — ямка диаметром около 10 см, заполненная шлаком, угольками и золой.

Второй был вскрыт почти около восточной стены раскопа, тоже почти квадратный по форме, но лунка с золой сделана ближе к сырцовой стенке. Характерно, что очажок как бы окаймлен бортиком из прямоугольного кирпича толщиной 4—5 см, поставленного на ребро. Бортик возвышается над поверхностью очажка на 6 см. Причем углы бортика сложены в перевязку.

Еще один такой очажок зафиксирован в крайнем юго-восточном помещении Р=10. Он сохранился не полностью, но, как и у предыдущего, поверхность очажка ограничена бортиком из спаренных кирпичей, поставленных на ребро, и обмазана белым ганчем. К. М. Байпаков выделяет в особую группу глиняные сандалы, вмазанные в пол, и переносные очажки археологического комплекса Южного Казахстана XII—начала XIII в. Часть очажка прямоугольной или овальной формы, вмазанную в пол, он считает переносным сандалом, т. е. жаровней с невысоким бортиком, при помощи которой обогревались в зимнее время. Он же разделяет их на два типа: подковообразные, часто встречающиеся в материалах среднеазиатских городов, и более редкие, видимо, характерные лишь для Южного Казахстана, — цилиндрические, напоминающие тазики с прямыми стенками (Байпаков, 1986, с. 108—109, рис. 36—37).

Однако если эти переносные очажки —

сандалы, зачем их вмазывать в пол, как видно из материала с Куйрук-тобе и Отрара (Байпаков, 1986, с. 109, рис. 36), и наносить определенные символические композиции в виде ветки, увенчанной тремя, а в другом случае одной розеткой (возможно, символизирующей цветок-солнце)? Скорее всего эти очажки подобно подковообразным, связаны с народными верованиями — культом плодородия и тесно переплетающимся с ним культом предков.

Фрагменты различных жаровен встречаются и на городище Канка. Внутренняя поверхность стенок, реже дна, украшена орнаментом из зашпоз, штампов. Но они встречаются наряду с подиумом, выложенным из жженого кирпича. По нашему мнению, южноказахстанские очажки овальной или прямоугольной формы представляют собой не сандал, а подиум со стилизованным (сросшимся с подиумом) подковообразным очажком, который уже становится неотъемлемым компонентом. В нашем же случае роль таких очажков отводилась небольшой нишке прямоугольной формы в стене. Подобная хорошо сохранившаяся конструкция обнаружена в 1982 г. в нижнем комплексе Р-10.

В целом наблюдается несколько хозяйств, где жилые и хозяйственные помещения располагались по периметру дворов. Однако архитектурные остатки весьма незначительны. Видимо, основной культурный слой XII—начала XIII в. располагался дальше к востоку, так как в этом направлении наблюдается увеличение культурного слоя. Собранные с этого горизонта керамика представлена различными формами поливной и неполивной посуды. Среди нее характерны фрагменты поливных чиражков с бирюзовой поливкой. Много фрагментов крупных кувшинов.

Следующий строительный горизонт XI—XII вв. сохранился лучше. Выявлено шесть домовладений. Все они, видимо, близки по планировке, которая состоит из одной большой комнаты, коридора и нескольких подсобных помещений (от одного до трех). В качестве строительного материала использовалась пахса и сырцовый кирпич прямоугольного формата (32×16—17×6—7 см). Часто кирпичами облицовывали старые пахсовые стены. Кирпич тогда ставился на ребро, перемежался одним-двумя рядами выкладки плашмя и вновь кладка тянулась вверх. Реже (в одном случае) применялась выкладка вертикальных рядов елочкой. Широко использовался жженный кирпич для облицовки цоколей стен, вымостки полов. Из жженого кирпича выкладывались очажки и тазары, устройства для ритуального омовения. Из кирпича двух

форматов (29—30×14—15×4—5 см и 32×16×8, иногда до 36×16×8) чаще использовался первый формат.

Основным строительным материалом при возведении стен служила пахса, ленты которой делились на блоки длиной 0,9—1,1 м. Высоту блоков, к сожалению, нигде зафиксировать не удалось из-за плохой сохранности стен. Пахсовая стена подрезана и обложена кирпичной рубашкой. Пол обычно обмазывался серой или серовато-желтой глиной, лишь в пом. № 17 пол голубовато-зеленоватый.

Всего намечено и вскрыто 20 помещений (рис. 15).

Пом. № 1. Вскрыто не полностью. Северная стена прослежена на 5,2 м, западная — на 4,25 м. Выявлено два уровня пола. Первый — серого цвета, в северо-западном углу слегка обожжен. В восточную сторону пол чуть заметно (на 7 см при расстоянии в 5 м от западной стены к востоку) понижается. Второй уровень пола плотный, хорошо чистится, обмазан желтоватой глиной. Весь юго-восточный участок его в белых атмосферных вкраплениях. Почти в середине западной стены расширены остатки очажка (60—67 см). Как и в других случаях, край его обложен двойным рядом из поставленных на ребро жженных кирпичей. Подиум также выложен из жженных кирпичей кладкой плашмя. Однако сам очажок почти не сохранился, ширина его восстанавливается по почти целой северной стеночке, а длина по врезке в стену. Кстати, дальше на юг за очажком стена делает уступ. Ширина ее в этом месте достигает двух метров.

Северная стена помещения № 1 сложена из ленточной пахсы, ширина ее 85 см, она не совсем плотно пристроена к стенке, сложенной также из пахсы. Позже в промежуток между ними была положена цепочка из жженных кирпичей. Ширина этой стены 90 см. Подобная ширина, кстати, типична для пахсовых стен помещений нижнего комплекса Р-10. Но к этой стене с севера пристроена еще одна линия стены шириной 1 м. От предыдущей стены она отстоит на 22 см. Характерной особенностью является манера кладки: она как бы обложена отдельными отрезками различной длины — 55, 45, 75, 98 см. Любопытно, что каждый блок на кирпич ниже предыдущего. К востоку уровень пола под этой стеночкой заметно понижается.

В целом, видимо, пахсовые стенки были стенами различных домовладений, где пом. № 1 является одним домовладением, пом. № 2, расположенное к северу, — помещение нового

домовладения, куда входит еще пом. № 5, № 14, № 12. Сырцовая стеночка (из отдельных отрезков) — это ремонтная обкладка на втором этапе существования помещения. Пом. № 2, видимо, служило коридором. Ширина его на первом этапе 3,10 м, на втором 2,10 м. В северо-западном углу пом. № 2 функционировал проход в помещение № 14. Оно подтрапещевидной формы, к северу сужается до 1,8 м. Общая его длина почти 4,5 м. Западная и восточная стены сложены из прямоугольного сырца. Назначение помещения не ясно. Следует отметить наличие вдоль восточной стены горелых прослоек и зольных выбросов. Отсюда же происходят фрагменты котла. Возможно, это помещение связано с приготовлением пищи. Смежное с ним пом. № 12 — длинной узкой формы (5,4×1,3 м). В западной стене почти в северо-западном углу, видимо, был проход. К сожалению, стена на этом участке уничтожена более поздним бадрабом. Само же помещение № 12 хозяйственного назначения, возможно, для хранения продуктов и припасов. Отсюда происходит масса фрагментов хумов, дастарханов и сфероконусов.

Осталось неясным, соединялось ли пом. № 14 с пом. № 16 или здесь проходила стена-перегородка. По крайней мере в последующий период часть западной стены пом. № 14 срыли и устроили очаг диаметром 40 см и глубиной около 30 см.

Пом. № 5 — парадное помещение этого жилого блока. Оно квадратной (5,4×5,4 м) формы, правда, южная сторона этого комплекса сложена несколько криво, т. е. имеет немного выгнутую форму. Западная и южная стены сложены из пахсы, ширина первой стены 95 см, второй 1,03 см. В юго-восточном углу сделан широкий проход, практически соединивший сразу с пом. № 14 и № 2, ширина его 1,65 м.

Выявлено два этапа обживания помещения. На втором, верхнем, этапе вдоль стен помещения были сделаны невысокие суфы. Причем южная самая широкая — 1,1 м, суфы вдоль западной и восточной стен шириной 0,9 м. Они не доходят до прохода. Южная и западная суфы укреплены рядом жженных кирпичей, поставленных тычком к стене. Сами суфы и пол обмазаны зеленовато-серой глиной. Ближе к северо-восточному углу помещения расширен очажок-подиум размером 70×70 см, сложенный из жженных кирпичей. Бортик из кирпичей, поставленных на ребро. В центре круглое углубление, заполненное тонкой золой; хорошо видно, что здесь сжигали какую-то траву.

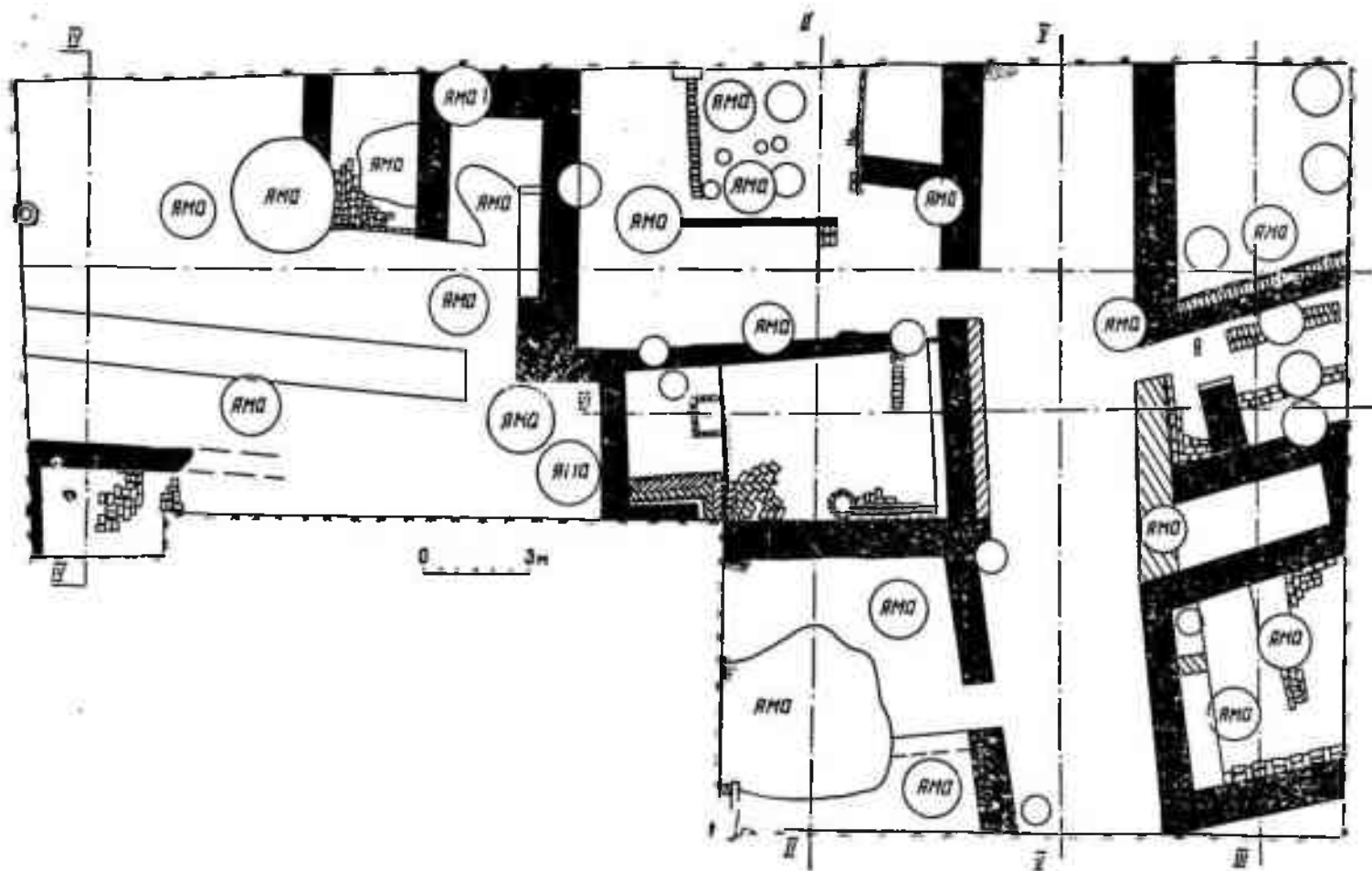

Рис. 15. Каяка. Шахристан-I. Раскоп 10. План по уровню XI в.

На первом, нижнем, этапе суфы вдоль западной стены помещения не обнаружены, зато пол был покрыт вымосткой из жженных кирпичей. Кладка обычная, вперевязку. Вдоль южной стены на расстоянии 1,1 м друг от друга найдено три ряда кирпичей. Ближе к юго-западному углу, но в то же время почти в центре помещения, была вырыта прямоугольная яма, в которой обнаружены куски горелого дерева и мощные зольные отложения. Отсюда же происходят каменные жернова и кружечка более раннего (V—VI вв.) времени, попавшая в караханидский слой при перебресе.

Пом. № 16 относится к другому домовладению. Северная стена его сложена из пахсы, восточная из сырца. Пол ровный, местами обгорел, причем зольные пятна и краснота увеличиваются к юго-восточному углу, где был сделан своеобразный квадратный (1,8×1,5 м) закуток. Стена стояла на цоколе из двойного ряда поставленных на ребро жженных кирпичей. Любопытно, что вдоль стен здесь расщеплен древесный тлея и крупные угли. Видно, пол здесь был деревянный, положенный прямо на грунт. Однако в один из периодов он сгорел.

Комплекс плохо сохранившихся остатков помещений располагался к востоку от описанного комплекса. Параллельно пом. № 12 протянуто помещение № 13. В его юго-западном углу расчищен небольшой тазар, на 80 см углубленный в пол. Стенки сложены из жженного кирпича, причем над уровнем пола они возвышаются на 15 см. На дно тазара (табанау) уложен мельничный жернов.

Севернее поверхность пола слегка обожжена. Здесь обнаружены остатки очага и расположенного рядом (в 80 см) тандыра. Еще дальше к северу вскрыта яма диаметром 90 см. С этого участка помещения происходят два крупных фрагмента дастархана, котел, кувшинчик и много мелких фрагментов поливной и неполовной керамики (рис. 16).

В южной части пом. № 15 соединилось с пом. № 13; оно, видимо, было подтралещевидной формы. Вдоль его южной стены обнаружены остатки вымостки пола жженым кирпичом. В северо-западном углу, очевидно, был проход в небольшое помещение № 17. Оно Г-образной формы (3,6×2,7 м). Западная его стена, смежная с пом. № 16, до конца (до северной стены) не доходит. Восточная (это хорошо видно, так как четко просматривается шов между ней и северной стеной), возведенная из пахсы, пристроена к сырцовой северной стене. Ближе к юго-восточному углу в восточной стене вырезан очаг полуовальной формы, шириной 32 см и глубиной 20 см.

Стенки его слабо прокалены: либо он мало функционировал, либо у него было не утилитарное назначение.

К северу от этого комплекса располагалось новое домовладение (пом. № 19, № 18, № 20, № 21). К сожалению, оно тоже вскрыто не полностью. Южная стена смежная с предыдущим домовладением. Пом. № 19 небольшой прямоугольной (2,2×3 м) формы. Стены его сложены из разных материалов. Пол ровный, зеленовато-серого цвета, слегка понижается к востоку. Пом. № 19 — это коридор-разделитель. В северо-западном углу сделан проход в пом. № 20, а в юго-восточном — проход в пом. № 18. Ширина его 1,1 м. Пом. № 18 вскрыто не полностью, ширина его 2,9 м, но к востоку оно сужается до 2,65 м. Пол гладкий, но неровный, так как заметно понижается к центру помещения. А от западной стены к этому понижению тянется ложбинка. В отличие от других жилых комплексов пол здесь обмазан плотной голубовато-зеленовато-серой глиной. На стене выведена выкружка. Почти в самом юго-восточном углу пом. № 18 выявлен ряд из жженных кирпичей, стоящих тычком к стене. Каких-либо особых находок в этой части не было, кроме нескольких фрагментов и одной целой симбукузачи. Первоначально пом. № 19 и № 18 составляли одно целое, затем его разделили стеночкой-перегородкой. О назначении комнаты судить трудно. Возможно, первое помещение было связано с использованием воды. С другой стороны, не исключено его обычное бытовое назначение.

Любопытны находки здесь сфероконов, обусловленные широким использованием ртути в быту. Ее часто применяли в народной медицине, для гигиенических целей: ртутью, смешанной с тестом, промазывали швы одежды, уничтожая паразитов. Интересна в связи с этим находка необычно крупного для канкиских экземпляров сферокона. Плечики его украшены вертикально расположенными валками. Находки таких же (но не столь крупных) сфероконов с наклепными валками обнаружены в предыдущем жилом комплексе. Видно, этот тип сфероконов широко распространяется в XI — начале XII в. В связи с этим хотелось бы отметить, что обнаруженные здесь подъемные сфероконы в виде рыбки, находки из культурного слоя XI века на раскопках № 1 и 5 представляют собой частное развитие этого типа.

Проход в пом. № 20 частично разрушен опущенной сверху ямой диаметром 1,1 м, срезающей часть какого-то помещения еще более раннего времени. Ширина прохода 1,5 м. Пом. № 20, видимо, было прямоугольной формы.

Северная стена сохранилась не полностью. Вся восточную часть занимает суфа, во всю ширину помещения, т. е. на 2,3 м. Над уровнем пола суфа приподнята на 25 см. Как и пол, она обмазана серо-зеленой глиной. Ближе к ее западному краю в суфе сделано прямоугольное (64×78 см) углубление. Назначение его непонятно. Но, как и суфа, оно было обмазано той же серо-зеленой штукатуркой. Скорее всего это углубление для сандала, куда в холодное время устанавливался поднос с углями.

Пом. № 21. Восточная часть его обмазана желто-серой глиной (на ней были белые атмосферные вкрапления). Западная часть почти на два метра сохранила вымостку из жженого кирпича. Центральная часть сильно пострадала от скученности здесь более поздних мусорных ям. Небольшой трапезной доши до края шахристана. Четко прослеживающийся по гребню небольшой валик оказался остатками пахсовой стены шириной 1,3 м. Почти вплотную к ней примыкают культурные напластования.

К западу от домовладения № 4 частично вскрыто крупное помещение нового жилого комплекса (домовладение № 5). Размеры его (пом. № 22) точно не установлены. Выявлена лишь длина — 6,9 м. Северная поперечная стена сложена из сырца со стандартной толщиной 65 см. Южная стена составляет единую линию с южной границей предыдущего жилого комплекса. Почти в центре помещения (ближе к южному углу, точнее в двух метрах от него) в тело восточной стены на 10 см врезан тазар квадратной (70×70 см, глубина 95 см) формы. Стены его сложены из жженого кирпича (32—36×18×6—8 см) желтого и кирпично-красного цвета. Кладкой из кирпичей плашмя создан своеобразный колодец, на дне которого уложены либо две плиты прямоугольной (42×21×6 см) формы, либо одна плита квадратной (42 см) формы. В ней прорезаны четыре желобка, пересекающиеся в центре и разделяющие поверхность плиты (или плит) на четыре равносторонних треугольника. В месте пересечения пробита круглая дыра диаметром 3 см. В процессе использования плита лопнула по этим желобкам. Тазар лишь на 10 см возвышается над уровнем пола. Последний — ровный, серо-желтого цвета.

В тело восточной стены врезано два бадраба. В одном из них найден массивный предмет треугольной (22×12,5 см) формы. Возможно, это железная часть деревянного плуга-омача. По крайней мере это вторая находка подобного рода в этой части городища (раскопки 1983 г. Р № 10, нижняя

площадка). Ничего удивительного в находке сельскохозяйственного орудия на городище нет. С одной стороны, это мог быть готовый товар на продажу с какими-то дефектами, выброшенный в мусорную яму. С другой стороны, это могла быть часть сломанного орудия, владельцы которого жили здесь. Письменные источники позднего времени фиксируют, что часть городского населения среднеазиатских городов занималась земледелием.

Рис. 16. Канка. Шахристан-1. Раскол 10. Глазурованный кувшин первой половины XII в.

В XIX в. даже в таком крупном торговом и ремесленном центре, как Ташкент, в махалле Дероз (квартал литейщиков), земледелием занималась почти четвертая часть жителей (Фазылов, 1961, с. 242—243). Более того. В черте города были не только сады, виноградники и огороды, но и пашни. На земельных участках кварталов Дероз и Кудукбаши (район Укчи) располагалось много садов и виноградников, владельцы которых переезжали сюда на лето (литейщики даже перевозили несложное оборудование из своих мастерских), а потом стали жить постоянно (Рузиева, 1965, с. 74). Однако из этого не следует делать вывод лишь об аграрной нап-

равленности городских центров Средней Азии. Все это скорее говорит о том, что, несмотря на бурное развитие города, отделение сельских занятий от городских еще не завершилось даже в XIX в. (Рузиева, 1965, с. 77). Подобная половинчатость характерна для многих городов не только Востока, но и Западной Европы.

Еще одно домовладение зафиксировано к западу от пом. № 5. Южная стена домовладения № 6 одина для остальных помещений комплекса. Она сложена из пахсы и сохранилась на высоту 40—50 см, ширина ее 95 см. Пом. № 6, видимо, было двором подтрапещевидной (5×5,6 м) формы. Уровень пола бугристый, заметно понижается к западу. Вдоль восточной стены расчищен завал пахсовой стены. На 5—7 см ниже выявлен еще один уровень пола, на котором обнаружена одна зернотерка, фрагменты двух дастарханов и около западной стены фрагменты тандыра. Причем в этом месте от стены во внутрь пом. № 6 вытянута небольшая прямоугольная (55×30 см) площадка, возвышающаяся над уровнем пола на 18—22 см. Ее южный конец (30×30 см) несет следы сильной прокалиненности. Возможно, рядом располагался еще один тандыр, фрагментами которого буквально усеяна поверхность пола дальше к югу.

Пом. № 7 отделялось от предыдущего помещения тонкой стеночкой-перегородкой шириной 45 см. Помещение вытянуто к северу на 3,3 м. Видимо, в северной стене был сделан проход. К сожалению, она сильно разрушена, сохранился небольшой отрезок поворота перегородки на запад. Пол в помещении неровный, желто-серого цвета. Кроме фрагментов хума, здесь ничего не было. Однако дальше к северу с уровня пола собрано большое количество посуды: небольшие поливные чаши, чираги с ребристым резервуаром, фрагменты котлов с серповидной ручкой и верхний диск зернотерки.

Южнее пом. № 6 и № 7 выявлен целый ряд помещений, внутреннее пространство которых оказалось забутованным, а местами уже поверх забутованного участка прочищен бугристый уровень улочки шириной 4,85 м, вытянутой с востока на запад. Улочка появилась на последнем этапе обживания участка, так как забутовка помещений произошла не сразу. Первоначально вдоль южной и северной стен пом. № 8 сделали ремонтную обкладку. Пол ровный, слегка повышается в восточную сторону. Около северной стены расчищен крупный очаг подковообразной формы диаметром 30 см, высотой чуть больше 20 см. Земля вокруг красноватого цвета.

Отсюда же происходят фрагменты котлов, горшков и мелкие фрагменты крышек.

Южнее пом. № 5, за его стеной, было вскрыто небольшое помещение вытянутой прямоугольной формы (пом. № 3) с вымосткой из жженого кирпича 29—30×14—15×4—5 см. Первоначально выкладывался ряд кирпичей цепочкой вдоль стен, затем все пространство заполнялось кладкой в елочку. У выхода применена обычная кладка рядами. В процессе вскрытия выяснилось, что помещение имело несколько этапов. На первом этапе стены были обмазаны белой ганчевой штукатуркой. Позже северную стену увеличили в центре на 40 см, в результате чего образовались две ниши: одна в северо-восточном углу длиной 1,05 м и глубиной 40 см, другая — около входа в помещение.

Западнее расчищена часть вымостки пола пом. № 4; с юга к этому комплексу примыкала группа из трех помещений. Одно из них (пом. № 23) было вытянуто параллельно пом. № 3 и соединялось проходом шириной 1,1 м с пом. № 11. Последнее подпрямоугольной формы шириной 3 м. В западном углу оно в свою очередь соединялось проходом с пом. № 10 подквадратной формы. Стены сложены из пахсы. Ширина прохода 1,05 м. Северо-западная часть пом. № 10 заполнена кусками пахсы, в северо-восточном углу выявлена мусорная яма диаметром 1,1 м. Заполнение ее — серая рыхлая земля с включением костей и яичной скорлупы.

Западнее вскрыто пом. № 9, пережившее два строительных этапа. Первый характеризуется вымосткой пола жженым кирпичом. От стены кладка шла тычком, дальше чередовалась вперевязку. Во время одного из ремонтов ее перекрыли еще одним рядом вымостки из жженных кирпичей. Помещение соединялось с расположенным южнее другим помещением, пол которого также выложен жженым кирпичом. В северо-восточном углу пом. № 9 выявлен обожженный участок, выделенный бортиком из поставленных на ребро кирпичей и почти весь покрытый толстым слоем белого пепла.

Верхний строительный этап связан с возведением вдоль западной оси тонкой стеночки-перегородки шириной 50 см. Причем ее дважды пытались реконструировать, для чего вдоль стены обкладывали сырцовыми кирпичами (плашмя к стене). Пол неровный, бугристый, желтовато-серого цвета. Почти около северной стены вырыта мусорная яма диаметром 0,9 м.

Таким образом, для домовладений XI—XII вв. характерно наличие одного крупного помещения и нескольких подсобных. Возмож-

но наличие небольшого дворика, а в одном из помещений — возведение тазара.

Планировка горизонта середины XI века близка к предыдущему. Для удобства фиксации материала площадь раскопа условно разделили на четыре полосы (А, Б, В, Г). Полоса Б — улица XI—XII вв., пересекавшая основную часть раскопа на две неравные части.

В интерьере жилых помещений обильно использовался жженный кирпич (30×15×4—6, 28×14×4—6 см, реже попадает 34×16×8 см). Как правило, цвет кирпича в изломе розовый или желтый, черепок чаще всего рыхлый. В качестве отощителя используются различные (обычно растительные) добавки. Цвет кирпича, видимо, зависел от места забора глины. Красный или розовый, как мы считаем, получался в том случае, если глину брали из материкового слоя, желтый — если с уже подвергнувшегося антропогенному воздействию слоя (т. е. из культурного или пахотного). Показательно, что иногда в кирпичах желтого цвета встречаются необгорелые кости и один фрагмент железного стержня. Обычно кирпич не укладывался по цвету, но в одном случае при кладке «слочкой» кирпичи устанавливали по цвету, перемежая красный желтым.

Дерево применяли ограниченно: во-первых, как балки порога, во-вторых, как опорные столбы, и, наконец, как перекрытие. Последнее, если оно фиксируется в процессе вскрытия, указывает на наличие плоских перекрытий. При устройстве кровли широко использовали ветки деревьев и камыш. Камень изредка брали на устройство цоколей стен, вымостки пола. Иногда для этого использовали поломанные мельничные жернова.

Общим для архитектурных остатков является отсутствие фундамента: стены сразу ставились на горизонтальную поверхность. Строительным материалом служили пахса и сырцовый кирпич (32×16×6—7 см), особенно часто использовавшийся при ремонтах стен. В кладке сырцовых стен отмечено три приема: а) при толщине стены 65—70 см сырец клали в ряд, чередуя ложок с тычком; б) при толщине стены 30—35 см кирпич клали плашмя или на ребро, но членение уже шло рядами; в) при толщине стены 20—25 см стену сплошь выкладывали ложком. Для ряда стен этого периода отмечен прием первоначальной выкладки в два ряда жженных кирпичей, а уже затем сырца.

Полоса А вытянута с востока на запад, в нее попали домовладения, лежащие к югу от улицы. Вскрыт участок двора, с севера ограниченный пахсовой стеной, которая в свою очередь помещена на двух рядах жженных

кирпичей. Любопытно, что жженные кирпичи промазаны зелено-серой плотной глиной, а в кладке лежащего выше сырца использована обычная глина. Уровень пола слегка повышается на восток. Он зелено-серого цвета с белыми вкраплениями атмосферных осадков. В самом северном углу зафиксирована яма диаметром 1,1 м. Другая яма диаметром 1,35 м и глубиной 1,7 м расчищена в противоположном юго-восточном углу. Вдоль северной стены на уровне пола много угольков и костей животных.

Дальше на запад было вскрыто два почти квадратных помещения. Южное (2,8×2,4 м) имело пол, вымощенный жженным кирпичом, причем наряду с целым кирпичом широко использовали и кирпич, разделенный пополам. Уровень пола уходит дальше на юг. С севера комната ограничена стеночкой-перегородкой шириной 65 см. Второе помещение сохранилось хуже. В северо-восточной части расчищена овальная яма, к которой тянулась вымостка из жженных кирпичей в два ряда. Выход на улицу находился в северо-западном углу помещения. Ближе к юго-западному углу помещения расчищены остатки очага. Отсюда же происходят фрагменты тагоры с наlepным жгутом (с защипами) под венчиком, хума с высокой горловиной и также укрепленного лентой с защипами. С уровня вымостки сняты фрагменты желтофонной керамики.

В центре помещения обнаружен разбитый каменный жернов, лежавший вверх рабочей стороной. С внешней стороны вдоль его края выбита короткая надпись, выполненная твердым профессиональным почерком. Диаметр жернова 59 см, толщина диска 8 см в центре и 4 см с краю. В центре диска пробито круглое отверстие диаметром 8 см. С рабочей стороны к центральному отверстию приделаны трапецевидные крылья, т. е. выбито бабочковидное углубление (глубина 6,5 см), служившее креплением для деревянного стержня. С внешней стороны у края диска сделано углубление для палочки, которой вращали верхний подвижный диск. Оно обведено невысоким валиком арочной формы. Несколько дальше, у самого края, пробито еще одно сквозное отверстие Г-образной формы. Последнее первоначально проточено на определенную глубину сверху, затем навстречу ему пробито отверстие в торце. К нему, видимо, крепили веревку тяглого скота. Скорее всего отверстия пробивали с помощью трубочатой кости и песка. В этой связи вспоминается находка такой кости со сточенными краями при раскопках слоев XI—XII вв. на городище Ишкурган (Паркент), где, кстати,

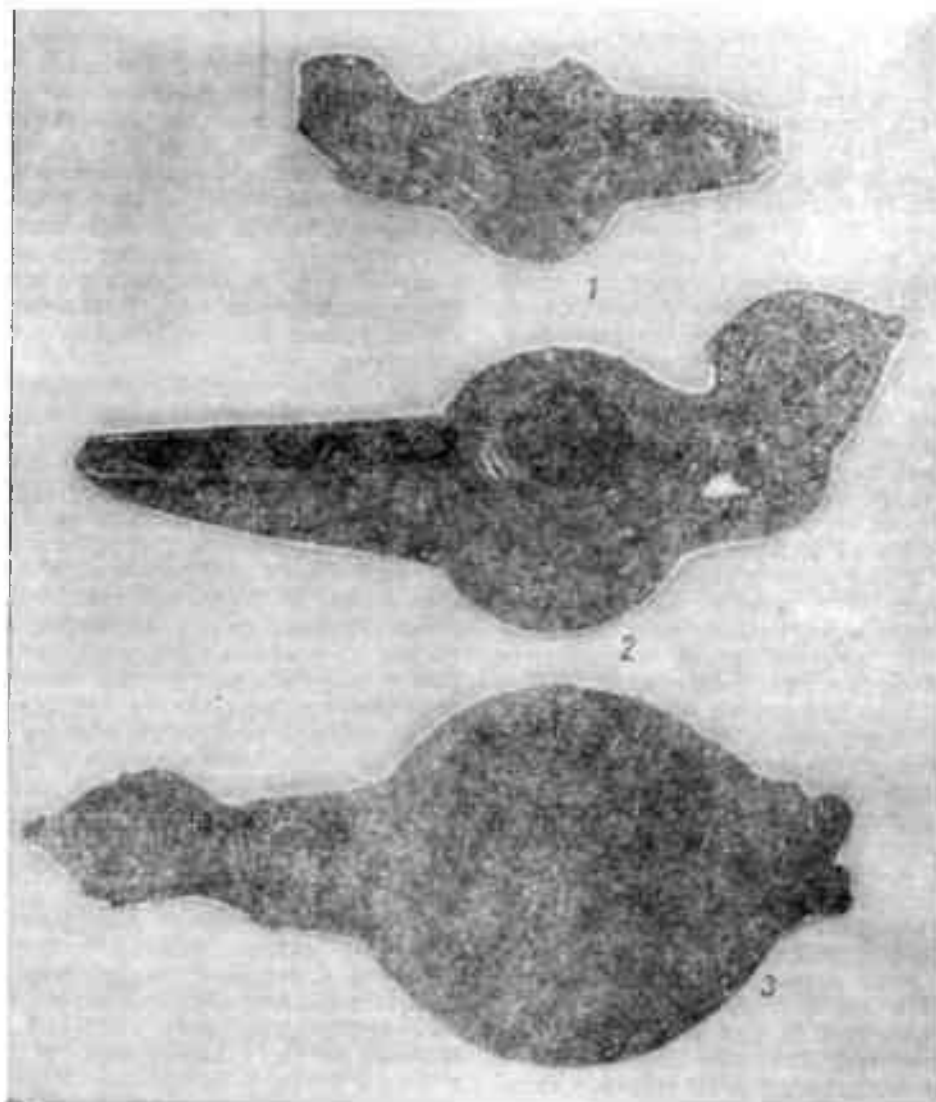

Рис. 17. Кайка. Шахристан I. Раскоп 10. Чираги:
1, 2 — керамика; 3 — бронза.

найденно много целых (готовых) жерновов и полуфабрикатов. Хотелось бы обратить внимание на валик арочной формы, обрамляющий отверстие для палочки. На известных нам дисках жерновов IX—X вв. он не встречается. Складывается впечатление, что он появляется где-то в середине XI в.

Таким образом, это домовладение состояло из двух помещений: одного парадного и одного подсобного с выходом в проулок. Любопытна датировка материала: его аналоги ложатся в рамки конца XI—XII в. Однако деталей, характерных для XI в. больше: это граенные чираги с коричневой поливой, желтофонная посуда с резервуарами, отсутствие

палочка в центре резервуара чаш. Поэтому, несмотря на отсутствие в комплексе монет, датировку его можно сузить до конца XI в.

Далее к западу расположено соседнее помещение прямоугольной формы. С трех сторон вдоль стен возведены стеночки из жженой кирпичей по три ряда. На них и в промежутке между ними зафиксированы остатки дерева. Скорее всего это следы деревянного пола, приподнятого на 25 см. Отсюда происходят фрагменты одноручных крупных кувшиков и стекла (каких-то баночных форм и стеклянных туваков диаметром 20 см).

Уровень расположенного дальше на запад помещения ниже на 50 см. Стены из пахсы и

сырца. В срезе южной стенки раскопа прочистились грань суфы и проход почти в юго-западном углу помещения. Вдоль западной стены сохранились следы вымостки жженым кирпичом. На полу обнаружен медный чираг с овальным резервуаром и длинным носиком. Ручка отбита. На краю резервуара (со стороны ручки) сохранилась пара круглых петель, к которым крепилась крышка (рис. 17, 3). Почти прямо аналогичен чираг из Ленгарского клада медных вещей XI—XII вв. (Каталог, 1985, с. 295).

В целом на этом участке зафиксировано одно небольшое домовладение, две комнаты другого и часть двора третьего. Из них только одно имело выход на улицу на участке раскопа.

После снятия этого строительного горизонта в восточной части вскрыта целая пачка горизонтальных слосв. Почти все они имеют заметный наклон к западу. Видимо, длительное время здесь была дворовая часть, причем нижние уровни ее уходят под улицу. Ниже, под дворовыми уровнями, расчищен падающий с востока мощный слой разрушений — оплыва каких-то сырцовых строений. Здесь же выявлено несколько мусорных ям. Одна из них насыщена костями животных (в основном барана). Встречаются птичьи кости и яичная скорлупа. Кстати, в слоях XI—XII вв. встречается большое количество яичной скорлупы. Можно ли из этого делать вывод о специальном разведении птицы и поставках яиц, пока не ясно. Однако факт повседневного употребления в эту эпоху яиц, видимо, бесспорен. По крайней мере по сравнению с каунчинским периодом яичная скорлупа встречается в несколько раз чаще. Любопытно и находка черепа утки.

Обилен керамический материал. К сожалению, он сильно пострадал, на многих полных изделиях исчезла глазурь. Среди почти 60 фрагментов керамики есть два целых чирага (рис. 17, 1, 2), один из которых покрыт поливой, другой нет. Отсюда же происходят фрагменты стекла и один небольшой ножичек с черешковой ручкой. Лезвие подтреугольное в сечении, сохранившаяся длина лезвия 5,1 см, черешок 2,7 см со следами деревянной ручки.

В центре П-А после снятия архитектурных остатков помещений выявлено два новых. Обмазка пола одного из них зеленовато-серая, уровень его несколько понижается к центру. В этой части расчищены налезающие один на другой три бадраба.

Дальше к западу располагалось второе небольшое, парадно оформленное помещение, пол которого был выложен жженым кирпи-

чом. Кирпич клался плашмя в горизонтальную лесенку, края кладки обрамлялись обычными рядами. Южнее кладка делает ступеньку вниз на один кирпич. Кладка здесь полностью не сохранилась, но по остаткам видно, что ряды были прямые. От предыдущего помещения оно отделялось тоненькой стенкой-перегородкой, стоящей на цоколе из двух рядов жженого кирпича. Она протянулась до ступеньки, дальше ее остатков не обнаружено, более того, нижняя вымостка тянулась на запад еще на 60 см. Видимо, здесь был проход, соединявший оба помещения. С юга и запада помещение ограничено невысокой паховой стеной. Уровень пола под кирпичной вымосткой ровный, плотный, серого цвета. Местами он покрыт подсыпкой из красного речного песка. В последний период существования вымостка была обмазана тонким слоем зелено-серой глины.

Отсюда происходит пятка ручки светильника, покрытая глухой глазурью коричневого цвета. Сама ручка круглой формы, поверхность ее подправлена ножом. Пятка листовидной формы, со штампованным растительным орнаментом (плетенкой). Пальметты как бы образуют треугольнички в плетении веток. Центральной фигурой была, видимо, верхняя пальметта. Подобные чираги и сама орнаментация характерны для середины XI века.

В западной части П-А вскрыто помещение, расположенное ниже предыдущих почти на 60 см. Длина его 5,9 м, ширина 4 м. Ближе к восточному углу, но в центре помещения, расчищены остатки подиума очажка размером 40×30 см, сложенного из жженого кирпича 29×14×4 см. Бортик очажка оставлен из поставленных на ребро кирпичей и их половинок. Уровень пола с очажком перекрыт слоем упавших кирпичей, горелых балочек длиной 20—30 см и шириной 15—12 см.

Лежащий ниже уровень пола под слоем с очажком также несет следы горения. Слой заполнен угольками, комками земли коричневого и рыжего цвета. Керамика маловыразительна. Восточная стена помещения сложена из паховых блоков. Стена имеет наклонную грань, обрамленную сырцовым кирпичом, приложенным плашмя. Вдоль южной и западной стен сохранились следы вымостки пола жженым кирпичом.

Здесь же обнаружено железное зеркальце с диаметром диска 11,4 см. Толщина диска колеблется от 0,5 до 1,8 см. С внешней стороны край диска оформлен слабовыраженным бортиком. Петля для подвешивания сделана в виде конической шишечки. В отличие от железного диска шишечка — бронзовая. В основании ее сквозное отверстие для шуруп-

ка, на который подвешивалось зеркало. Возможно, диск был посеребрен, отполированная поверхность его использовалась как зеркало. Обычно характерны бронзовые зеркала в виде плоского и тонкого диска; в материалах Канки железное зеркало встречено впервые.

Другой интересной находкой в горелом слое юго-восточного угла помещения являются остатки ткани и веревочки толщиной в 0,5—0,7 см. Отсюда же происходит уникальная для городища находка буллы овальной формы 3,6×2,6 см. Одна сторона — самая широкая — плоская, другая — усеченно пирамидальной формы, образует здесь площадку 1,5×2 см. Общая высота 1,5 см. Черепок темно-серого цвета. Глина легкая, пористая, с какой-то примесью растительной массы. На широкой лицевой стороне виден отпечаток крупной вогнутой печати. Изображение передано невысоким рельефом. Причем печать ставилась несколько раз (по крайней мере трижды): изображение сдвинуто в мелких деталях. Оно передает образ безбородого мужчины с длинными волосами, спадающими на шею. Стрижка в кружок. Нос длинный, прямой. Глаза — миндалевидной формы. На шее или гривна в виде двойного обруча с разомкнутыми концами, или короткий стоячий воротник. Подбородок отвисший, тяжелый. Над головой надпись из отдельных букв. На ключице тянется поясик из завитков — «запых». Шире на груди — складки одежды. Надпись над головой трудночитаема. Обратная сторона передает отпечаток сложной и завязанной шнурком ткани. С одного края буллы скученно выходят три шнурка, с другого — два и в торце — один. Булла явно скрепляла завязки какого-то предмета из ткани. Был ли это шелковый свиток или мешочек, сказать трудно. Сама булла сохранилась случайно, так как попала в пожар и обгорела. На нашем мнению, она скрепляла завязки мешочка. Датировка предмета неясна. Буллы с изображением животных или человека характерны для поры раннего средневековья, и поэтому скорее всего булла была перекинута из более раннего слоя.

Из этого же помещения происходит бронзовая ажурная пряжка. Длина сохранившейся ее части почти 6 см, ширина 3,2 см. Бляшка — литая с последующей подчеканкой. Одна сторона плетень плоская, другая — овальная. Создается впечатление, что она как бы сплетена из полуовальных фигур (рогов). Назначение бляшки неясно, скорее всего это часть поясного набора. Отметим, что элементы орнамента напоминают рога, сакральное значение которых общезвестно.

С этого же участка происходит железный наконечник стрелы пулевидной формы длиной 4,3 см, шириной 1,2 см. Наконечники стрел этого периода изучены плохо. Возможно, это объясняется их небольшим количеством в материалах городища. Хотя для наконечников X—XI вв. с городища Канка характерна плоская листовидная форма. Интересен фрагмент железной пластинки 5,1×6 см. Около края пластины проходил ряд дырочек. Возможно, это часть железной полосы, скреплявшей предмет из дерева.

Улица, верхние слои которой были вскрыты, раньше получила условное обозначение П—Б. В процессе зачисток выяснилось, что у нее неровная поверхность и она неоднократно ремонтировалась. Уровень ее постепенно повышался за счет пахсовых покрытий. Видимо, в осенне-зимний период на ее поверхность выбрасывали битую керамику и кусочки жженных кирпичей. В восточной части улица несколько расширялась. У южной ее границы мы нашли два напольных очажка. Дальнейшие работы в восточной и западной частях П—В, срезавшие наслоения и ремонты улицы почти наполовину, показали, что в более ранний период культурные слои подстилали улицу.

Улица XII в. была шире улицы XI—XII вв. на 90 см. Ее уровень заметно уклонялся к западу, но при разрезе ее полотна стало очевидно, что она еще поднималась к центру (т. е. к середине улицы). Уровень слоист. Масса мелких простых прослоек темно-серого, зеленоватого, желтого цветов. Встречаются фрагменты керамики и стекла. Ниже проходит нивелирующий слой пахсы (толщина ленты 25—30 см). Еще ниже зафиксирован плотный слой желтоватого цвета с мелкими включениями обожженных комков, угольков, керамики и костей животных; толщина его превышает 50 см.

Вдоль северной границы улицы выявлена кладка из сырца 32×16×6—7 см. В ней зафиксировано два очага. Один — подпрямоугольной (52×40×15 см) формы. В его разрезе четко видны два слоя, низ каждого из них подстилает белая прослойка золы, а дальше в 2—3 ряда слои мелких древесных угольков (хвороста). Второй очаг располагался на 60 см восточнее; он овальной формы, 35×30 см, глубиной около 25 см. Заполнение аналогично первому.

Дальше к востоку разрез фиксирует падающие с севера (со стороны П—В) слои пепла толщиной до 5 см, разделяющиеся более толстыми прослойками земли коричневатокрасного цвета и комковатой структуры. Все эти данные позволяют сделать вывод, что в

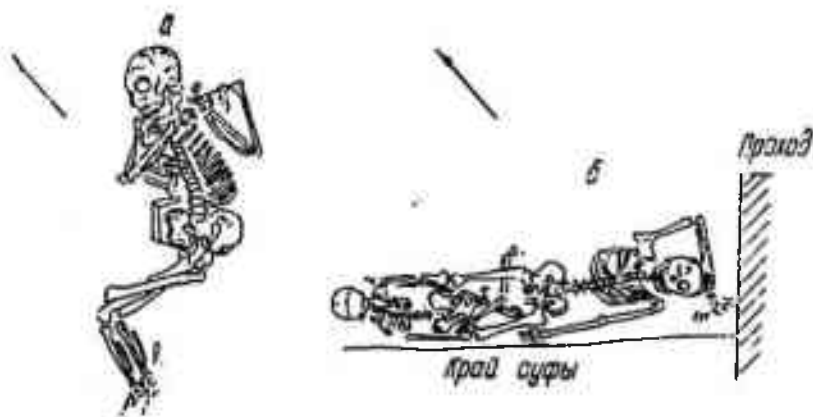

Рис. 18. Канка. Шахристан-I. Раскоп 10. Погребения погибших при развале строений.

более ранний период (по крайней мере до середины XI века) улицы здесь не было. Провели ее поверх культурных напластований, для чего некоторые еще сохранившиеся помещения даже забутовали. Улица интенсивно функционировала со второй половины XI века. Следующая полоса В охватывает домовладения, расположенные к северу от улицы.

В западной части П—В был вскрыт крупный (7×6,5 м) двор, ограниченный с востока и юга пахсовой стеной, где с юга был сделан проход шириной 1,1 м. Уровень пола неровный, бугристый. Как позже выяснилось, его подстилает слой сырцового развала. Расчищались даже участки длиной 0,6—1,2 м из упавших кусков стены. Интересно сочетание сырцового кирпича, поставленного на ребро, и гувалюков, наличие которых и часто попадающейся древесной трухи позволяет предположить существование каркасных строений. Некоторые кирпичи несут следы пожара. Лишь в северо-западном углу расчищена тонкая стеночка-перегородка из сырца прямоугольного формата, ориентированная по линии север—юг. Причем два нижних ряда идут плашмя, а два следующих дают чередование на ребро и плашмя. Отсюда же, с уровня пола, извлечена арочная балка (дерево не обделано, длина его 1,8 м) с сохранившимися сучками. Можно предположить, что дерево либо служило порогом, либо было вмазано в перегородку, при разрушении которой упало по линии восток-запад. Из центральной части двора происходит тлен камышовых циновок. У северной стенки раскопа обнаружен тандыр диаметром 60 см и подковообразный очаг диаметром 34 см. Отсюда же происходят фрагменты круглодонного котла с желто-серым тестом.

Почти в центре участка при разборке завала выявилось погребение (рис. 18). Покойник лежал на спине, руки сложены у правого плеча (как бы в жесте защиты), ноги согнуты к правому боку. Кости сильно пострадала, череп раздавлен обломком стены. Скелет ориентирован головой на северо-восток, лицом на запад. Захоронение явно непреднамеренное, поза рук, как бы прикрывающих голову, позволяет предположить, что это несчастный случай. Видимо, когда в результате землетрясения дом стал рушиться, человек попытался выбежать наружу, однако рухнувшие стены и кровля погребли его буквально в двух шагах от улицы.

После расчистки под полом, почти в центре участка, появилась гигантская яма неправильной (4,6×4,5 м) формы. Скорее всего отсюда выбирали грунт для строительства, а потом заполнили разным строительным и бытовым мусором. Заполнение — земля серого цвета с белыми вкраплениями, золистыми и гумусными линзами. Все слои резко падают к центру ямы.

Сверху на яму обвалились какие-то сырцовые стены. Плотный сырцово-пахсовый завал тянется вдоль всей восточной стороны участка. В перебросе отсюда же происходят два фрагмента поливных чаш IX в. Интересна находка мраморного овального шара (точнее, яйцевидной формы, но слегка приплюснутый снизу и сверху). Мрамор белосерого цвета. Диаметр предмета 5,4 см. Через центр поделки проходит округлое отверстие диаметром в 1 см. Возможно, это каменная булава или специально сделанный для чего-то грузик.

Отсюда же происходит плоское каменное точило, один край которого сломан. Камень

зеленовато-серый. Сохранившаяся длина почти 8 см, толщина 1,3 см.

Вдоль северного края ямы собрано 134 заклепки-нашивки, грибовидной формы с округлым черешком, на который надета тончайшая пластинка (заклепка). Ткань закреплялась между пластинкой и концом стержня. Диаметр шляпки 1 см, высота 4 мм. Высота ножки 6 мм. По определению М. Шемаханской, это низкопробное серебро. Скорее всего заклепки несли декоративную функцию. В нижней части некоторых из них сохранилась белая ткань.

Отсюда же происходит несколько железных изделий. Штырь, округлый в сечении, длиной 20,5 см, пластина прямоугольной формы (сохранившаяся длина 1,9 см, ширина 2,7 см) и железная полоса — наконечник обшивки какого-то деревянного изделия (ящика). Длина его 3,5 см, ширина 2 см. Один край заострен, другой согнут под углом в 70—80°.

Помещения в центре П—В составляли единое домовладение. Одно из них крупное прямоугольное помещение с суфами вдоль южной, западной и северной стен. В центре западной стороны, почти у стены, вскрыт ташнау, верхний край которого оформлен вымосткой из жженого кирпича (в виде цветка). Лестницы последнего изображали трапециевидные кирпичи. К нему с юга подходила дорожка из обычной кладки, а с севера примыкала кладка «елочкой». Западная и южная стены сложены из пахсы (без членения на блоки). Северная и восточная из прямоугольного сырца. Причем в северной стене лишь ряд был поставлен на ребро, тогда как восточная сложена из чередования кладки из горизонтальных и вертикальных рядов.

В северной части помещения на широкой суфе был устроен наполненный очажок из поставленных на ребро жженных кирпичей (27—29×14×3—4 см). Кирпичи ставились парой, но каждую такую пару отделял от следующей прямоугольный кусок кирпича. В результате получался своеобразный прием «бантик». Последний становится характерным для архитектурных композиций середины XI—начала XII в. Однако применение этого типа кладки для оформления очажков встречается впервые. Впоследствии всю поверхность очажка обмазали серой глиной. Сам он прямоугольной (95×75 см) формы, вытянут с запада на восток. Бортик возвышается всего на 4 см. Все пространство выложено жженым кирпичом и его половинками. В центре сделано круглое углубление диаметром 18 см и глубиной 3 см. Сохранились следы белого тонкого растительного пепла. Но трудно ска-

зать воскуряли траву непосредственно в углублении или туда только ссыпали золу. С уверенностью можно утверждать одно — очажки никак не могли служить садалами (Байпаков, 1966, с. 108—109) или обычными бытовыми подставками для котлов (Мирзалиев, 1987, с. 92). Со столь утилитарным назначением вступает в диссонанс их расположение в жилом комплексе и орнаментации. Однако вопрос об их назначении важен и принципиален. Если принять приведенные выше предположения, то чем тогда объяснить нахождение очажков в центральных помещениях или смежных с ними комнатах.

В целом очажки дают три типа. Первый — подковообразной формы с примыкающим к нему отдельным подиумом прямоугольной формы. У второго типа есть только подиум без специально выделенного очажка. Третий сочетает очажок и подиум в единой (круглой или прямоугольной) форме. Очажки первого типа широко распространены в Фергане, Уструшане, Южном и Центральном Согде, а также в Чаче и Южном Казахстане. Второй тип отмечается в низовьях и среднем течении Сырдарьи (Чач); третий — в основном в Южном Казахстане. Причем имелись они почти в каждом домовладении. Одно это наводит на мысль о каком-то особом к ним отношении.

Не имея возможности подробно остановиться на их орнаментации, отметим две тенденции. Первая — тяготение в декоре к изображению каких-то архитектурных форм (последнее нашло своеобразный отклик в нашем случае). Вторая — изображение на фасадных плитках очажка каких-то зооморфных и растительных символов. По нашему мнению, обе эти тенденции не противоречат друг другу, а дают общее представление об одном и том же. Ранее уже высказывались догадки об их отношении к заупокойному миру, т. е. об использовании в ежегодных обрядах поклонения предкам. На живучесть этих суеверий даже в наши дни указывают работы современных этнографов (Снесарев, 1969; Мурадов, 1979). Многие народы Средней Азии сохранили представление, что домашний очаг — это место обитания духов предков. Лишиться их покровительства означало разрушить семью. В тесной связи с этим находится запрещение гасить водой огонь в очаге.

О почитании огня и очага свидетельствует собственное этнографическое наблюдение, когда жительница пос. Эльтамгалы Турды Караева, считающаяся местной знахаркой по детским болезням, не раз, отправляясь в дальнюю дорогу, совершала определенный обряд, сидя перед очагом на корточках: поперемен-

но прикладывала ладонь от одной щеки очага к противоположному плечу, потом от другой щеки — к другому плечу. Никогда не приходилось наблюдать, чтобы огонь в очаге заливали: он должен был погаснуть сам.

Согласно этнографически зафиксированным представлениям, сохранившимся до недавнего времени, духи умерших родных посещают свой дом в течение 30 лет после смерти. Считалось, что посещение духов умерших происходит накануне больших мусульманских праздников. Духи требуют почитаний и жертвоприношений. В доме проводилась генеральная уборка, открывались ворота и двери, дабы духи могли беспрепятственно войти в дом, жарили в масле боурсак, считавшийся основной пищей духов. Скорее всего в очажке устанавливались пимеки (палочки, обмотанные тканью, пропитанной маслом), либо воскурялась трава. На какое-то время на очажке могли поставить котел с ритуальным кушаньем для духов предков. Последнее позволяет предположить, что сами очажки, или подпумы, несли определенный смысл. И подражание части очажков порталам каких-то построек неслучайно. Скорее всего здесь заложена общая идея. Портал мог принадлежать мавзолеям, а так как очажок предназначался духам предков, то мастер языком символов (вполне понятных современнику) пытался показать на очажках элементы потустороннего мира (архитектурные или растительные символы). По нашему мнению, композиции на них связаны, с одной стороны, с народными верованиями о духах предков. И декоративное оформление очажков намекает на место их пребывания, т. е. изображает раи (сад или некоторое архитектурное сооружение). С другой стороны очажки есть своеобразное конечное звено развития алтарей огня, культ которых тесно связан, во-первых, с представлениями о духах-предках, во-вторых, с культом плодородия.

С запада и юга суфу обрамляла вымостка из жженой кирпичей. Первоначально ее как бы оконтурирует ряд из кирпичей, составленный тычком, затем кирпичи укладывались вelonкой, причем промежутки между кирпичами заполнены треугольниками, вырезанными из тех же кирпичей (27—29×14—15×14—14 см).

Вдоль западной стены суфы почти на два метра прослежена деревянная труха от балки оюли, плахи. Стена на этом участке имеет уступ во внутрь помещения, обрамленный рядом жженой кирпичей, поставленных на ребро.

Помещение (пом. № 3), расположенное к востоку, представляет собой длинный коридор,

упирающийся в единую для комплекса северную стену. Сложена она из сырца, один ряд которого поставлен на ребро. Ширина коридора 3,3 м, длина 7,1 м.

Стены коридора сырьевые. Западную стену прорезают три более поздних бадраба. Внутренняя грань стены и ремонтное покрытие сделаны из кирпичей, приставленных к стене плашмя.

В северо-восточном углу существовал выход в помещение № 4. В южной части коридора сделан уступ во внутрь помещения шириной 50 см, длиной 65 см. Уровень пола ровный, местами покрыт горелыми пятнами. Восточные помещения имели хозяйственное назначение. Самое южное из них с запада и юга ограничено пахсовой стеной, несет следы обожженности. Ширина помещения 3 м. С севера комнату ограничивают два ряда жженой кирпичей (31×15×4—5 см). Возможно, это часть вымостки расположенного севернее помещения. Уровень пола плотный, гладкий, местами несет следы обгорелости. Здесь сконцентрировано пять мелких и три крупных мусорных ямы. Разделяет это помещение дорожка из жженой кирпичей в два ряда. Возможно, это цоколь несохранившейся поперечной стены. Уровень за дорожкой ровный и несет следы пожара (рис. 15).

С этого участка происходит основное количество керамических находок, в основном фрагменты котлов, горшков, кувшинов. Таким образом, домовладение состояло из центрального помещения (мехмонхону), коридора, соединявшего мехмонхону и подсобные служебные помещения. Подобная планировка характерна для жилых комплексов XI в. в Кашкадарье на Алтын-теле. Как и здесь, там коридор играл объединяющую роль, связывал воедино центральное помещение и подсобно-хозяйственные помещения (Лунина, 1985).

Подобно верхнему комплексу выход на улицу был сделан с юга. Он как бы продолжает линию коридора. В процессе дальнейших раскопок выяснилось, что с востока к центральному помещению примыкал двор. Само центральное помещение № 1 суф не имело, пол был ровный, светло-серый. Вход сделан в юго-восточном углу. Отсюда же извлечен разбитый каменный подпятник. Параллельно входу (как бы продолжая его линию) протянута линия из трех рядов жженой кирпичей. Возможно, это цоколь перегородки утилитарного назначения, чтобы в холодное время года из помещения уходило меньше тепла. В процессе дальнейших работ по всей площади полосы выявился слой разрушений. Причем в восточ-

ной части поверх него произведена засыпка. Толщина слоя более 50 см.

В коридоре вскрыты неровные бугристые уровни с белыми атмосферными вкраплениями. В парадном помещении, почти в центре его, под уровнем пола, вскрыто парное захоронение. Два скелета (взрослый и детский) лежали на одной линии восток-запад (имея небольшое отклонение), но головами в диаметрально противоположные стороны (рис. 18, б). Взрослый выгнут головой на восток, лицом вверх. Правая рука закинута за голову, левая вытянута вдоль тела. Общая длина скелета 148 см. Возможно, это был женский скелет. Зубы стертые. Первый глазной разрушен, во втором — дупло. Нет двух левых мельничных зубов внизу, справа отсутствует один верхний. Скорее всего, это скелет пожилой женщины. Между ног у нее расчищен детский скелет. Кости тонкие, головой на северо-запад, лицом на юго-восток. В горизонтальном положении он лежит под углом в 20°, т. е. как бы полулежа. Общая длина скелета 86 см. Ноги перекрещены. Левая рука опущена на таз и лежит на костях ноги взрослого скелета, правая опущена вниз, согнута в локте и также лежит поверх костей взрослого скелета. Видимо, возраст ребенка 9—12 лет. Скорее всего это результат все той же катастрофы, когда жители не успели покинуть свои дома и погибли под развалинами.

Полоса Г. Она охватывает два домовладения, разделенных пахсовой стеной, протянувшейся с севера на юг почти на 13 м (рис. 15). Оба домовладения вскрыты частично. В одном выявлено помещение прямоугольной (5×6,5 м) формы, стены которого сложены из сырца. В самом углу помещения сохранились остатки росписи, произведенной поверх тонкой штукатурки. Роспись сделана по белому фону тонкими линиями красной и черной краски. Фрагменты очень незначительны. В целом создается впечатление, что это эпиграфический орнамент. Однако буквы разобрать не удалось. В северо-восточном углу помещения выявлен проход шириной 1,16 м.

В целом следует отметить крайне плохую сохранность архитектурных остатков. Здесь, как и в центре раскола П—В, характерна прерывистость уровней. В связи с частыми перестройками толщина культурных напластований очень небольшая, много мусорных ям. Организующим началом служит узкий коридор шириной около 2 м, с востока соединяющийся с тремя помещениями. В центральном сохранились следы вымостки пола жженым кирпичом. А в самом северном вскрыт ташнау в виде закрытого под пол крупного хума, стоявшего на двух кирпичах. В днище

пробито рваное отверстие. Заполнение — земля темно-серого цвета, ниже слой зеленого цвета (комковатой структуры). В нем обнаружено несколько ребер и 88 ашичек. Все они в основном целые, только 10—12 штук сильно повреждены. Несколько штук имели подточенные края. Скорее всего это был игровой набор. Игра в ашички была распространена до недавнего времени. Отсюда же происходит кашинная бусинка округлой формы с рифленой поверхностью. Сверху она напоминает цветок. Здесь же найден фрагмент маленького железного ножика с черешковой ручкой. Он подтреуголен в сечении, с прямой спинкой. Ширина лезвия 1,6 см. К острой лезвие заметно сужается. Длина черешка почти 3 см, на нем сохранились следы деревянной рукоятки. В процессе расчистки стало очевидным, что сосуд поставлен на место более крупного хума, фрагменты которого сохранились по бокам ташнау. В 3 м к югу от ташнау вскрыта мусорная яма диаметром 1,1 м. Заполнение зеленоватого цвета. У самого дна ямы расчищен слой золы толщиной в 3,5 см. На дне выявлен железный наконечник стрелы. Он — плоский, листовидной формы, черешковый. На черешке сохранились следы дерева красного цвета. Длина боевой головки 4 см, черешка 4,3 см. Здесь же расчищен отрезок древка стрелы длиной 15 см и толщиной около 1 см.

В северо-западном углу П—Г зафиксировано небольшое помещение, северная стена которого сложена из пахсы, восточная из сырца. Причем вновь знакомый прием — три ряда кирпичей положены плашмя вперевязку, один поставлен на ребро. Параллельно ей в бровке западной стены прочистили стеночку-перегородку из поставленных на ребро кирпичей. Здесь много кусков обгорелой земли, обломков сырца, угольков и костей. Среди керамики преобладают находки крупных бочков от хумов. Любопытны фрагмент кувшина с резным орнаментом и донце полвного лягана (рис. 19). Здесь же из-под слоя утрамбованной глины, нивелировавшей строительный мусор, обнаружены куски штукатурки, окрашенной в синий и красный цвета. На двух фрагментах видны еще какие-то тонкие линии черной краской. В слое, где встречаются куски пахсы с росписью, много костей, гумусных линз, фрагментов керамики. Сам слой рыхлый, легко рассыпается в пыль. Отсюда же происходит фрагмент медного браслета, ромбовидного в сечении. Много стеклянных изделий, среди них фрагменты баночных сосудов, графина с узким горлом и раструбообразным венчиком, пузырька для благовоний.

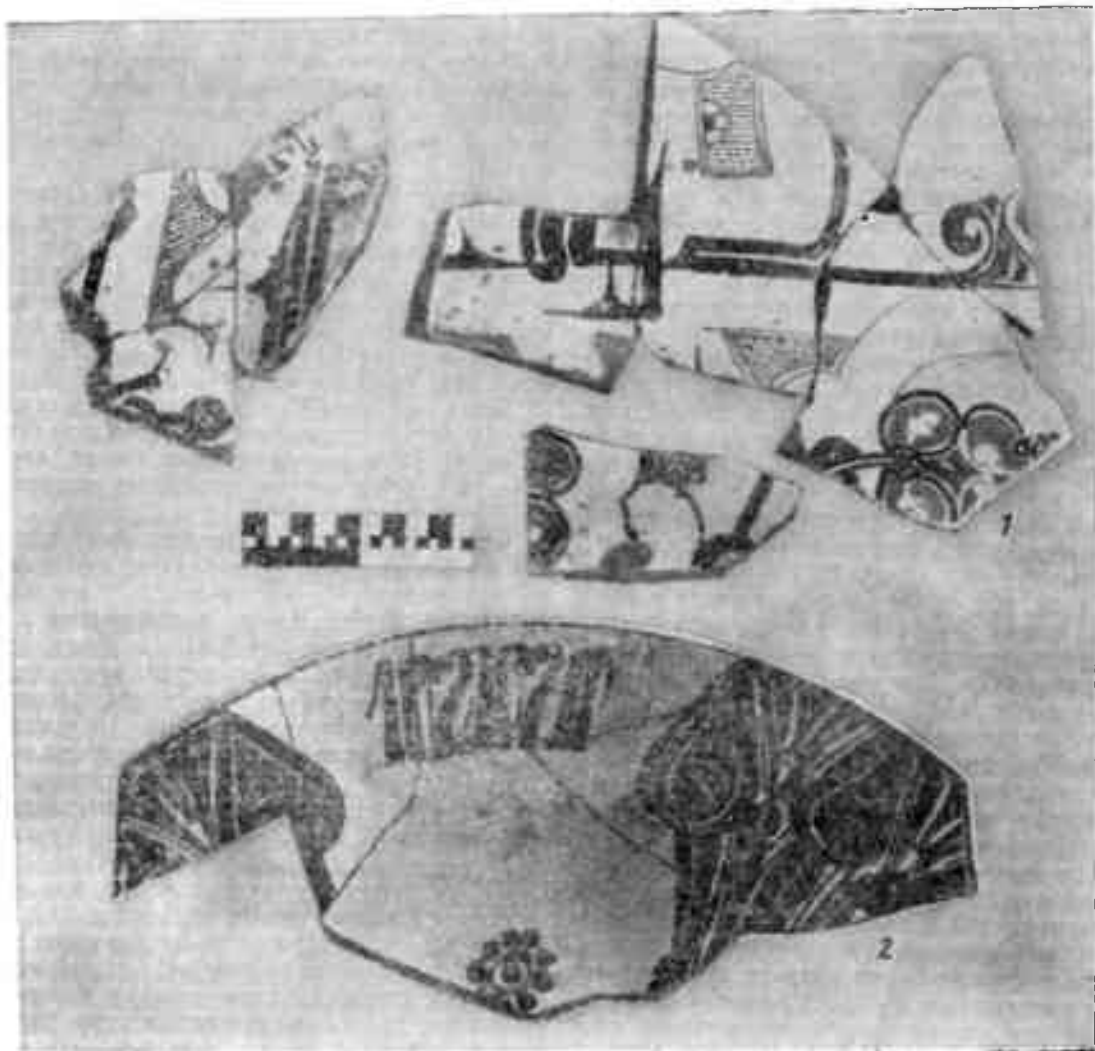

Рис. 19. Канка. Шахристан-I. Раскоп 10. Полливные ляганы XI в.

Основную массу находок второго строительного горизонта составляет керамика. Почти вся она ремесленного производства с характерной стандартностью форм и незначительным колебанием размеров.

Хумы. По форме венчика хумы составляют несколько групп: а) клювовидной формы с добавочной наклепной лентой с зашипами под венчиком; б) подтреугольной формы с широкой плоской площадкой сверху; в) овальной формы, иногда с добавочной наклепной лентой или валиком с зашипами несколько ниже венчика.

Форма тулова вытянутая яйцевидная с четко выделенной горловиной. Встречаются экземпляры с высоким горлом — 8—12 см. Тулово ничем не украшено, лишь в одном

случае по плечикам проходила лента с зашипами.

Тандыры. Эти сосуды лепились от руки ленточным способом или на круге медленного вращения. Тесто, как правило, темно-серое, с большой примесью шамота (или мелких речных камушков) и песка. С внешней и внутренней сторон нанесен ангоб. Причем изнутри стенки украшены неглубоким процарапанным орнаментом в виде пересекающихся линий. Сосуды имели простой подтреугольный венчик (или Т-образный), на который они устанавливались.

Котлы. Представлены большим количеством фрагментов. Всех их можно разделить на две группы. К первой относятся котлы с шаровидным туловом, в свою очередь распа-

дающиеся на два типа. Первый — это сосуды, тесто которых насыщено шамотом и гипсом, отчего черепок получается почти черным (в этом стронтельном горизонте их немного). Характерен сложно профилированный венчик подтреугольной формы острием во внутрь сосуда, на котором часто делается полочка для крышки. На верхней площадке нередко нанесен волнистый орнамент.

Второй тип более многочислен. Черепок рыхлый, грубого промеса с большой примесью шамота или гипса очень мелкого толчения. Сосуды часто несут следы неравномерного распределения пламени. С внешней стороны сосуды обычно облиты ангобной массой или затерты тряпкой, смоченной в жидкой ангобной массе, после обжига получающей желтоватый цвет. На плечики сосуда посажена плоская луновидная (сегментовидная) ручка (подтреугольная в сечении). Обычно их две, реже три.

Венчик, как правило, подтрапещевидной формы, слегка оттянутый наружу. Характерно, что днище, вернее, его коническое завершение, формовалось отдельно на чашевидной подставке.

Вторая группа близка к описанной выше, но зачастую покрыта красной ангобной краской и имеет уплощенное дно.

Дастарханы. Всего найдено 15 больших и малых фрагментов. Все они одного типа, в виде столешницы, на трех ножках. Обратная сторона столешниц украшена штампованным орнаментом. Основной штампа является гертун, образованный отворотом (побегом) виноградного листа или круга с отходящими от него короткими листами. Рабочая сторона дастарханов ангобирована и залощена до блеска, местами на ней хорошо видны следы порезов. Видимо, из-за своих крупных и правильных размеров дастарханы часто использовались вторично в вымостке пола или облицовке очагов и очажков, поэтому многие фрагменты закончены.

Кувшины. Представлены большим количеством фрагментов, сильно различающихся в размерах — от 8—10 до 70 см. Крупные кувшины, как правило, яйцевидной, вытянутой формы с покатыми плечиками. Среди них преобладают кувшины с высокой горловиной, основание которой оформлено в виде одной-двух ступенек. Черепок в изломе кирпично-красный или розоватый (реже желтый).

В качестве отощителя использовались тонкие примеси, мелкотолченный гипс и песок. Ангоб светлого цвета. Орнамент в виде простых процарапанных (концентрических) или волнистых линий, сделанных восьми- или двенадцатизубчатой гребенкой. Основание гор-

лышка также украшалось такой линией, а ее сплошное нанесение на верхнюю часть горловины создавало иллюзию богатого декора. Венчик, как правило, подтрапещевидный или прямой, реже подтреугольный, загнутый вовнутрь.

В верхней закраине горловины (реже в средней части горла) крепилась толстая массивная пластинчатая ручка. Иногда эту орнаментацию дополняли мазки (или крупные перлы), сделанные красно-коричневой краской. Кувшины подобного типа широко встречаются в слоях XI—XII вв., причем появляются они, судя по материалам самой Канки, не ранее середины XI в. К концу XII в. характерной чертой становится крупная пластинчатая ручка и рельефно украшенная горловина при почти полном отсутствии орнамента на тулове сосуда.

Кувшины средних размеров. Они двух видов по форме тулова — вытянутой яйцевидной и приплюснутой шаровидной. Характерно выделение днища сосуда специальным валиком или просто уступом. Само днище плоское (срезанное ниткой), зачастую покрывалось светло-серым ангобом, хотя часто ангобное покрытие отсутствовало.

Орнамент наносился либо по плечикам и горловине, либо в основании горловины. Ручка, как правило, одна — ленточного типа, реже овальная с желобком по верху (рис. 20, 3, 4).

По типу горла можно выделить два варианта: с широким горлом, высотой 8—12 см и диаметром примерно равным диаметру днища. Подвариантом являются два фрагментированных сосуда, где на покатые плечики в основании горловины посажена пара маленьких петлевидных ручек. Эти кувшины, видимо, пережиток, характерный для керамических комплексов X—XI вв.

Второй вариант — кувшины с узким горлом, венчик либо простой прямой, либо подтрапещевидный, слегка отогнутый наружу. Например, кувшин высотой 14,5 см, с призматическим, шаровидным, чуть раздутым туловом. Горловина высокая, широкая, по диаметру примерно соответствует диаметру донца. Днище плоское, со следами срезки его ниткой. Донце специально выделено валиком. Черепок в изломе коричневатого цвета, плотный, отмучка средняя, обжиг нормальный. Сосуд не ангобирован. По плечикам сосуда нанесен ряд волнообразных линий. Помимо этого, между плечиками и основанием горловины красной краской нанесены крупные перлы, ниже плечиков проведены вертикальные линии. Сама горловина также украшена волнистой линией, проведенной 10-зубчатой гребенкой. От

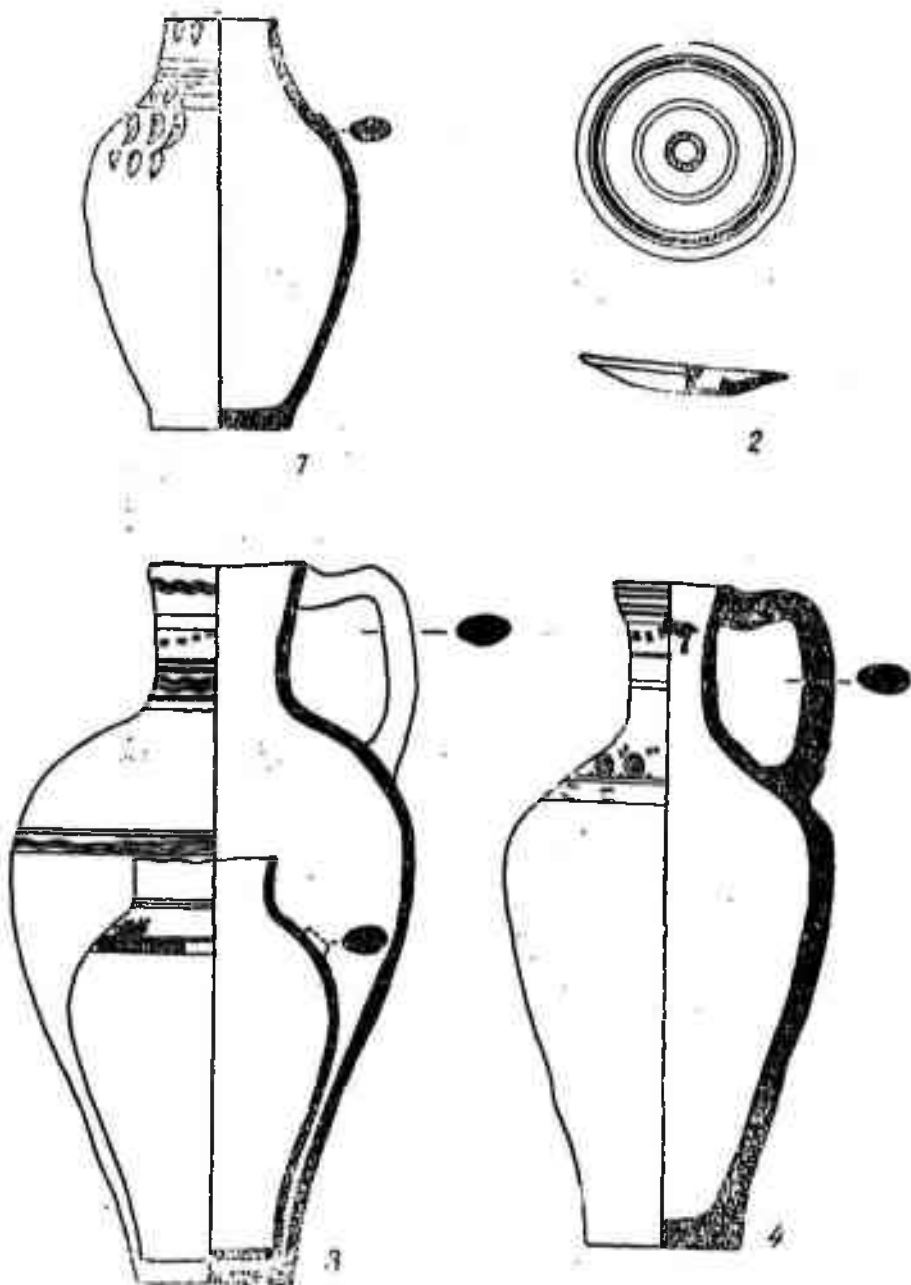

Рис. 20. Канка. Шахристан-I. Раскоп 10. Керамика середины XI в

горловины на тулово опущена не сохранившаяся ручка.

В другом случае кувшины высотой 21 см, с широким горлом. Яйцевидная форма тулова вытянута к специально выделенному валиком донцу. Диаметр донца 7,4 см, наибольший диаметр тулова 14,2 см. Черепок в изломе коричневатый, плотный, тесто с примесью гипсовых добавок, обжиг нормальный. С внешней стороны сосуд покрыт светло-бежевым

ангобом. С горловины на плечики сосуда опущена ручка. Плечики сосуда украшены процарапанным волнистым орнаментом.

Особую группу составляют сосуды, занимающие как бы промежуточное положение между кувшинами и горшками. Это горшководные сосуды, высота их 18—35 см, диаметр горловины 14—18 см. Венчик, как правило, простой, овальный, отогнутый наружу либо подтрапециевидный. Интересна сама форма

сосудов этой группы: широкие плечики и усеченная коническая нижняя часть. Черепок в изломе кирпично-красный или розоватый. Тесто с мелкой примесью гипса и тонкого речного песка. С внешней стороны эти сосуды покрыты плотной темно-коричневой краской, мазки и потеки которой заходят во внутрь сосуда. Любопытна орнаментация — это чаще всего налепной тонкий валик с защипами по венчику и поясok из Z-образной и S-образной фигуры, видимо, восходящей в своей символике к бараньим рогам, т. е. к изображению фарна в виде барана. Этот знак является оберегом-апотропесом и талисманом еще с сакского времени, с одной стороны, приносящим богатство, с другой — оберегающим его владельца от злых духов. Кстати, сохранялся этот символ и позже, как в ювелирном, так и в других видах прикладного искусства.

Мелкие кувшины. Как и крупные кувшины, они образуют две группы. Отметим несколько общих для них деталей. Первое — высота не превышает 12 см, наибольший диаметр 8—9 см. Черепок в изломе, как правило, желтый или коричневато-желтый. Некоторые сосуды покрыты светлым ангобом. Орнаментация — простые, процарапанные линии либо насечки. В одном случае поверхность сосуда украшена мазками красной краски.

Кувшинчик высотой 9 см при наибольшем диаметре тулова 8,5 см, диаметр дна 5 см. Тулово приземистое, напоминает усеченный конус с высоким раструбообразным горлом диаметром 6 см. Черепок в изломе коричневато-желтый. Сосуд неангобирован. От плечиков к средней части тулова посажена овальная в сечении ручка. Изогнутая «вопросом» спинка ручки возвышается над венчиком. Основание горловины украшено поясом из косых насечек, плечики — своеобразным рифлением. Первоначально округлым, цилиндрическим предметом (палкой или ручкой ножа) на ребро плечиков нанесены вдавления. Затем на каждом бугорке между овальными отпечатками сделали по паре вертикальных насечек. Получился своеобразный рифленый пояс, где каждое рифление отделялось насечками. Сосудик явно имитировал металлическую посуду.

Сфероконусы. Эта группа керамики представлена большим количеством фрагментов и двумя целыми сосудами. Они разных размеров, но высота сосудов колеблется в небольших пределах — от 11 до 13 см. Наибольший диаметр тулова 11—12 см. Сам сосуд луковичной формы. Одним из вариантов техники изготовления было применение специальной подставки. Стенки вытягивались в полусферу, потом завершавшуюся конусом. А в основа-

нии протыкалось отверстие, превращавшееся в горлышко. Черепок в изломе темно-серый или серо-зеленоватый. Примеси не видны. В результате клинкерного обжига произошла полная спекаемость массы черепка, отчего он приобрел камнеподобное свойство. Ангобирование не применялось. По плечикам сосуда, как правило, наносился простой процарапанный орнамент, реже оттиски небольших штампов. Характерно, что иногда на плечики сосудов дополнительно лепились вертикально расположенные ленты — валики. Был ли этот прием одновременно и хронологической даталью — судить пока трудно. По крайней мере у многих ранних сфероконусов валиков нет, и размеры их небольшие. А для более поздних характерны большие размеры (высота увеличивается до 15 см, наибольший диаметр тулова 14 см). В результате воздействия сильных температур многие из них деформировались. Зачастую их использовали вторично, причем в качестве ... обычных булыжников: ими укрепляли основания стен или применяли для вымостки пола.

Рассмотрим два целых сосуда. Небольшой сфероконовый сосуд луковичной формы, высотой 11,5 см. Наибольший диаметр тулова 9,5 см. Черепок в изломе серо-зеленый. Примеси не видны. При обжиге сосуд получил деформацию. Любопытна одна деталь — с одной стороны сосуд немного смят, так как здесь на уровне плечиков сделана вертикальная заплатка. Видимо, при нанесении орнамента часть стенки лопнула, трещину замазали. Вся эта операция безусловно производилась до обжига, так как и заплатка и сам сосуд одинакового цвета. На плечиках сосуда через равные промежутки заметны пять оттисков каплевидного штампа. Внутри последнего вписана сердцевидная фигура, в центре основания которой выбит треугольник острием вверх. В поле под фигурой еще один треугольник.

Вторая группа представлена крупным сфероконусом высотой 15 см, наибольший диаметр тулова 13,5 см. Черепок в изломе зелено-серый, при клинкерном обжиге он полностью спекся. Диаметр отверстия горла 0,9 см. Верхняя часть сосуда богато декорирована. Поверхность симобкузачи (от основания горлышка до середины тулова) разделена на три сектора налепным валиком, также украшенным вертикально прочерченной полосой, оставленной четырехзубчатой гребенкой. Кольцом, прочерченным этой же гребенкой, украшено основание горлышка. Между валиками нанесен крупный треугольник (основанием к горлышку). В свою очередь между валиком и его прямыми линиями об-

разуеться ограниченное пространство, в котором сделано по одному оттиску круглого штампа. В круге последнего вписана восьми-лепестковая розетка, в центре каждого маленького лепестка еще одна маленькая каплевидная фигура — зернышко(?). В целом же складывается впечатление, что весь сосуд изображает бутон цветка или плод. Отметим, что из обнаруженных около 20 фрагментов симбокузачей лишь на пяти были наклепные ребра-валики.

Крышки. Все они фрагментированы, но можно выделить три типа: плоские, вогнутые, выпуклые. На всех есть стерженек — ручка с грибовидным навершием. Диаметр колеблется от 16 до 30 см. Последние размеры касаются только плоских крышек, так как диаметр вогнутых и выпуклых обычно колеблется в небольших пределах — от 16 до 22 см. Нижняя часть диска вогнутых и выпуклых крышек формовалась на песчаной подсыпке. Плоские же следов песчаной подсыпки не имеют.

Плоские крышки. Диаметр их от 18 до 30 см, причем в последнем случае они могли использоваться как крышки для хумов и котлов. Черепок коричневатокрасный, рыхлый, тесто с большой примесью дресвы. Украшались светлым ангобом. Вдоль края крышки проходит бортик шириной 1,5—2,5 см. В одном случае бортик украшен своеобразными косыми линиями — оттисками восьмизубчатой гребенки.

Вогнутые крышки. Диаметр 18—22 см. Черепок в изломе кирпично-красный, плотный, тесто с примесью шамота или мелкого песка. Украшены светло-серым ангобом. Орнаментация отсутствует (рис. 20, 2).

Выпуклые крышки. Общая их высота вместе с ручкой достигает 8—10 см. Видимо, столь специфическую форму они приобрели в результате использования специальной подушки (она могла быть из дерева, кожи или грубой ткани), верхняя поверхность диска которой обильно посыпалась песком. Остатки этой песчаной подсыпки остались на нижней стороне крышки. Черепок красного, реже желтого цвета, тесто с большой примесью шамота и гипса. Ангоб светлый. Орнамент простой, прокрапанный шести- или восьмизубчатой гребенкой в виде прямых и волнистых линий. Характерны пояски из отдельных косых линий — оттисков этой гребенки. Иногда поверх этой орнаментации наносили еще мазки красно-коричневой краски, сделанные кисточкой или пальцем(?), видимо, преследовавшие определенную цель — магическим способом увеличить содержимое сосуда.

Остановимся на сосуде, как бы продолжающем кауничинские традиции в керамиче-

ских комплексах с середины XI до XII в. Это сравнительно небольшой сосуд с шаровидным туловом и уплощенным дном диаметром около 4 см. Диаметр венчика (устья) 8,6 см при наибольшем диаметре тулова 12 и общей высоте 8,2 см. Венчик прямой, овальный в сечении. Черепок коричневатокрасный, ангобное покрытие отсутствует. С внешней стороны сосуд тщательно затерт. В результате использования стенки сосуда закончены почти до венчика. К тулову приделана маленькая ленточная ручка шириной 2,8 см. Место ее крепления оформлено широкой плоской площадкой (отчего общий вид ручки стал Т-образной формы). Под углом в 90° с другой стороны сосуда приделан прямой слив длиной 5 см, диаметр отверстия 1,2 см. Почти сразу же от места крепления верхняя часть капала слива срезана. Скорее всего он имитирует медный сосуд, на что указывает подбор окраски цвета черепка, ленточная ручка, характерная для металлической посуды. Видимо, сосуд использовался для подогрева какой-то жидкости и как понильник.

ШАХРИСТАН-I. РАСКОП 10 [храмовый комплекс]

Под караханидской застройкой раскрыты остатки монументального сооружения, сложенного из крупноформатного кирпича-сырца прямоугольного стандарта, сыгравшего важную роль в формировании облика северо-восточной части шахристана-I.

Вскрытое здание, вероятно, имело квадратный план (рис. 21, 2). Сохранилась лишь часть его размером 14,25×11 м. Стены сложены из кирпича 46—48×24—25×12—14 см, 48—50×48—50×12—14, 46—50×24—25×12—14 см. Местами они сохранились на высоту 3—4,5 м, толщина стен 2,9 м. Поверхность стены обмазывалась саманной штукатуркой (толщиной 2—2,5 см). Все стены разделены вертикальными нишами шириной 35—50 см, вырубленными в глади стены. В заполнении деревянная труха. При расчистке заполнения сооружения к югу и юго-востоку от стен на расстоянии до 7,8 м от них вскрыт мощный завал сырца, отмеченного выше стандарта, и жженого кирпича трех типов: 1) прямоугольный размером 52—40×26—20×8—6 см; 2) длинные узкие кирпичи 42—40×12×6—8, 25—30×12×6 см, получавшиеся при делении обычных прямоугольных кирпичей на две узкие половинки. Их, видимо, использовали в вертикальном положении, и в верхней части на них что-то дополнительно устанавливалось (например, треугольник отбитого кирпича, создавший иллюзию стрелы); 3) фигурный кирпич: а) кирпичи в виде разомкнутого угла

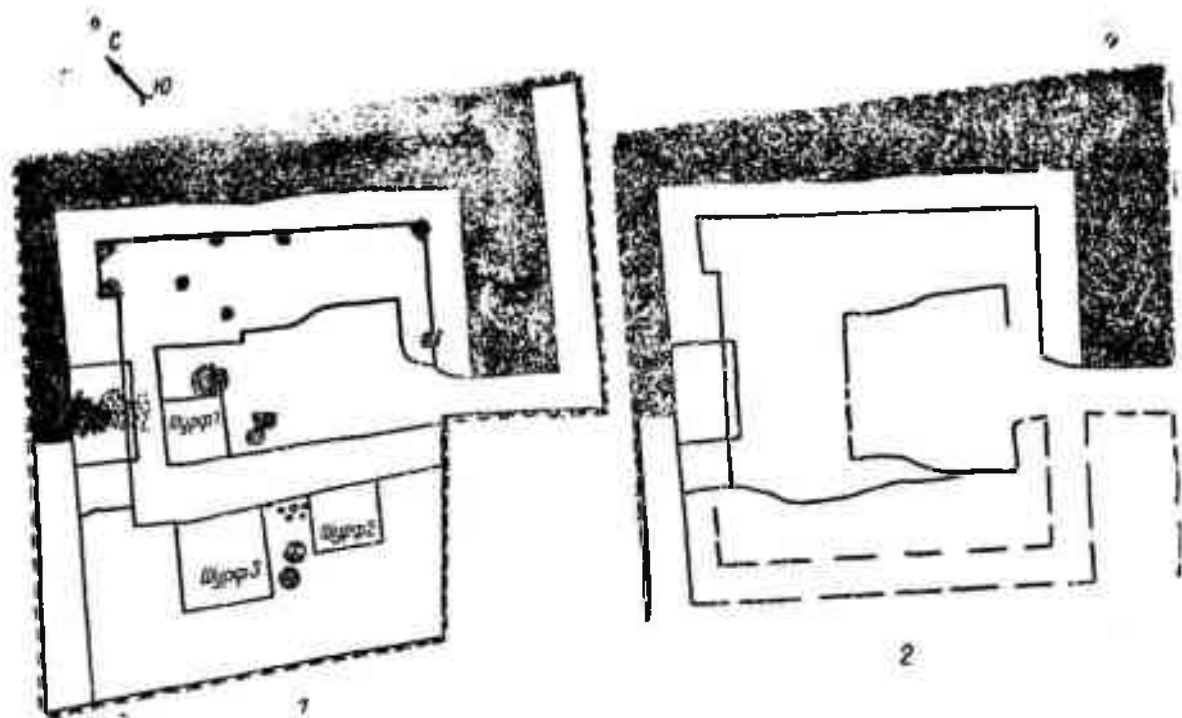

Рис. 21. Канка. Шахристан-1. Раскол 10. План и разрез храма.

с зубцами внутрь и вписанным между ними кругом; б) кирпич в виде прямого угла, с одной прямой стороной и двумя зубцами с другой. Складывается впечатление, что оба этих варианта получали в подквадратной форме. Для этого еще в форме, до покрытия их с одной стороны светлым ангобом, палочкой вырезали сложную фигуру в виде зубцов и подковы. Затем их разъединяли и после обжига использовали при оформлении верхушки стен.

Местами кирпичи лежали стопками, как в кладке. В то же время в завале много обломков сломанного жженого кирпича и ганча. Последний двух типов, белый и серый, толщиной 2—5 см. Причем серый ганч часто содержит мелкие камешки. Внешние грани фрагментов шершавые, резьбы или росписи не несут. Видимо, белый ганч использовали в качестве декоративного материала, а серый как связующий, цементирующий раствор. Доказательством этому служат находки кирпичей, постельная поверхность которых покрыта ганчем аналогичной толщины. Все эти материалы позволяют реконструировать кладку стены монументального сооружения следующим образом.

В сырцевой глади стены вырубали вертикальные ниши, в которые вставляли деревян-

ные стойки, армировавшие стену. Затем нишу обмазывали и штукатурили вместе со всей гладью стены. Высота деревянных стоек была различной, и устанавливали их не через одинаковое расстояние. Точное соотношение установить не удастся, так как стены сохранились фрагментарно. Выявленная высота стоек 2,5—3 м; установлены они через промежутки 1,8 м, 2,8, 2,9, 3 м (рис. 22). В то же время отмечается такая закономерность — высота вставленной в стену балки равна расстоянию между этой и следующей «нишей». Высота самой крайней западной балки 2,8 м, что соответствует расстоянию до следующей восточной «ниши». Или если взять следующую «нишу» — высота ее балки от вершины до основания 2,85 м. Это соответствует расстоянию до следующей «ниши». Видимо, функция балок, вставленных в уже построенную стену, заключалась в том, чтобы облегчить края высокой и мощной стены, более равномерно распределить нагрузку верхушки стен, сложенной из жженных кирпичей. Судя по длине вывалов, стены здания были, видимо, высотой 7—8 м. Отдельные участки их вывалились рядами с севера на юг, а от юго-западной стены на юго-восток. Местами сохранившиеся стены вспучены в результате сильного землетрясения, толчки которого были направлены

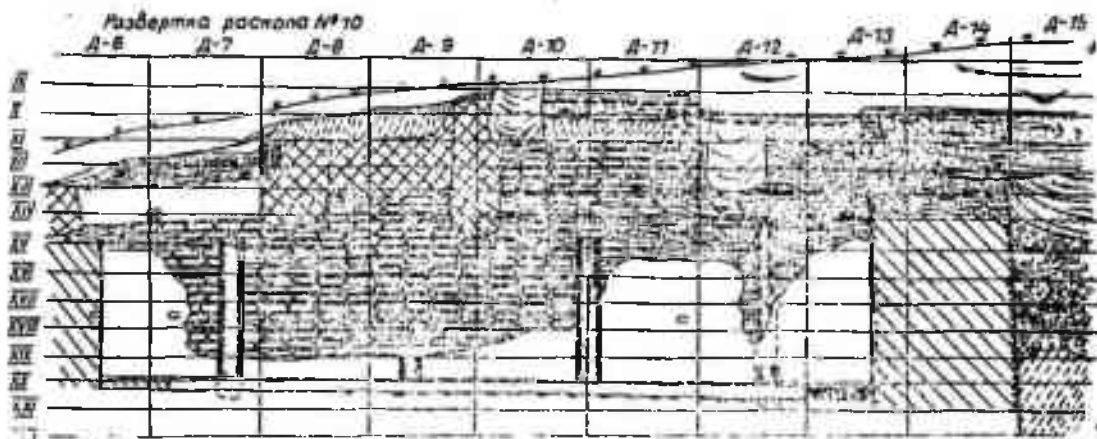

Рис. 22. Канка. Шахристан-I. Раскоп 10. Развертка стен храма.

с северо-запада на юго-восток. Следы крупного землетрясения прослежены на Канке в различных частях города-цитадели, шахристане-III и датируются периодом раннего средневековья. (VI — начала VII в. н. э.) (Буряков, 1985, с. 41—43; Буряков, 1988, с. 20—21). Вероятно, строители данного монументального комплекса учитывали опасность подобных стихийных явлений. Попыткой предохранения от них и явилось армирование стен.

Внутри здания по всему периметру стен были возведены суфы, высотой 20 см и шириной 1,2 м. В центре северной стены, видимо, прямо напротив входа, устроена суфа-эстрада, трехступенчатая в плане и двухступенчатая по вертикали (рис. 23, а). Длина ее 3,35 м, ширина верхней ступени 1,7, а нижней 0,4 м. Верхняя площадка суфы-эстрады обгорела до красного цвета. Обожжены ее центр и часть нижней ступени. Суфы зала покрыты хрупкой зеленовато-серой штукатуркой. Местами этой штукатуркой обмазана нижняя часть стен на высоту 5—7 см. Суфы явно не бытового назначения, так как штукатурка чрезвычайно хрупка. На суфах и полу найдено множество керамических фрагментов. Здесь же обнаружены фрагменты росписи резьбы по глине и просто окрашенные куски штукатурки.

Характерная особенность всех этих фрагментов — нанесение на светлую, зеленоватого цвета штукатурку (толщиной до 2 см) еще слоя с большой примесью песка, толщиной 1 см, отчего его цвет приобретает коричневый оттенок.

По этому слою производилась резьба или окраска. Глубина резьбы 0,3—0,5 см, однако рисунок ее очень фрагментирован; лишь в отдельных случаях удалось выделить какие-то мотивы, например, бутон цветка. Окраска

глины производилась в основном четырех цветов — красный (охристый), синий, темно-коричневый (почти черный) и желтый. Широкое применение глиняного рельефного декора характерно для раннесредневекового периода. В. А. Ильинский считает, что в V—VIII вв. рельеф

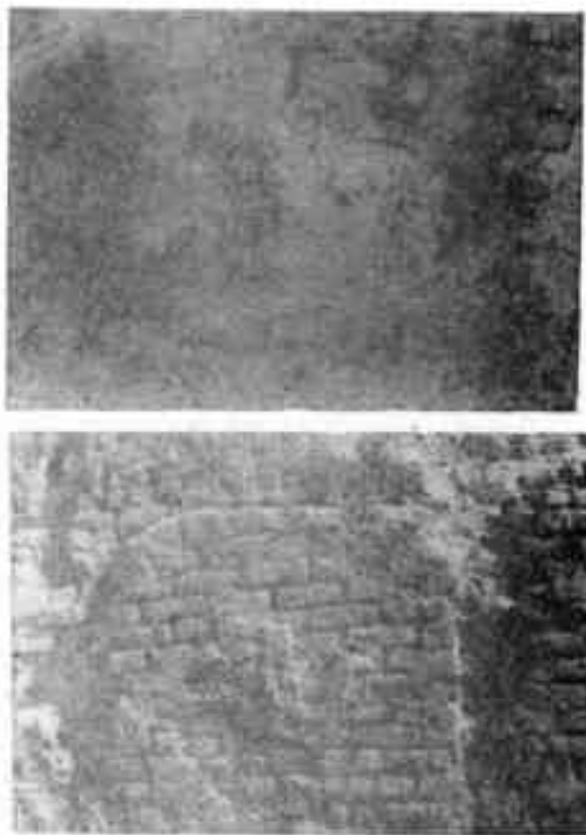

Рис. 23. Канка. Шахристан-I. Раскоп 10. Храм: 1 — вид с юго-востока; 2 — лепнина на стене.

ефы из сырой необожженной глины были больше распространены, чем терракотовые облопки; из несделанных декоративные колонки, профилированные детали, орнаментальные фризы, архивольты над нишами (Нильсен, 1966, с. 314). В качестве прямого аналога можно привести рельефный фриз из необожженной глины со стилизовано-растительным орнаментом, украшавшим верхнюю часть стен в одном из помещений замка Актепе под Ташкентом (Воронина, 1948, с. 143), фриз из Тешик-Калы в Хорезме (Толстов, 1948, с. 139—141, табл. 40—41). Резьба по глине зафиксирована на Таллисартепе близ Карши (Кочнев, 1973, с. 137). Значит, резная глина с эпохи раннего средневековья становится одним из любимых видов декоративного оформления. Как отмечает С. Б. Лунина, резная глина несомненно лежит в основе развития резной терракоты, но даже с распространением последней она не исчезает, а продолжает собственную линию развития (Лунина, 1978, с. 211).

Самая штукатурка стен зала иногда тщательно отглаживалась и покрывалась краской. На стенах в восточной части комплекса зафиксированы куски штукатурки с красной и черной красками на высоте до 2 м. В северо-восточном углу обнаружен круг диаметром 20 см, нарисованный красной краской (рис. 23, б).

В завале найдены куски росписи иного типа. На зеленоватом тонком слое глины, поверхность заглаженной, выписан желтый фон с нанесенными на него крупными черными перлами. На другом фрагменте по черному фону мелкие белые точки образуют какую-то круглую фигуру. На суфе-эстраде близ стены расчищены крупные куски лепнины, окрашенной в красный цвет в виде языков пламени.

Пол зала имеет заметный уклон к югу. Сам пол плотный, хорошо утрамбованный. Дважды его уровень обмазывали серовато-зеленой глиной. Ниже на 10 см выявлен еще один уровень пола, покрытый белой ганчевой крошкой (местами толщиной до 2 см). Первый уровень пола обилен различными находками. Обычно они группировались вокруг зольного пятна, кострища. Такие кострища располагались в центре зала, вдоль суф, на углах суф. В восточном углу лежали три астрагала и тонкая птичья коготочка с отверстиями для подвешивания. Западнее — еще одно скопление. Здесь жженный и сырцовый кирпич упали на кострище и погребли тлеющую кучку зерен и плодов, находившихся в донце крупного горшка. Под этой кучкой и вокруг нее обнаружены пряслица, бронзовый стержень и дуж-

ки от ссережек, стеклянная вставка и очень мелкая бусинка из нефрита. Рядом лежал стержень с надетой на него сердоликовой бусинкой. Из этого же кострища происходят два железных черешковых наконечника стрел. Железо сильно окислилось и расслоилось.

С этого пола происходят две медные монеты. Одна — древнечакского чекана с портретом правителя на лицевой стороне, тамгой и надписью на оборотной. На нижнем полу найдена медная китайская монета с отверстием и надписью «у-ши». Следует отметить еще одно обстоятельство. В стенах, помимо вертикальных «ниш» для столбов, были расчищены округлые горизонтальные углубления, расположенные на одинаковой (1,4 м от уровня пола) высоте. Ширина этих углублений 15—20 см. Расстояние между ними также примерно одинаковое. Так, в восточном углу расстояние от одного углубления до другого на восточной и северной стене одинаково — по 1,25 м. В углах они располагались по три, еще два расчищено в массиве северной стены. Глубина их 50—65 см. По-видимому,

Рис. 24. Канка. Шахристан-1. Раскоп 10. Зерна пшеницы.

эти горизонтальные углубления — остатки от деревянных пробок, куда под определенным углом вставлялись более тонкие балки навеса-айвана. Верхние части их могли крепиться к другим горизонтальным балочкам, расположенным выше по стене. Не исключено, что в особые дни между такими балочками натягивалась яркая ткань, как бы обтягивавшая стены до кладки из жженных кирпичей.

К востоку, видимо, располагался крупный двор. Но внешняя грань восточной стены за-

ла несет следы такого же членения на вертикальные пишки. Края стены покрыты темноватым загаром с белыми вкраплениями, обстоятельности, указывающие на то, что этот фасад был открыт атмосферным осадкам. Кроме того, стена несет следы замытости, отсутствует штукатурка, хотя в завале встречены фрагменты с раскраской и резьбой по глине. Однако здесь раскраска производилась по тонкому слою белого ганча.

Вертикальные пишки устроены чаще, через 95 см, но ширина их 22—30 см. На большом участке в северной части стены их нет. Отсутствуют суфы вдоль стен. Здесь также рассчитано два уровня пола. Можно предположить, что эта часть комплекса продолжала функционировать и после заброса парадной залы.

Находки. На полах комплекса в первую очередь следует отметить обнаружение в костьрищах и рядом с ними зерна, семян, косточек плодов. Большинство из них зерна пшеницы — мелкие удлиненные, зерна гороха — округлые крупные, семена проса, хлопчатника — тоже округлые, многие из них не отделены от ваты. Встречаются зерна сорняков, солома стеблей пшеницы (рис. 24). Реже встречаются косточки персика и фисташки. Вместе с зерном обязательно встречается ткань. Можно выделить несколько видов плетения. Первый — редкое плетение, нить толстая, напоминает мешковину. Вторым — плетение более частое, клетка мельче. И, наконец, третий — плотное плетение, нить тонкая, ткань шелковая. Наиболее многочисленный материал — керамика. Целых сосудов выявлено немного, в основном это керамический бой. Лепной посуды мало. Преобладают сосуды, изготовленные на гончарном круге.

Хумы. Сосуды тщательно обработаны. Глина хорошо отмучена, черепок в изломе, как правило, красноватого цвета, реже коричневато-красного. Обжиг ровный.

Снаружи сосуды покрыты светлым ангобом. Диаметр устья колеблется от 26 до 39 см. Все они грушевидной формы с плохо выраженной шейкой при переходе к горловине. Профили венчиков разнообразных типов; наиболее характерна трапецевидная форма, реже клювовидная; для всех типично оформление широкой внешней стороны венчика желобком. Диаметр донца 26—32 см. Почти все несут следы песчаной подсыпки. Часть сосудов украшена потеками красно-коричневой краски. Иногда на плечики сосудов сажали маленькую скобообразную (реже полуовальной формы) ручку, имевшую скорее рудиментарное назначение. Под ручки сосудов наносили тамгообразный знак в виде дуги с двумя опу-

щенными вниз прямыми. В Ташкентском оазисе такие хумы характерны для Каунчи-III. За пределами оазиса сосуды подобной формы известны по раскопкам в Беркуткалинском оазисе (VII—VIII вв.) (Неразик, 1959, с. 137, рис. 3), в Исфаре (VI—VIII вв.) (Давидович, 1955, с. 167, рис. 23), в Чильхужре (VI—VIII вв.) (Пулатов, 1975, с. 42—49, рис. 29).

Чрезвычайно близки материалы верхнего строительного горизонта Актобе-2 (Левина, 1968, с. 40—42, рис. 16; с. 44, рис. 17). Это прежде всего слабо выраженная шейка, трапецевидность или клювовидность венчиков, наличие песчаной подсыпки при формовке днищ сосудов, украшение их потеками. Хумы — одна из консервативных форм керамики, отличающаяся устойчивостью на продолжительные периоды времени. Однако аналогии с другими материалами городища, близость комплексов с Актобе-2 и Шаушукмтобе, которые исследователи датируют IV в. (Левина, 1968, с. 71), позволяют отнести эту группу керамики к V—самому началу VI в.

Тагора. Обнаружены фрагменты двух сосудов. Один из них в форме усеченного конуса с отогнутым наружу подтреугольным венчиком. Покрывает светлым ангобом. Диаметр венчика 34 см. Второй — более округлой формы с прямым венчиком и уступом под ним. Сосуд не ангобирован, но тщательно затерт. Диаметр устья 30 см. По венчику и тулову два перекрещивающихся мазка краски.

Близок ему по типу сосуд из Актобе-2 (диаметр 30 см, высота 14 см), датируемый первыми веками нашей эры (Левина, 1968, с. 51, рис. 81).

Кувшины. Эта форма представлена несколькими почти целыми экземплярами и большим количеством фрагментов. Черепок желтоватого или розоватого цвета. В качестве примеси использовались добавки шамота и мелкий песок. Тулово яйцевидной формы с невысоким горлом и подтреугольным в сечении, похожим на манжет венчиком. Характерны воронкообразные горлышки и эйнохоевидные сливы. К венчику с противоположной стороны от слива прикреплялась скобообразная ручка, плоская или овальная в сечении.

Большую часть этой группы составляли кувшины без рожков-сливов. Тулово сосуда яйцевидной формы с плоским дном, в два раза превышавшим диаметр венчика. На нижней части донца видны следы песчаной подсыпки. Горловина (диаметр 9—12 см) относительно высокая и широкая, двух типов — воронкообразной и овальной формы — с едва намеченным носиком. Ручка, плоская или круглая в сечении, опущена с венчика сосуда

Рис. 25. Кашка. Шахристан-I. Раскоп 10. Отдельные находки керамики.

или с середины горловины. Небольшой процент составляют витые ручки, сплетенные из двух (в одном случае из трех) полос глины. Плоская внешняя сторона скобообразных ручек иногда покрывалась насечками или скобообразными вдавлениями.

Часть сосудов покрыта светлым ангобом, единичны случаи красного ангоба. Чаще всего сосуды украшали процарапанным волнистым орнаментом, сделанным шести- или восьмизубчатой гребенкой и поясом из косых на-

сечек-стисков этой гребенки. Реже рисовали геометрические фигуры (рис. 25).

Кувшины с воронкообразным горлом и рожком-сливом широко представлены в материалах V—VIII вв. (Негматов, 1966, с. 172; Бентович, 1953, с. 137, табл. IX, XIV). Встречаются они и в более ранний период. Так, сосуд из Уртакургона датируется IV—VI вв. (Негматов, с. 45, рис. 27—28). Однако в отличие от канкинской у них шарообразное тулово и посаженный почти вертикально слив.

Особо отметим группу сосудов с эйнхоевидным горлом. Венчик плавной формы, верхняя его часть подрезана ровно. Диаметр устья 7—10 см. К венчику крепилась скобообразная пластинчатая ручка, нижний конец которой опускался на плечики. Сверху внешняя сторона ручки украшена скобообразными вдавлениями. В другом случае такая же ручка украшена обычными насечками, сделанными острым предметом. В Средней Азии и сопредельной территории сосуды с эйнхоевидным венчиком появляются в первые века нашей эры и бытуют вплоть до VIII—IX вв. В Согде, на Тали-Барзу, сосуды этого типа обнаружены в слое I—IV вв. н. э. (ТБ-III) (Григорьев, 1940, с. 101, рис. 66; Тереножкин, 1950).

В нижних слоях Пянджикента найдены сосуды типа эйнхои с различными формами тулова, относящиеся к V—VI вв. (Маршак, 1957, с. 94, рис. 2). В Беграме такие сосуды датируются II—III вв. н. э. С этого же времени они появляются в Мерве и бытуют вплоть до VII—VIII вв. (Рутковская, 1962, с. 78, 80, рис. 11). В Халчаяне и Хайрабадтепе эти сосуды датируются III—IV вв. (Пугаченкова, 1966, с. 85, рис. 55), а на Балалыктепе — V—VI вв. (Альбаум, 1960, с. 42, рис. 28.)

Отметим наличие двух фрагментированных сосудов, горлышки которых покрыты неглубоким рифлением. Эти сосуды напоминают джетыасарскую керамику, но по тесту и технике нанесения рифления асарский керамический комплекс отличается от нашего.

Близки к нашей группе кувшины из нижнего слоя Шаушукумтобе и верхнего слоя Актобе-2 (Левина, 1971, с. 47, рис. 19; с. 50, рис. 20). Одна из особенностей Чардаранской керамики — обильное украшение потеками краски. В нашем материале сосуды с такими потеками составляют не более трети. Все это указывает на единство керамики земледельческого и скотоводческого круга культур Сырдарьи. Почти аналогичен кувшин с грушевидным туловом на плоском поддоне и воронкообразным горлом из Агалыксайского кургана № 6, датируемый II—IV вв. н. э. (Обельченко, 1972, с. 70, 69, рис. 6). Сходный комплекс был получен на Канке К. Абдуллаевым, который на основании данных Л. М. Левиной считал его характерным для многих памятников Чача и датировал IV—V вв. (Абдуллаев, 1975, с. 148, рис. 7, 83—84, 86). Аналогичные сосуды, особенно кувшины с витой ручкой, Л. М. Левина относит к Каунчи-III (к V—VI вв.) (Левина, 1971, с. 186), хотя находки подобных сосудов в погребениях «Джунской

культуры» позволяют опустить нижнюю границу их бытования до III—IV вв.

Горшки (рис. 26). Сосуды этого типа представлены многочисленными фрагментами и целыми экземплярами. Формы их отличаются стандартностью. Высота сосудов 21—22 см, диаметр горловны 18—20, плоского донца 15—18 см. На донце обычны следы песчаной подсыпки. Тулово округлой, слегка приземистой формы. Венчик слегка заостренный или закругленный, чуть отогнутый наружу. Черенок розового или коричнево-красного цвета. Тесто с примесью мелкого песка. Почти все сосуды покрыты светлым ангобом. Орнамент простой, процарапанный в виде прямых и волнистых линий, нанесенных шести- или восьмизубчатой гребенкой. Пояски с этими линиями сочетались с насечками гребенки и небольшими вдавлениями палочкой. Нередко волнистые линии образовывали какие-то геометрические фигуры. Иногда в полосе орнамента вплетался тамгообразный знак. В двух случаях это был круг, по одному — косой крест и круг с опущенными вниз усиками. Последний знак (в виде петли) нередко встречается на других находках (керамике, кирпиче). Любопытна его параллель на керамической расписной вазе-оссуарии из буддийской ступы с городища старого Мерва, датируемой исследователями V—VI вв. (Кошеленко, 1965). В сцене пира на платье одного из женских персонажей виден точно такой знак.

Прямые аналогии к этой группе керамики обнаруживают сосуды из нижнего слоя Пянджикента (V—VI вв.), особенно характерны насечки по верхней грани венчика (Маршак, 1957, с. 95).

К. Абдуллаев, в работах которого собрано большое количество этих сосудов, считает характерным для них орнамент в технике «чизма», т. е. в виде насечек, простейших геометрических узоров, и датирует их IV—V вв. (Абдуллаев, 1975, с. 148, рис. 7, 92—93, 97, 104, III). Сходны сосуды из комплекса IV—V вв. сельской усадьбы под Самаркандом, где, как и канкинские крупные сосуды, формовались на песчаной подсыпке (Шишкина, 1961, с. 206). Такие же горшки с небольшими отличиями обнаружены в верхнем горизонте Актобе-2, насечки и наколы сделаны только по тулову, орнамент (прямые и волнистые линии) прочерчен просто палочкой, а не зубчатой гребенкой. Исследователи относят их к III—IV вв. (Левина, 1968, с. 46—48, рис. 18, 19; с. 49).

Чаша. Представлены единственным экземпляром. Чашечка высотой 5 см, диаметр плоского донца 14,5 см. Чаша конической формы с ребром в средней части тулова.

Стенки от ребра поставлены прямо. Черепок розового цвета, тесто хорошо промешано. Подобные чашечки (высота 4,5—7,5 см) с ребром в средней части и плоским дном дает керамический комплекс Культапа в Кашкадарье, датируемый V—VIII вв. (Алимов, 1969, с. III, рис. 2). Среди керамики Кызылкыра-I и Сеталака также есть подобные чаши, диаметр венчика которых колеблется от 12 до 27,5 см. Б. Ураков сближает их с каунчин-

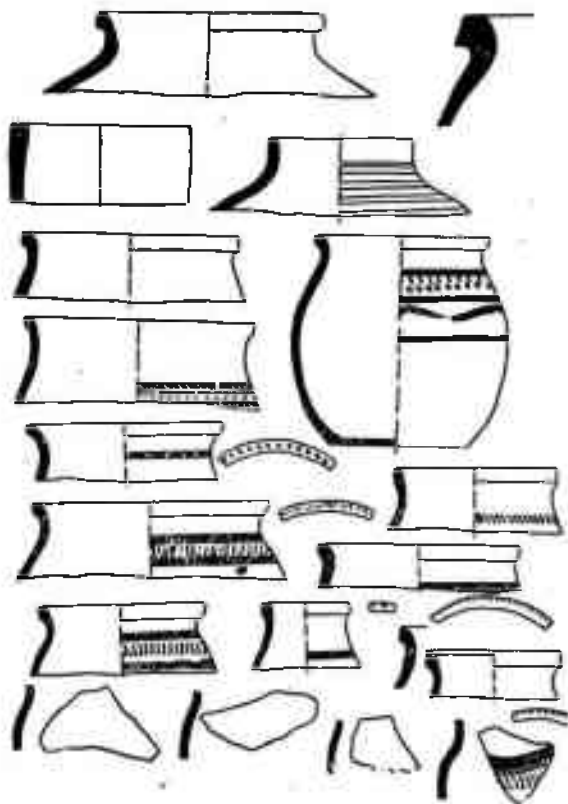

Рис. 26. Канка. Шахристан-I. Раскоп 10. Керамика V—VI вв.

ским материалом и датирует первой половиной I тысячелетия н. э. (Ураков, 1975, с. 95—96, рис. 1, 19—20).

Исходя из приведенных аналогий, чаши подобного типа можно, видимо, датировать IV—V вв. н. э. В дальнейшем развитии этой формы наметилось два пути: 1) эволюция в пиалу; 2) прототип вогнутых крышек IX—X вв.

Кружки. Найдены фрагменты семи экземпляров. Три из них грубо вылеплены от руки. Черепок в изломе темно-серый, тесто с сильной примесью шамота. Ручки круглые в сече-

нии, прикреплены одним концом к устью, другим опущены на плечики. В верхней площадке ручки есть неглубокие округлые пальцевые вдавления. Прямые аналогии отмечаются в материалах верхнего строительного периода Актобе-2 (Вайнберг, 1968, с. 37, рис. 15, 26, 31—33, 37). Они представляют собой типичные каунчинские кружки, широко известные по материалам Средней Сырдарьи (Каунчи-II) (Буряков, 1982, с. 74—75, рис. 7).

Вторая группа кружечек тоже вылеплена от руки, но отличается большей тщательностью исполнения. У них плавное очертание тулова. Высота сосудов 12—13 см, диаметр устья 6—7 см. Черепок желтого цвета. Поверхность сосудов гладко затерта. Округлая ручка скобообразной формы опущена от устья на слегка раздутое в средней части тулово. На верхней площадке перед устьем на ручке сделана нашлапка в виде S-образной фигуры, символизирующей рога барана, символа фарна, служившего оберегом (рис. 25, 1).

Кружечки с подобными налепами широко встречаются в материалах Ташкентского оазиса, Южного Казахстана (т. е. по всему среднему течению Сырдарьи). Исследователи датируют их широко — с I по VII вв. н. э. (Байпаков, 1980, с. 32, 33, рис. 1). Л. М. Левина считает, что кружечки с ямочными вдавлениями в верхней части ручек и ручки имитирующие бараньи рога (S-образный налём) относятся к Каунчи-II, т. е. с конца III по V в. н. э. (Левина, 1971, с. 182).

Таким образом, весь керамический материал, собранный в завале и с уровня пола, можно датировать V—VI вв.

Железные предметы. Делятся на две группы: в одну из них входят предметы вооружения, в другую — орудия труда, бытовые предметы. Первую составляют наконечники стрел. Их обнаружено девять экземпляров. Один из них — крупный наконечник — происходит из завала за восточной стеной зала. Длина его 8 см; он с трехгранной боевой головкой и округлым в сечении черешком (длина последнего 4 см). В основании боевой головки есть порожек-муфточка. По мнению Б. А. Литвинского, подобные наконечники становятся характерными для Средней Азии в V—VII вв., хотя в Поволжье и Оренбургских степях такие наконечники распространяются в III—IV вв. (Литвинский, 1965, с. 84). Т. Агзамходжаев датировал подобные наконечники из курганов Ташкентской области VI—VII вв. (Агзамходжаев, 1961). Три наконечника были подняты с пола. Первый — пулевидный наконечник с четырехгранным черешком. Длина его 8,7 см, длина черешка 4,7 см. Боевая головка в начале двухгранной формы, в се-

редине резко сужается и становится округлой. Близок ему наконечник из Шаушукумского могильника (курган № 10). Правда, автор не дает точной датировки материала, а лишь рисует хронологические рамки — от III в. до н. э. по VI—VII вв. н. э.

Второй наконечник — маленький с обломанным округлым черешком (длина сохранившейся части 3 см, причем боевой головки 2,5 см). Сама головка трехгранная в сечении, а между гранями расположены миндалевидные углубления. Видимо, это наконечник переходной формы, но сам размер его говорит о более ранней дате, так как подобные наконечники стрел более характерны для первых веков нашей эры (II—IV вв.). Третий представляет собой довольно редкую находку черешкового наконечника; длина боевой головки 5,1 см, наибольшая ширина 2,2, толщина 1,4 см. Черешок округлой формы. Еще один наконечник стрелы найден недалеко от суфы-эстрады. Общая длина наконечника 7,8 см, причем длина боевой головки 2,3 см, черешка 4,5 см. Боевая головка трехгранной пулевидной формы. У основания сделан уступ-муфточка (длина 1,7 см, ширина 1 см) цилиндрической формы. Черешок постепенно сужается. Подобные наконечники датируются в широких пределах — V—VIII вв. (Литвинский, 1965, с. 84—85).

Уникальна находка плоского вильчатого наконечника с округлым черешком (срезень). Жальца наконечника тупы и сильно отогнуты в стороны. Он обломан. Сохранившаяся часть 5 см, длина боевой головки 3,6 см. Срезень постепенно утолщается к черешку. Здесь найден плоский срезень в форме лопаточки. В отличие от первого он не фигурный, не тупой, а имеет слегка вогнутую заточку лезвия; служил для нанесения широких ран, мешавших движению животного. По назначению они в равной степени использовались и для охоты и для боевых действий. Вильчатые наконечники применялись для охоты на птиц и мелкую дичь. В Сибири они бытовали вплоть до XX в. Наиболее ранние находки подобных наконечников (только с более острыми жальцами) известны из комплексов I в. н. э. (Литвинский, 1975, с. 90). Бытуют они в комплексах IV—V вв. (Соловьев, 1977, с. 56—65, рис. 1). Интересна находка В. А. Рановым в пещере Ак-тамги вильчатого наконечника, отделенного от черешка уступом (Литвинский, 1975, с. 91).

В целом вся группа наконечников стрел не противоречит общей датировке материала и позволяет отнести их к V—VI вв. н. э.

Предметы бытового назначения представлены ножом, пряжками, бронзовыми предме-

тами, украшениями, костяными предметами, точилами.

Ножик длиной 14,5 см, подтреугольный в сечении. Острие слегка изогнуто, видимо, вследствие износа инструмента. Ручка обломана, сохранилось лишь основание черешка. Подобные ножи широко применялись по всей Средней Азии и зафиксированы при раскопках поселений и могильников первой половины I тысячелетия н. э.

Пряжки. Одна из них имеет прямоугольную (3,5×2,7 см) рамку с подвижным язычком. Язычок округлый в сечении. Рамка пряжки приделана к прямоугольной (длиной 4,5 см) металлической обойме, на которой местами сохранились следы кожи. При раскопках курганов в Ташкентском оазисе Т. Агзамходжаев обнаружил подобную пряжку (только рамка округлой формы) с откидным язычком (VI—VIII вв.) (Агзамходжаев, 1961, с. 228, рис. 3, 2).

Другая пряжка полуовальной формы сохранилась фрагментарно. Железный предмет в виде тонкой полосы, длина 8 см и ширина 2 см, с длинной четырехгранной заклепкой. Возможно, это оббивка (крепление) какого-то предмета (ларца).

Бронзовые предметы. Маленькая ажурная пряжка с откидным язычком и прорезью для ремешка. В районе суфы-эстрады обнаружено пять бронзовых гвоздиков. Самый длинный из них — 3,8 см. Один из них округлый в сечении, остальные — трехгранные. Шляпка овальной формы.

Отдельно отметим находку небольшого плоского зеркальца. Диаметр 8,5 см. Петелька в центре обратной стороны обломана.

Украшения. В основном это изделия из бронзы и различные бусы.

Бронзовый предмет длиной 9,9 см в виде тоненького округлого стержня, нижняя часть которого заострена, а верхняя расплющена, округлой формы (ширина 1,5 см). Скорее всего, это шпилька для волос.

Другая бронзовая поделка обнаружена в кострище. Она также имеет вид стержня округлой формы с заклепками на концах. На стержень насаживались крупные бусины. Одна из них — сердоликовая цилиндрической формы — сохранилась на стержне, длина его 7,2 см. Возможно, это часть какого-то сложного нагрудного украшения (подвески). Еще один такой стержень только худшей сохранности, обломанный с двух сторон найден в соседнем кострище. Отсюда же происходят фрагменты тонких бронзовых дужек серьги диаметром 2 см. Кроме того, собраны фрагменты сильно деформированной бронзовой обоймы с углублением для цветной пасты или камней.

Бусы различных форм — округлой, кольцеобразной, цилиндрической, реже призматической. Преобладают сердоликовые бусы округлой формы. Из этого камня нежно-красноватого цвета сделана призматическая бусина с гранением. Центральной фигурой в ней был ромб, выступавший во многих культах в качестве символа плодородия. Еще одна плоская призматическая бусина сделана из стеклянной пасты. Среди находок есть и привозные бусы из раковин. Одна из них сделана из крупной белой раковины — каури. Вторая — более мелкая, с поперечными чередующимися полосками белого и коричневого цвета. Отметим бусинку из лазурита диаметром 1,4 см в виде плоского колечка и мельчайшую бусинку из нефрита диаметром 1,5 мм.

Интересна плоская каменная поделка из оникса. Она овальной формы со скошенными краями, диаметр ее 2 см, толщина 0,6 см. Возможно, это вставка в брошь или браслет. Отсюда же происходит оловянная пуговница округлой формы с отверстием в центре. Диаметр пуговницы 1,7 см, центрального отверстия 0,4 см. Пряслица обнаружены в количестве 7 экз. Три из них плоские. Одно сделано из тонкой галечки, остальные керамические, биконической формы. По мнению исследователей, поделки подобной формы и фрагменты керамики с просверленными отверстиями свидетельствуют о ткачестве. Не исключено, что их могли использовать и в качестве грузил для сетей (Буряков, 1973, с. 48).

Обнаружено три сурьматаша. Два из них каменные, один керамический. Все они, к сожалению, сохранились не полностью. У двух отломаны верхние края, у одного — нижний заостренный конец. Плоский сурьматаш длиной 10 см, толщиной 0,8, шириной 1,8 см. Считается, что их использовали как косметические приборы для нанесения сурьмы. Не исключено их применение в качестве ложила, для залащивания поверхности сосудов и нанесения орнамента. Все обнаруженные сурьматаша находились среди зерна и тканей в кострищах около суф.

Костяные предметы. Сильно сточенный альчик (3,3×2×1,2) либо бита при игре в кости. Астрагалы, пропиленные для заливки отверстий свинцом, — нередкие находки в различных слоях Канки. В одном случае астрагал был даже обернут железной проволокой. Либо это ложило для сглаживания и подравнивания стенок сосуда.

Костяная пуговница, изготовленная в виде колечка, толщиной 0,3 см и диаметром 1,3 см. По краю пуговницы прочерчены двойные круги с точками (перлы). Аналогичные пуговницы

известны из Панджикента и датируются VII—VIII вв. (Беленицкий, 1973, с. 103).

Точила. Одно из них плоское, сделано из гальки со следами сточенности с двух сторон. Другое трехгранной формы, из красноватого мягкого камня. Сильно сработано со всех трех сторон и, видимо, в процессе работы приобрело такую форму.

Нижний строительный этап и назначение комплекса

Для выяснения строительных этапов здания и подстилающих слоев проведены раскопки в центре помещения. Трехметровая траншея вдоль северной суфы обнажила основание кладки из квадратного и прямоугольного сырца шириной почти в 2 м. Южнее расширена широкая лента пахсы, оформленная в виде лирообразной суфы с заглаженными стенками, покрытой сантиметровым слоем штукатурки. К суфе примыкает плотный гладкий уровень пола, коричневого цвета. Высота суфы 25—30 см. Поверхность пола и суф чистая: не было ни зольных, ни гумусных пятен, ни каких-нибудь находок. Назначение ее непонятно. Возможно, суфа и обрамляющая ее кирпичная кладка представляют собой первоначальную постройку. Позже по каким-то причинам план был пересмотрен, уровень пола значительно поднят, стены предполагаемого зала сильно раздвинуты так, что сторона квадрата стала равна 14,25 м. В пользу этой версии говорит чистая поверхность суфы и рабочего пола, штукатурка суфы, кирпичная кладка, обрамлявшая суфу и заглубленная в тело платформы более чем на метр. Не исключено, что нижняя пахсовая суфа и кирпичная кладка являются лентами оформления стилобата-забутовки, служившими дополнительной опорой под мощные и высокие стены зала. Так, в шахристане-I (P-I) под монументальной постройкой VI в. н. э. зафиксирован прием закладки более раннего здания и организации стилобата в виде чередующихся лент пахсы и кирпича.

Под суфой и кирпичной кладкой выявлена забутовка из битой глины, служившая платформой. Высота платформы — 1,95 м. Причем первоначальное место будущего строительства поднивелировали, затем залили этот уровень тонким слоем плотной глины коричневатого цвета.

В южной части комплекса под врезкой караханидского периода, почти снявшей платформу, обнаружена площадка из плотной глины желтоватого цвета. Поверхность ее ровная. Почти в центре площадки расшире-

ны два горелых пятна, друг над другом. Одно диаметром 55 см, размер другого 72×63 см. Вокруг на расстоянии 1—2 м располагались семь круглых или подквадратных лунок, заполненных песком. Диаметр их от 10 до 18 см, глубина до 12 см. Две дальние располагались на расстоянии 80 см друг от друга. Пять остальных чередовались через равный промежуток в 20—25 см, причем одна подквадратная (18×20 см) лунка находилась в центре, остальные четыре охватывали ее полукругом.

Лунки эти скорее всего могли быть основанием какой-то легкой деревянной конструкции. От длительного воздействия огня земля в центре постройки прокалилась. Видимо, здесь специально подолгу поддерживали огонь. Сходная постройка обнаружена на городище Кугаит (г. Ташкент), где, как считают исследователи, культовое место было прикрито легкой деревянной постройкой из жердей (Филанович, 1983, с. 71).

В связи с обнаружением подобного сооружения под платформой крупной залы приводим часть интересной легенды, записанной в середине X в. Абу Дулафом при посещении Шираза и связанной с основанием одной из зороастрийских святынь храма Атур-Тушнаспа в Тахт-и-Сулейман. Он сообщает, что город был основан Хурмузом ибн Хосровшир ибн Бахрамом. Узнав о рождении дитя в Иерусалиме, он отправил туда посланника с дарами, чтобы вручить их его матери и спросить благословения этого дитя на свою страну и свой народ. Марция дала послу мешок с землей и сказала, что на этой земле будет основан город. Посланник Хурмуза добрался лишь до местности Шиз, где умер, просыпав перед смертью землю из мешка. Узнав об этом, Хурмуз послал людей выстроить на этом месте храм огня. Ночью посланцы Хурмуза увидели яркий свет, исходящий от этой земли, «подошли ближе и очертили кругом тот огонь. ... а наутро на этом месте начали строить здание. В этой круге и был храм огня Шиза» (Маршак, 1975). Если отбросить явную попытку объяснения святости храма Шиза, соединявшую в легенде христианскую и зороастрийскую традицию, то перед нами интересное свидетельство: перед строительством место специально освятили огнем, когда возвели легкую культовую постройку («и очертили кругом тот огонь»), а затем подняли платформу с храмом.

К западу, за стеной суфы-эстрады, вскрыто небольшое (4,75—3,1 м) помещение, вытянутое с севера на юг. Вход располагался с севера. На полу сохранились остатки двух мощных кострищ. Диаметр лунки одного из них (южное) 15 см, глубина 20 см. Зола чи-

стая, белого цвета. Пол вокруг лунки прокален. Слой золы толщиной 4—10 см покрывал большую часть комнаты. Отсюда происходят находки двух сильно фрагментированных кувшинов.

С севера помещение обведено широким (3,05 м) коридором, зафиксированным на длину почти 20 м. Изнутри стены коридора покрыты штукатуркой с росписью (выявлены фрагменты в северо-западной части — красного цвета, в восточной желтого с черными точками). Ширина северной, видимо, внешней стены всего комплекса, 3,1 м.

Таким образом, общий план здания реконструируется в следующем виде: его ядро — крупный квадратный зал (со стороной в 14,25 м) с центральным входом с востока, вдоль стен которого были устроены суфы. С запада к нему примыкала небольшая замкнутая комната, соединявшаяся через парадную суфу с залом и, возможно, служившая для постоянного хранения огня. На последнее указывают сохранившаяся лунка и кострища со следами длительного горения чистого огня.

Весь этот комплекс обведен просторным коридором шириной в 3 м, стены которого покрыты росписью. С востока к залу примыкал крупный двор или еще одно крупное помещение. И сам план и его архитектурные детали, жженный кирпич с обилием тамг, набор находок указывают на специфическую функциональную направленность комплекса.

В общих чертах здание напоминает известные храмовые сооружения в Пянджикенте (Шкода, 1986, с. 5—16) и в то же время несколько отличается от них. Отсутствует айванный портик, не ясны пока форма и планировка двора. Однако общая ориентация комплекса, вытянутость его с запада на восток, центральный вход с востока, выделение особого места в центре западной стены (напротив входа), куда должны были упасть первые лучи восходящего солнца, наводят на мысль, что выявленный комплекс имеет культовое значение. Характерен и состав находок. Это прежде всего следы лепнины, фрагменты штукатурки с росписью, оформление верха стены кладкой из кирпича фигурным парапетом, наличие в составе находок больших и малых емкостей для хранения продуктов (хумы, кувшины, горшки, кружки) и в то же время полное отсутствие котлов, сковородок, очажных подставок, мисок. О невыясненном назначении этого сооружения говорят суфы, поверхность которых покрыта тонкой хрупкой штукатуркой.

На полу вдоль суф, в центре помещения и на суфе-эстраде видны следы длительного употребления огня. Особо обожжены часть

нижней ступени и центр суфы-эстрады. В стене позади суфы-эстрады сделана ниша, оформленная лепниной в виде языков пламени. В кострищах были мелкие предметы и завернутые в ткань зерна.

Характер отправляемых здесь культовых действий не совсем ясен, но очевидна их связь с огнем и приношениями плодов. На центральную часть суфы-эстрады, видимо, устанавливался переносной алтарь огня, который скорее всего выносили из небольшой комнаты за суфой-эстрадой. Любопытно в этом плане отсутствие в этой комнате каких-либо находок, кроме золы и двух кувшинов, т. е. эта комната, удаленная от входа, служила для хранения огня. Последнее полностью соответствует зороастрийской традиции, где даже небольшие храмы состоят из двух помещений. В одном из них, темном и удаленном от входа, хранили священный огонь. Такие помещения называются адуриан. Даже в небольших (бедных) святилищах современных зороастрийцев предусматривается маленькое помещение с дровами для тлеющего огня (Бойс, 1966, с. 51).

Отсюда через узенький проход рядом с суфой-эстрадой огонь, взятый от основного священного огня, переносили в большое помещение-зал, где его, видимо, возжигали на переносном алтаре на суфе-эстраде. Это второе помещение — крупный квадратный зал с суфами вдоль стен — исполняло функции молельни — даре мехр, где на суфах, на которых (подчеркнем еще раз) невозможно было сидеть не деформировав хрупкой штукатурки, видимо, устанавливались сосуды и другие приношения. А на полу рядом с суфами возжигались небольшие жертвенные огни, в которые, помимо священной травы, бросали мешочки с возделываемыми культурами (гороха, пшеницы, ячменя, проса, фисташки, урюка, персика, хлопка). Возможно, это связано с культом плодородия, когда глава общины или семьи приносил жертву и просил хороший урожай. Помимо этого, здесь же были найдены мелкие украшения, наконечники стрел, точила.

Соединение двух разных по рангам огней имеет в зороастризме давнюю традицию. Герд Гропп указывал на контраст огня в адуриане (огня побед) и огня в культовом помещении «даре мехр». Объединение их в едином сооружении имеет свое право, так как огонь царя и жертвенный культ взаимосвязаны. Царский огонь защищает своей силой культовое место, что позволяет жертвующим под этой защитой вступать в контакт с богом во время приношения жертвы. С другой стороны жертва своей очищающей силой

дает божественное благословение общине и ее властителю — царскому огню (Горр, 1969, с. 173). В данном случае огонь мог играть роль посредника Любопытна в этом отношении фраза из религиозного диспута между магом и христианином Михрам Гуштаспой. Когда маг заявил: «Мы никоим образом не считаем огонь богом, мы только молимся богу посредством огня» (Бойс, 1987, с. 169).

В то же время огонь могли возжигать и поддерживать в честь умерших предков. О существовании таких именных огней хорошо известно (Бойс, 1987, с. 133). Более того, Хоразмид-Ардашир, внук Ардашира, даже разбил статуи усопших в Армении и вместо них установил священный огонь в храме Ормазда в Пакиране (Бойс, 1987, с. 131).

В связи с этим укажем на вывод исследователей о том, что «даре мехр» переводится как «дом Митры» или как «врата Митры», которые изображала ниша за алтарем, так как огонь перед нишей изображал само божество, явившееся из своих врат (Рапопорт, 1984, с. 172). В то же время Митра — это не только солнечное божество, но как хтоническое божество оно связано и с загробным миром. Не даром зороастрийские тексты представляют его как верховного судью над душами умерших.

Для интерпретации комплекса в этом плане большой интерес представляет извлечение из истории северных дворов (хроники Бейши, глава 97), написанной в начале VII в. ученым династии Тхан Ли Янь-шеу. Немаловажно, что приводимый отрывок излагает сообщения китайских информаторов более ранних эпох. Сам отрывок звучит так: «Во владении Ши по юго-восточную сторону резиденции (владельца) есть здание, посреди которого поставлено седалище (т. е. престол). В 6-е число первой луны поставляют на этом престоле золотую урну с пеплом сожженных костей покойных родителей владельца, потом обходят кругом престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. Владелец с вельможами поставляют жертвенное (мясо). По окончании обряда владелец с супругой уходит в особливую ставку. Вельможи и прочие по порядку садятся и по окончании стола расходятся» (Бичурин, 1950, с. 272.).

Для нас в этом отрывке важны следующие обстоятельства. Во-первых, информаторы прямо указывают на культовые действия, происходившие в храме и связанные сминальным культом. Во-вторых, совпадают некоторые детали внутреннего устройства храма. Это прежде всего наличие седалища (престола) в центре парадной суфы-эстрады, на которую могли выставлять урну и возжигать

огонь. Наличие кругового обхода вокруг последней, когда с ритуальной целью рассыпались пахучие цветы и плоды. В-третьих, в отрывке говорится, что при обрядовой церемонии пришедшие «носят жертвенное». Правда, у Н. Я. Бичурина далее следует подставленное им слово «мясо», однако жертвенное вовсе не означает обязательно мясо. Это могли быть любые приношения: и мешочки с семенами, плодами, зерном, и мелкие предметы, обнаруженные в кострищах. Так, в Масджид-и-Сулалман (в Иране) паломники при обходе бросали под стены террасы свои оболочки (Гиршман, 1978, с. 69). В-четвертых, топография храма, действительно располагавшегося к юго-востоку от четырехбашенного замка цитадели.

Безусловно, во владении Ши, т. е. в Ташкентском оазисе, это был не единственный храм (Филаонович, 1973, с. 136; 1983, с. 121). Интересно, что и топография расположения (четко указанная в источнике) храма к юго-востоку от резиденции, и устройство, и состав находок как будто точно соответствуют расположению открытого комплекса на городище Канка.

Отметим и то, что храм, видимо, не принадлежал исключительно культу поклонения праху предков. Отрывок из Бейшу описывает лишь один из религиозных праздников, где календарный праздничный цикл (встреча Навруза) мог сливаться с ритуалами, посвященными духам предков. Так, в истории династии Суй есть упоминание, что какое-то празднество в этом храме проводилось и 15-го числа седьмой луны (Бичурин, 1950, с. 272). Трудно сказать, какое это было число в пересчете на местный календарь. Однако согласно зороастрийскому календарю 15-е число месяца открывало третью неделю, называлось «днем Дадвы» и посвящалось Ахурамазде как творцу всего сущего (Бойс, 1987, с. 88). Вспомним в связи с этим сообщение, что в Армении Хормизд-Ардашир заменил статуи усопших на огни в храме Ормузда в Пакарание (Бойс, 1987, с. 131).

Сама планировка храма (комнатки для хранения огня — адурнан), большая открытая зала (даре мсхр) с обводным коридором и прилегающим двором дает нам разработанный к V—VI вв. тип среднеазиатского храма, где все рассчитано на максимум доступа солнечных лучей (сходный с пянджикентскими храмами и типичный по своим компонентам с зороастрийскими храмами огня). Однако характер находок и то сообщение китайских хроник об отправляемых культовых действиях свидетельствуют о его многофункциональном назначении. Возможно, действительно

ориентация храма, вход с востока, выделение особо возвышенного места в центре западной стены указывают на культ восходящего солнца в сочетании с ритуалом возжигания огня (а также какие-то ритуальные действия, связанные с почитанием духов предков), и позволяют видеть в нем храм Митры. Кстати, А. М. Беленицкий приводит любопытное сообщение арабского географа X в. Шахристана о сабейских храмах, посвященных астральным культам, согласно которому храм солнца имел квадратную форму (Беленицкий, 1954, с. 65).

ШАХРИСТАН-III. РАСКОП 7

У юго-восточных городских ворот шахристана-III, примерно в 300 м от южного угла городища, между крепостной стеной и улицей, ведущей в глубь шахристана, наблюдаются вехомления самостоятельного жилого или административного комплекса. В 1977 г. здесь было начато исследование (раскоп 7а), выявившее остатки разновременного комплекса сложной планировки (рис. 27).

В 1984—1985 гг. в результате специального археолого-архитектурного обследования частично раскопанного объекта выявлено несколько его строительных периодов и получены более подробные сведения о его планировке. Высотная отметка холма, на котором заложен раскоп — доминирующая в этой части городища. Раскоп почти вплотную прилегает к стратиграфическому разрезу городской стены, сделанному в предыдущие годы (Абдуллаев, 1975, с. 128—131) и вместе с раскопом № 7 имеющему цель сплошного планиграфического исследования на площади около 1200 м².

Раскопками на Р-7а вскрыта многокомнатная постройка, состоящая из группы разновеликих помещений, объединенных небольшим двориком, и имеющая ярко выраженную асимметричную композицию. Сооружение стоит как бы особняком от прилегающих вскрытых и нескрытых площадей и замкнуто. От прилегающей предвратной площади к постройке прослежен широкий пандусный подъем, в натечных слоях которого есть мелкая галька и битая керамика. Здесь же зафиксированы остатки кубурной линии. Наклон пандуса порядка 15—18°, длина около 20 м. Он ведет к дворнику, находящемуся в западном углу раскапываемого объекта и открытому в сторону предвратного пространства. В эту же сторону ориентированы в конце двора останцы арочного прохода, ведущего в северо-западную группу помещений. Проход акцентирован порталной нишей. Другой коридорооб-

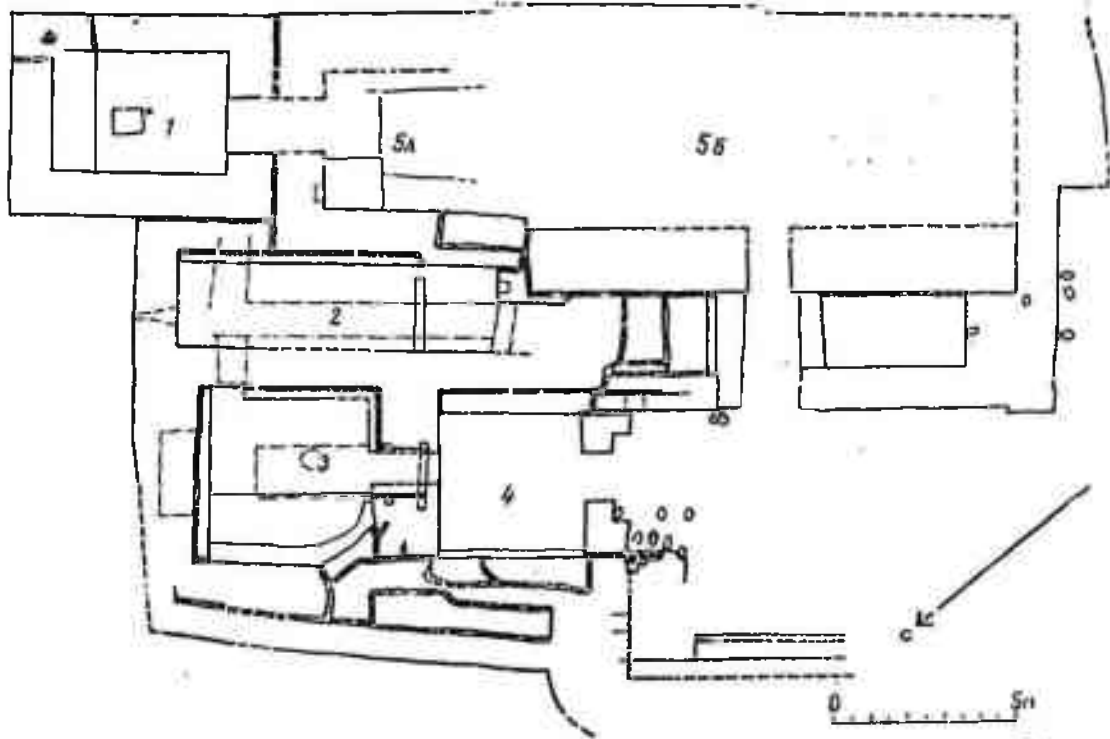

Рис. 27. Капка. Шахристан-III. Раскоп 7. План.

разный проход с суфами ведет из дворика в юго-восточную группу помещений, разделенную с северо-западной забутованным массивом. В композиционном плане постройка имеет три планировочные оси, параллельные друг другу. Общее их направление продиктовано фасом городской стены, вдоль которой и велась городская застройка. Всего в постройке вскрыто пять жилых помещений, одно из которых двухэтажное (пом. 2А, 2Б) (рис. 28). Раскопки производились по уровню последнего обживания и по мере надобности делались шурфовки и зондажи. Изучаемый объект очень неоднороден по строительному материалу: основная масса конструкций сложена из сырцового кирпича, разнящегося по формату и составу глины. Некоторые стены сделаны из пахсы; использовался и жженный кирпич. Судя по всему, сооружение функционировало довольно длительный период, и в разное время в нем производились перестройки и ремонтные мероприятия, в результате которых сложился его окончательный облик, выявленный проведенными раскопками.

Как отмечалось выше, сооружение имело небольшой (10×7 м) дворик. Северо-западное ограждение его значительно размыто и сохранилось в высоту лишь до полуметра. Общая толщина этой ограждающей двор

стены 2 м. Со стороны дворика к стене примыкает длинная корытообразная конструкция, сложенная из сырцового кирпича (33×17×5 см). Таким же кирпичом обложены сами стены северного угла двора, образуя чередованием кладки плашмя, тычком, ложком и ребром своеобразный узор. Причем в некоторых местах использованы подтесанные с разных сторон половинки и четвертушки кирпича. Внутренняя кладка стен того же северного угла выполнена из сырцового кирпича (50×26×9 см), отличающегося от предыдущего еще и голубоватым цветом теста. Внутренность стен сильно размыта и разрушена, что, очевидно, и послужило поводом к их облицовке. В самой толще северо-восточной стены двора, состоящей из пахсы, обнаружены очень сильно размытые остатки небольшой арочной ниши, шириной около полуметра, относящейся, вероятно, к более раннему этапу обживания постройки.

Поверхность двора содержит многочисленные слои натеклов, свидетельствующих о его открытости. Вблизи прохода в северо-западные помещения, справа и слева от него, на поверхности двора расчищены многочисленные овалы с золой, углями, обгоревшими костями и материалом середины XI в. (относящиеся, видимо, к периоду час-

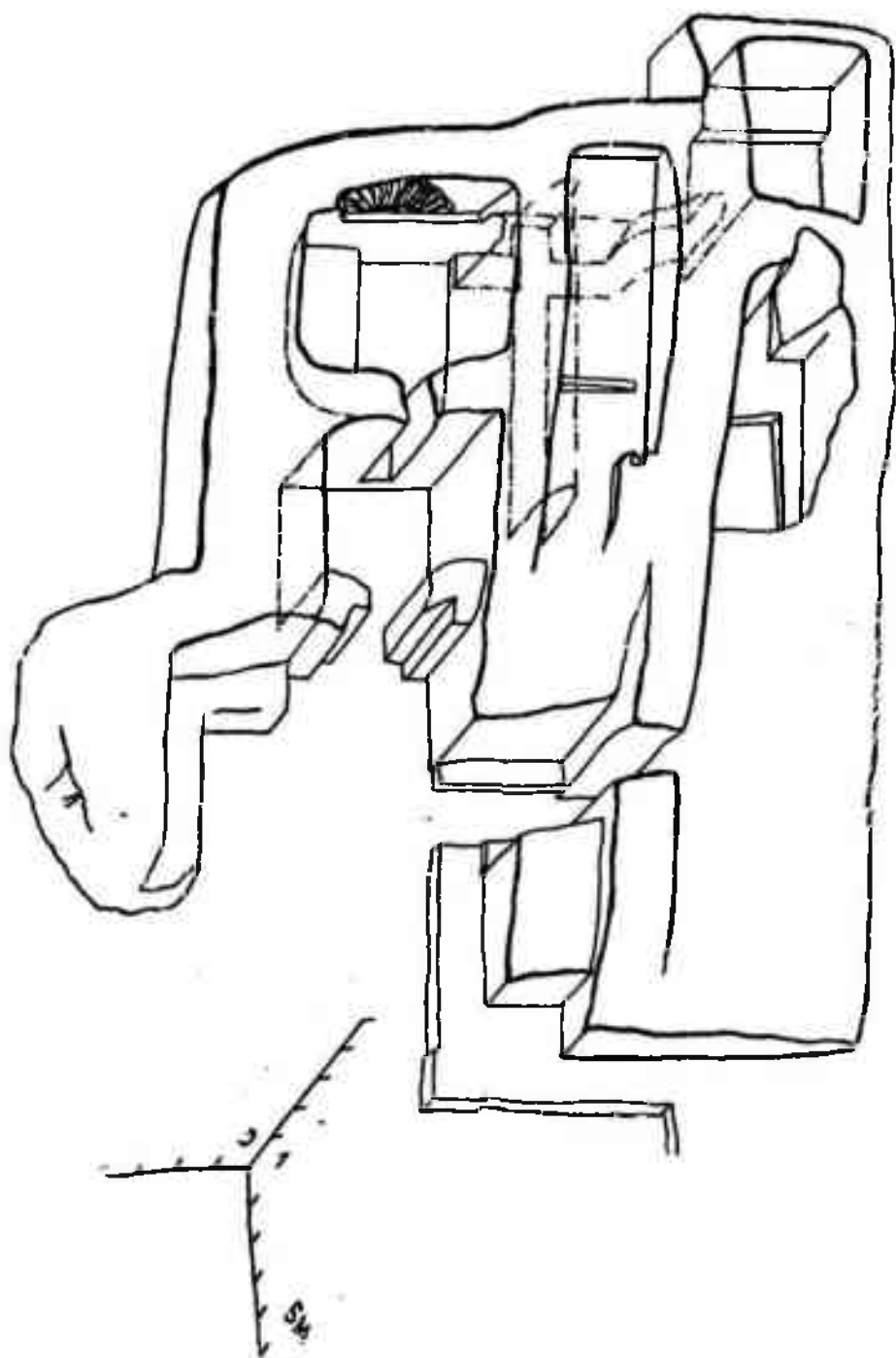

Рис. 26. Канка. Шахристан-III. Раскоп 7. Аксонометрия раскопанных помещений карахвидского периода (вид с запада).

тичного заброса постройки, так как некоторые из этих очажков сделаны уже прямо поверх размытых конструкций). Всего здесь зафиксировано 15 очажков. Их размеры 20×30 см в поперечнике. Юго-восточная стена дворика до угла коридора, ведущего в юго-восточные комнаты, тоже облицована аналогичным северо-западной стене стандартом кирпича с тем же характером кладки. За обкладкой находится стена из голубоватого кирпича размером $50 \times 26 \times 9$ см. Сохранность стены в высоту более 2 м. При снятии обкладки в стене обнаружили небольшую нишу шириной и глубиной до полуметра. Верх нишки округлый; высота ее 70 см. Ниша оказалась на одну треть прикрыта конструкцией пилона входной арки, заложена одним с обкладкой стены стандартом кирпича. Основание ниши лежит на высоте 1,1 м от верхнего гола двора. Торцы стены с нишей явно обломаны; близ него в стене прослеживаются вертикальные трещины. Судя по всему, стена имела продолжение. К ее торцу примыкает суфа шириной 70 см и высотой 15 см. Она протянулась вдоль коридорообразного прохода в юго-восточную часть постройки. Напротив нее расположена другая суфа, немного выше первой. Эта суфа понижаясь уступом окаймляет кирпичный массив, являющийся границей дворового пространства южнее второго прохода. Со стороны двора суфа сохраняет направление стены с нишкой и используется как обходная дорожка. На это указывает кладка из жженого кирпича ($27 \times 16 \times 4$ см), высотой в четыре таких кирпича. Кирпич использован для укрепления краев дорожки. Верх сильно стерт, что свидетельствует об интенсивности движения по ней. Кладка из жженого кирпича оканчивается сплошной вымосткой квадрата 130×130 см, где дорожка делает поворот на 90° в обход юго-западной стены, а для укрепления ее краев использовали уже кирпич-сырец. Вдоль этой стены, как на поверхности самой дорожки, так и на лессовой поверхности, от которой она начинается, зафиксировано еще несколько овальных очажков, аналогичных описанным выше. В 6 м от края квадратной выкладки дорожка расширяется и превращается в площадку шириной 2,5 м, поверхность которой выложена сырцом ($47 \times 24 \times 6$ см). Площадка доходит до южного угла постройки и, судя по всему, поворачивает вдоль ее юго-восточного фаса, однако проследить ее далее невозможно, так как идет срыв. Юго-западнее же обхода начинается понижение в сторону городских ворот.

Проход с порталной нишей, расположенный напротив пандуса, ведет в анфиладу из

двух подквадратных в плане комнат. Первая из них пом. 4³, ее размер $4 \times 3,8$ м. Стены сложены из сырцового кирпича разных форматов. Так, пилоны ведущего в нее прохода сложены из кирпича $30 \times 15 \times 6$ см, юго- и северо-восточные стены и часть северо-западной — из кирпича $37 \times 16 \times 5$ см, а оставшаяся часть северо-западной стены — из кирпича формата $40 \times 20 \times 6$ см. Такой разнородный свидетельствует о одновременности возведенных конструкций. Об этом говорит и разный вид кладок. Позже всего, очевидно, был сооружен арочный проход, пристройкой которого, собственно говоря, и была образована рассматриваемая комната. Пилоны прохода сложены обычной рядовой кладкой, а стены помещения в основном комбинированной. О пристройке пилонов свидетельствует и шов, разделяющий их со стенами. Общая ширина пилонов различна — 115 и 130 см. Ширина входной ниши 2,5 м, ширина прохода 1,4 м. Арка прохода выполнена клинчатой кладкой и оконтурена с внутренней стороны разгрузочным архивольтом, состоящим из трех рядов кирпичей. Средний их ряд на 5 см утоплен вглубь, что придаст арке рельефность. Пята ее расположена на высоте 115 см от верхнего пола. Верхняя часть арки не сохранилась, но скорее всего была стрельчатого очертания. Со стороны двора низ пилонов имеет сильные выбоины, возможно, из-за воздействия атмосферной влаги. Никаких следов устройства дверных полотен на пилонах не обнаружено. Самая большая высотная сохранность в пом. 4, у юго-восточной стены, — свыше 3 м. Однако при ее обследовании не обнаружено следов конструкций перекрытия помещения. Наиболее вероятно, что эта комната была плоскоперекрытой. При зондаже стены выяснилось, что она сложена из сырца и ширина ее 60 см, т. е. она является обкладкой более ранней пахсовой стены с глиняной штукатуркой. Изучение других стен комнаты выявило их неоднородную структуру. Стена, выходящая в интерьер, — это лишь ремонтная обкладка пахсовой основы. При шурфовке южного угла комнаты под верхним полом обнаружены фрагменты росписи по белому фону. В стене напротив арочного входа расположен проход в пом. 3, шириной 90 см. Проход имел 20-сантиметровый порог. На последнем этапе обживания постройки проход, вероятно, был арочным, но ввиду плохой сохранности его верха не удалось даже определить уровень пят, хотя клинчатость кладки явная. Первоначально же проход был

³ Нумерация помещений давалась в процессе их вскрытия.

шире 140 см и имел деревянное перекрытие, следы от балок которого зафиксированы на высоте около 1,5 м от верхнего кирпичного порога. Сечение балок 12×18 см. Их было две. Одну из них поддерживали вертикальные стойки, заделанные заподлицо в стены. Для увеличения площади опоры и, возможно, гидроизоляции под одну из стоек был положен жженный квадратный кирпич со стороной 28 см и толщиной 5 см. В начале прохода находился деревянный порог, который, как и все деревянные конструкции, сгорел во время пожара. От дерева сохранились отпечатки, судя по которым все деревянные детали подвергались ручной обработке. Всем изделиям придавалась в сечении подпрямоугольная форма.

Комната 3 первоначально имела размер 4,8×4,8 м и впоследствии немного уменьшилась в объеме из-за ремонтных обкладок из крупноформатного кирпича размером 48×26×9 и 50×25×10 см. В некоторых местах поверх обкладок уложен еще один слой из кирпича 39×18×7 см. Последняя обкладка сделана кирпичом плашмя. Таким образом, в помещении налицо три строительных периода. На полу комнаты найдены остатки кошмы, устилавшей пол до суфы, занимавшей всю левую от прохода часть комнаты и возвышавшейся над полом на 30 см. В результате нескольких ремонтов западный угол комнаты получил округлое очертание. В северо-восточной стене, напротив прохода, обнаружена заложенная до замка полуциркулярная арочная ниша шириной 2,4 м. Арка выложена клинчатой кладкой из сырца 46×22×8 см. Пята арки опираются на паховую стену, облицованную подтесанным кирпичом того же формата. Глубина ниши 1 м. В комнате зафиксировано пока три уровня пола. Высота ниши от пола, на котором она начинается, до замка 215 см. Пята ее лежит на высоте 1 м. Со вторым полом связана П-образная суфа, шириной 1,5—1,8 м, высотой 25 см и закладка ниши крупноформатным кирпичом. С этим же периодом связан очаг почти посередине пола комнаты. Первоначальное ядро ее стен, как и в предыдущей комнате,— паховое.

В восточном углу комнаты находится проход шириной 75 см, с остатками деревянного порошка. Первоначально, вероятно, проход был арочным и сделан в паховой стене. Позже, при ремонте, его облицовали кирпичом плашмя (формат кирпича 36×18×6 см).

Проход ведет в сводчатую комнату шириной 95 см, длиной 8,5 м, которая на каком-то этапе была забутована. Коробовый свод ее сложен наклонными отрезками из сырца 47×24×8 см, под углом 75°. Пята свода на-

ходится на 115 см от верхнего пола. Всего здесь зафиксировано четыре уровня пола. В северо-восточной торцевой стене комнаты, сложенной из пахсы, откуда начинали выкладку свода, сделана наклонная световая амбразура, повторяющая конфигурацию кривой свода. Наклон амбразуры внутрь комнаты образован в верхней и нижней частях сырцовым кирпичом 47×23×8 см. Выходное отверстие ее намного уже внутреннего. Противоположный конец комнаты перегороден стеной, до низа не прослеженной. Но формат кирпича и свода един. Высота комнаты от нижнего, четвертого, пола до шельги свода — 3 м. Стены до пяты свода первоначально были паховыми, несколько раз ремонтировались обкладками из сырца 36×18×6 см. На третьем сверху полу, рядом со сгоревшей подстилкой из травы, в метре от прохода, обнаружены небольшие фрагменты ярко-красной росписи.

При вскрытии этого помещения обнаружили, что свод его полностью сохранился только в противоположной от прохода части. В остальных местах он либо держался частично, либо лежал на полу. Переход арки прохода в конструкцию свода помещения не сохранился — остатки этого конструктивного элемента расчищены внизу, однако из-за сильной разрушенности получить представление о нем не удалось. Напротив проема из комнаты 3 расположен проход, ведущий в юго-восточном направлении. В нем сохранились паховые ляды арочного перекрытия, но выложенная из кирпича арка до нас не дошла. Судя по отпечаткам кирпича в некоторых местах выше лежащей пахсы, форма перекрытия прохода близка к полуциркулярной. Стенки его также обложены сырцовым кирпичом. Зондажами выявлена толщина юго-восточной стены комнаты, равная 120 см. Далее, отделяясь двухсантиметровым швом, начинается конструкция другой стены, к которой, судя по наклону, и была пристроена стена описываемого помещения. Пазух между сводом и выявленной стеной заложен пахсой, а выше надстроен второй этаж. Северо-западным, северо-восточным и частью юго-восточного ограждением этого верхнего помещения были паховые стены единые и для нижнего, и для верхнего помещений.

Большая часть юго-восточного ограждения являлась стеной более ранней постройки, очень умело использовавшейся строителями. Сохранность стен второго этажа в высоту до 1 м, ширина верхнего помещения (пом. 2А) 2,4 м. При расчистке его пола обнаружена кирпичная перегородка, делившая верхнюю комнату на две части. С юго-восточной стороны стена сплошь состоит из одновременных

частей. На вертикальной ее плоскости видны следы прокаленности, возможно, указывающие на использование в помещении деревянных конструкций. Вероятно, перекрытие верхнего этажа было балочным. Ввиду смыва юго-западной части пом. 2А проследить его ограждение, если таковое имелось, с этой стороны не представляется возможным. Вернемся к проходу, ведущему из комнаты 2Б в юго-восточном направлении. Здесь расположено пом. 1 размером 4,7×3,35 м. Стены его сложены из сырцового кирпича 50×25×10 см. Пол выслан жженым фигурным кирпичом в виде равносторонней трапеции с размерами оснований 19 и 13 см и высотой 20 см. Выкладка таким кирпичом шла до суфы вдоль северо-восточной стороны комнаты. Ширина суфы 115 см. Сохранность ее очень плохая, но удалось проследить остатки кана, которм она, очевидно, обогревалась. Подробности его конструкции остались невыясненными.

Перед суфой сохранились остатки подквадратной конструкции из сырцового кирпича 40×20×6 см, на которой с боков остались фрагменты обмазки. Размер этой конструкции 85×70 см. Перед ней в полу находится отверстие диаметром 12 см. На стенах помещения, в отдельных местах, сохранилась штукатурка толщиной 2—4 см. Восточный угол помещения, вероятно, на каком-то этапе обжигания просел или обрушился и был отреставрирован вставкой, швы которой хорошо прослеживаются. В юго-западной стене отмечен арочный проход шириной 1,5 м, ведущий в пом. 5. Кривая арки сохранилась до половины своей длины. Арка была полуциркульной формы и клинчатой конструкции. Как и все плоскости стен помещения, она отделана глиняно-саманной штукатуркой, сохранившейся на ней фрагментарно. По штукатурке вырезана линия, повторяющая очертание кривой арки. В глубине прохода на штукатурке его боковых шек сделано рифление в виде двух смежных вертикальных валиков. Пятка арки находится на высоте 1,2 м от высланного кирпичом пола. У основания некоторых стен помещения сохранилась облицовка кирпичом плашмя — прием характерный, видимо, для последнего строительного периода.

В северо-западной стене помещения, почти от самого западного угла, начинается проем, очень сильно разрушенный и имеющий близкие к прямоугольнику очертания, высота его около 1,5 м, ширина 1 м; в глубину на 0,9 м в проеме идет вымостка из описанного трапециевидного кирпича, затем она обрывается. Дальше проем сильно разрушен, но, судя по

всему, он соединялся с коридором сводчатого помещения 2Б.

Исходя из наклона стен в просматриваемых швах, можно сделать вывод, что из трех помещений (5, 1 и 2) первыми соорудили стены помещения 5. Затем с северо-восточной его стороны пристроили пом. 1 и уже потом — двухэтажное коридорообразное пом. 2 и все остальные упомянутые выше комнаты. Видимо, при пристройке последнего возникла необходимость соединить их проходами, поэтому в пом. 2 таковой планировался сразу. Проход же со стороны пом. 1 был вырублен в уже существующей стене. Соединялись они, вероятно, каким-либо примитивным способом. Однако в результате ослабления стены пом. 1 произошел ее внутренний обвал, перегородивший это помещение. К настоящему времени пом. 5, связанное описанным выше арочным проемом с пом. 1, изучено поверхностно. Оно является, как уже отмечалось, первоначальным ядром, вокруг которого начала формироваться последующая застройка. Примерные размеры этого помещения по внешнему единому обводу стен — 7×20 м. В интерьере же его стены очень различаются по формату кирпича и виду применявшихся кладок, что указывает на их разновременность.

Более детально изучена северо-восточная часть помещения, обозначаемая пом. 5А, северный угол которой сохранился в высоту до 3,8 м от верхнего пола. В этом углу сохранились троп, свидетельствующий о былом купольном перекрытии, и часть подкупольного барабана, состоящие из сырцового кирпича. Кирпич 52×25×10 см, в конструкции тропы подтесан для придания этому элементу перехода от квадрата к окружности перекрытия формы полусферы. Высота тропы 70 см. Низ его находится на высоте около 2 м от пола. Под тропом на стенах местами сохранилась оштукатуренная поверхность. На тяге размером в два ряда кирпича, консольно выступающей из стен, сохранились участки синей росписи по белому фону, в виде вереницы перлов.

На северо-восточной стене под тягой сделана нишка шириной 52 см, высотой 40 и глубиной 22 см. Ниша эллиптического очертания. Основание ее находится почти вровень с верхом кубообразного возвышения, сделанного в углу из кирпича 45×24×8 см. Высота его 110 см от пола. Далее вдоль северо-западной стены на 2,5 м протянулась суфа шириной 90 см и высотой 80 см. У противоположной стены расположена аналогичная суфа. Восточный угол и юго-восточная стена помещения сохранились хуже: в интерьере она представляет собой остатки конструкций,

кладка которых не имеет четких граней и плоскостей. Сохранность восточного угла в высоту на полметра меньше предыдущего. Учитывая, что у помещения хорошо сохранились его наружные углы, расстояние между которыми 7 м, и зная толщину его стен, достигающую до 1,5 м, внутренние параметры помещения определяются как квадрат 4×4 м. Вероятно, близкий к 4 м размер имел и диаметр его купольного перекрытия.

На расстоянии около 5,5 м от внутреннего северного угла помещения, в его северо-западной стене, виден отчетливый шов, отделяющий, как нам кажется, две разновременные конструкции. Многочисленные вставки из разноформатного кирпича, из которых состоит стена до указанного шва, появились в результате неоднократных ее ремонтов в течение предполагаемого длительного функционирования постройки. Возможно, дальнейшее исследование этого помещения прольет свет на особенности его планировки и последовательность перестроек. По указанному шву проходит граница между пом. 5А и пом. 5Б. Толщина стены за ним 1,8 м. Она сложена из кирпича 50×25×9 см, ряды которого перемежаются со слоями пахсы толщиной 10—15 см. Стена такой толщины с подобной кладкой выглядит очень архаично. В стене, примерно в 6 м от прослеженного шва, есть проем, выходящий во дворик. Ширина этого прохода 1,1 м. Он был облицован кирпичами среднего формата. Кладка кирпича — плашмя. Проход, очевидно, имел арочное завершение. За проходом стена тинется еще на 6 м и поворачивает на юго-восток. В дальнейшем изучение этого помещения будет продолжено.

К наружному фасу стены пом. 5Б, с обеих сторон от прохода к ней приставлены кирпичные массивы, которые, как нам представляется, появились в результате многочисленных обкладок и пристроек. Кирпичный массив с северо-восточной стороны прохода приставлялся к конструкции, относящейся к пом. 2. Эта конструкция — его торцевая стена, возведенная из блоков пахсы высотой 1 м и разделенной слоями кирпича. Она в свою очередь пристроена к описанной выше стене пом. 5Б. Пахсовая стена имела угол с выемкой, к которому приставлялись отрезки стен вдоль нее. К ее торцу тоже пристроено несколько рубашек. Очередность обкладок видна по наклону швов между ними. В итоге образовавшийся высокий массив, вероятно, являлся продолжением второго этажа пом. 2. На второй этаж, вероятно, попадали именно с этой стороны и, возможно, по приставной лестнице, так как остатков стационарной не обнаружено.

Многочисленные остатки предметов быта, найденные при расчистках рассматриваемого объекта по его верхнему полу, свидетельствуют о том, что на последнем этапе обживания помещения его использовали под жилье и частично для хозяйственных нужд. Так, здесь найдены фрагменты столовой и кухонной посуды, характерные для караханджского периода XI—XII вв. Эту дату подтверждают стельные находки монет. Обкладка почти всех внутренних стен постройки сырцовым кирпичом одного формата, несомненно, относится к ее последнему строительному периоду и, судя по всему, является одной из характерных его черт. Основа же всей постройки, бесспорно, более древняя.

На основании проведенного исследования можно утверждать, что юго-восточную часть раскапываемого объекта соорудили первой и к ней постепенно пристраивали остальные помещения. Двухэтажная галерея и квадратное в плане пом. 3 с расположенной напротив его входа нишей указывают на определенную монументальность, подчеркнутую предполагаемым выносом стен с обеих сторон от входа в эти помещения. Возможно, перед входом имелось айванное плоское перекрытие, что в этом случае делало бы похожим данную планировку на планировку небольшого храма, аналогичного известным по Пянджикенту. Предположение это, вероятно, найдет подтверждение только в результате дальнейших раскопочных работ, которые помогут высветить и его датировку.

В результате проведенного археолого-архитектурного обследования можно сделать вывод, что двухэтажное помещение и анфилада из двух северо-западных комнат имеют по крайней мере два крупных строительных периода, делящихся в свою очередь на несколько этапов. Юго-восточная часть сооружения — более ранняя. Осмотр ее указывает по крайней мере еще на два периода, предшествовавших строительству северо-западной части. Таким образом, в постройке — четыре основных строительных периода, последний из которых относится к XI—XII вв. н. э.

ШАХРИСТАН-III. РАСКОП 12

Археологические работы на городище затрагивают и его фортификационные сооружения. Исследования оборонительной системы дают много разнообразных сведений по истории города, начиная от архитектурно-строительных приемов и средств до военно-тактических вопросов того или иного периода. Фортификационная система является своеобразным индикатором на военные новшества и социальные сдвиги. Следует также учитывать

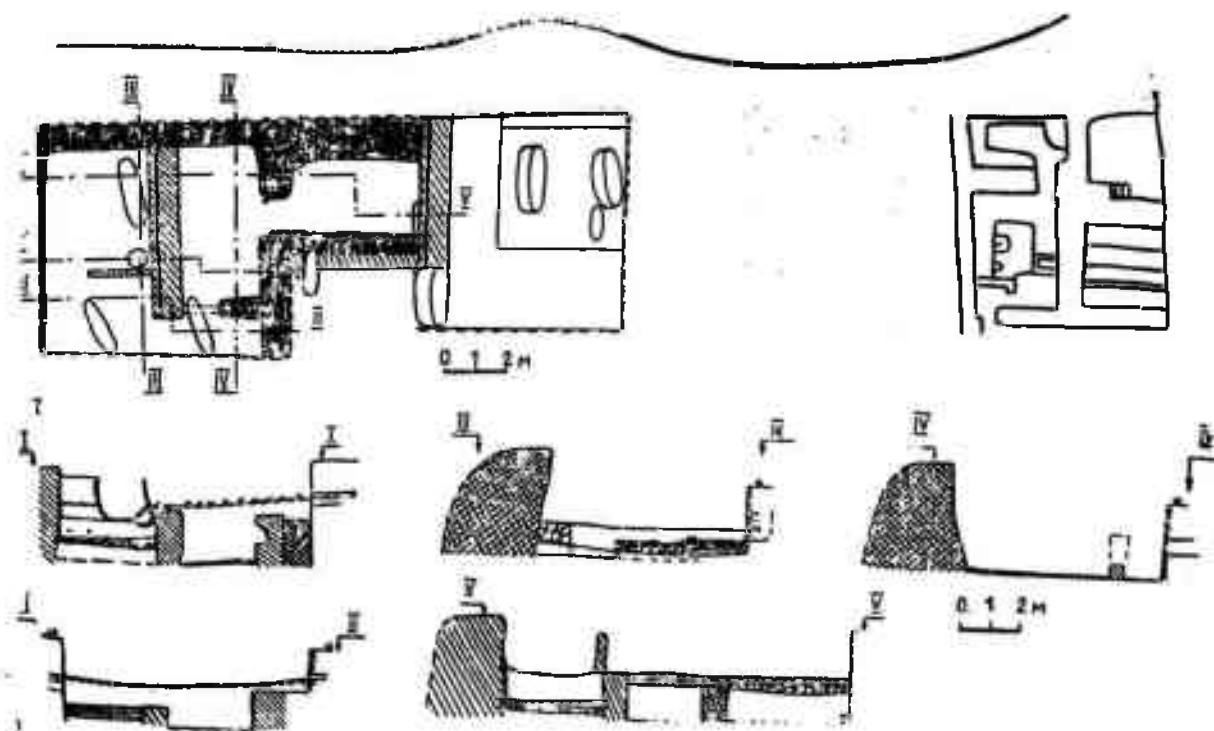

Рис. 29. Канка. Шахристан-III. Раскоп 12. План и разрезы.

огромную затрату средств и труда на возведение и поддержание сооружений в постоянном порядке.

Анализ собранных данных показал, что для поры раннего и развитого средневековья система обороны во многом отрывочна и неясна. Все это обусловило проведение археологических работ в юго-восточной части шахристана-III, где еще в прошлые годы некоторые раскопки затрагивали крепостные сооружения (Абдуллаев, 1975, с. 128—131). P-12 расположен к северу от P-7 и состоит из двух площадок. Южная площадка вытянута с запада на восток (общая площадь около 400 м²) и включает участок крепостной стены с прилегающей городской застройкой. Вторая площадка расположена на 10 м севернее (в дальнейшем предполагалось объединить эти участки). Ее площадь 100 м², она вытянута с севера на юг.

Верхний строительный горизонт представлял собой обрывки жилой застройки и следы ремесленного производства VII—VIII вв. Этот и последующие горизонты сильно потревожены небольшим кладбищем. Все погребения однотипны. Первоначально в грунте (культурном слое) рылась яма длиной до 2 м, затем на глубине 60—70 см в ее южной стене делалось щелевидное углубление (подбой),

по длине соответствующее протяженности ямы, при ширине 35—50 см. В разрезе такая яма получилась подтреугольной формы. После захоронения подбой закладывали поставленными на попа или под небольшим углом сырцовым кирпичом (42×19—20×8—9 см). Располагались могилы в шахматном порядке. Лишь в одном случае в могильную яму (но не в подбой) совершили захоронение ребенка 4—5 лет. Основным датировочным материалом в связи с отсутствием сопутствующего материала послужил формат кирпича, характерный для построек VIII—IX вв.

В процессе дальнейших работ выявлен внутрстенный коридор и башня (рис. 29). Первый прослежен на 4,25 м. Ширина коридора 2,4 м. С севера он соединяется с башней, с юга продолжается дальше. Западная стена сложена из крупноформатного сырца светло-коричневого цвета. Кладка грубая, своеобразными блоками. Ширина первого 1,75 м, второго 1, третьего 0,42 и четвертого 0,73 м. Сохранившаяся высота стены 2 м. Подобный прием кладки стены из сырца блоками характерен для строительного горизонта IV—V вв. Восточная стена также сложена из сырца, кирпич коричневатого и светло-желтого цвета. Из-за толстых (до 10—8 см) прослоек глиняной промазки создается впечат-

ление кладки вразбежку. Сохранившаяся высота ее 2,25 м. В нижней трети стены есть еле заметный внутренний уклон. С высоты 1 м от уровня пола производится кладка с напуском кирпича во внутрь помещения. На высоте 2 м (от уровня) напуск становится заметнее и составляет уже 20 см. Видимо восточная стена переходила в сводчатое перекрытие, опиравшееся на западную стену (принцип ползучего свода). Кирпич 47—48×24×10—11 см. Стена покрыта саманной штукатуркой толщиной 0,6—1,5 см. В коридоре зафиксировано три уровня пола. Верхний, покрыт камышовым тленом толщиной 2—2,5 см. Прослойка белого цвета с рыжевато-желтым основанием. Второй уровень расчищен на 4 см ниже и связан с тонкой рыхлой белой прослойкой растительного происхождения. Третий уровень — плотный, желтоватый, почти по всей площади покрыт темно-серым налетом. Находок почти нет. Причем мало не только фрагментов керамики, но и костей животных, находки которых характерны для бытовых помещений. В нижней части коридора частично удалось вскрыть возвышение вдоль западной стены — суфа (?), сложенная из сырца 47—48×24×10 см и стоящая на втором уровне пола. Высота суфы 40 см, ширина 1,05 м. Скорее всего это суфа-лежанка, служившая для отдыха воинов.

При зондаже восточной стены почти в центре помещения обнаружили заложенную на последнем этапе и замазанную штукатуркой полуциркулярную нишу. Глубина ниши 45 см, высота 58 при ширине в нижней части 61, в верхней 21 см. В нише, видимо, служившей для установки светильника, расчищен слой с мелкими угольками. Штукатурка ниши на высоте 16—18 см несет следы копыт. Одновременно выяснилось, что стена с нишей является обкладкой другой сырцовой стены и фиксирует один из этапов перестройки внутрисконного коридора.

В северной части коридор соединялся с башней почти квадратной (6,4×6,7 м) формы. Восточная стена сложена из пахсовых блоков, ширина ее 0,9—1,1 м, высота 1,1 м.

Северная стена сложена из сырца коричневого и желтого цвета (50—51×25—26(28)×10—11 см). Толщина промазки достигает 4 см. Изнутри башня на 0,6 м выступает по отношению к внутрисконному коридору. Поскольку с внешней стороны крепостная стена имела заметный откос, книзу такой выступ увеличивался.

В южной стене сделан проход шириной 0,9 м. Восточная часть южной стены пахсовая, западная кирпичная. На уровне пола у северо-восточного угла прохода расчищена

лунка диаметром 13 см и глубиной 17 см. Видимо, это гнездо-ямка от штыря массивной двери, закрывавшей башню. Дверь, кстати, открывалась вовнутрь, так как в западной части коридора угол на 20 см отступает от линии порога. Кроме того, зондаж стен показал, что на этом участке западная стена коридора составляет единое целое с южной стеной башни. В ней расчищена крупная ниша, схожая с нишей из коридора (рис. 30, а).

В один из периодов башню перегородили стеночкой, вытянутой с запада на восток, на две части. В результате южная половина, обведенная с запада и севера перегородкой толщиной в 0,55 м, превратилась в прямоугольную (4,9×2,5 м) комнатку. Стена-перегородка сохранилась на высоту 1,5 м. Сложена из кирпича 50—51×25—26×10 см. Позже с северной стороны ее обложили ремонтной обкладкой в один кирпич и толщина стены стала 0,8 м (рис. 30, б).

Уровень пола в помещении неровный, слегка понижается к западу. Верхний уровень желтовато-серый с белесыми вкраплениями. Местами обнаружен камышовый тлен. Ниже расчищен еще один уровень пола с мелкой (от 1 до 3 см в диаметре) галькой. Отсюда же происходит фрагмент лезвия тонкого длинного ножа и находки бытовой керамики (хума, горшков, сковородки, светильника).

Выход из южного помещения сделан в северо-западном углу. В пол была утоплена 20-сантиметровая деревянная плаха порога. Проход соединял это помещение с небольшим узким коридорчиком. В юго-западном углу коридора также сделан выход.

Второе (северное) помещение (4,3×3,5 м) функционировало дольше первого. Причем длительное функционирование помещения сказалось в более интенсивном накоплении культурного слоя. Почти в центре помещения около стены перегородки находился очаг. Для этого использовали верхнюю часть хума (опрокинув ее венчиком вниз). Высота такого очага 16—18 см, диаметр 62 см. С юга очаг почти примыкал к перегородке шириной в один кирпич.

Отметим немаловажную деталь — ни в коридоре, ни в башне бойницы не обнаружены. Из этого можно сделать следующий вывод. Нижний этаж башни был жилым, верхний — боевым. Причем столь слабое выступление башни за пределы крепостной стены, видимо, объясняется сильным выдвиганием верхнего этажа относительно крепостной стены, как это показано на анжковском серебряном блюде со сценой осады замка (Даркевич, 1976; Нильсен, 1968). В пользу этого говорит сплоско переделки помещения, разделения его

на три комнаты с использованием лишь внутреннего пространства нижнего этажа башни.

Находки из помещения и коридора немногочисленны. С уровня пола сняты фрагменты крупного хума. Диаметр венчика 57 см, толщина стен 2 см. В результате резкого перегиба стенки при формовке горловины венчик приобрел клювовидную форму. Нижняя треть его внешней грани украшена широким желобком. Черепок в изломе коричневатокрасный, плотный. Несмотря на грубую форму поделки тесто хорошо промешано. С внешней стороны сосуд покрыт светло-серым ангобом. Хум легко находит аналогию среди керамического комплекса Р-1 (V—VI вв.).

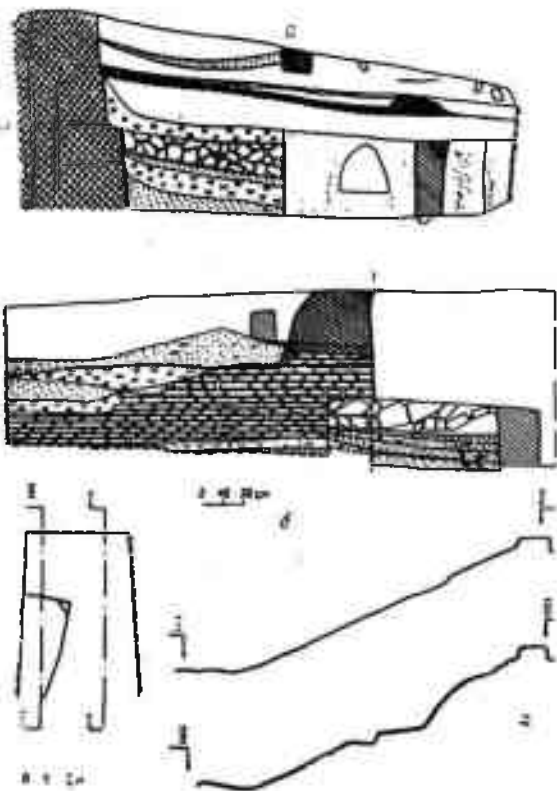

Рис. 30. Канка. Шахристан-III. Раскоп 12:

1 — развертка южной стены башни; 2 — развертка северной стены башни; 3 — внешний профиль крепостной стены.

Любопытна находка фрагментированного дастархана на ножках. Диаметр столешницы 42 см, толщина до 3 см. Черепок плотный, желтоватый. Тесто с примесью песка и мелкоотделенного ганча. Столешница с обеих сторон покрыта светло-серым ангобом. Нижний край столешницы оформлен в виде еле заметного бортика-валика. Ближе к краю посажена коническая ножка высотой 5 см и плоским основанием, в котором, видимо, для

лучшего скрепления сделало три глубоких пальцевых вдавления. Среди керамики с уровня пола мало фрагментов крупных кувшинов и хумов. В основном это столовая посуда. Небольшие горшковидные сосуды, кувшинчики (диаметр венчика 14—16 см, высота 20—30 см), кружки. Характерны вытянутость формы с плавным переходом плечиков и отностительно высокой горловиной.

Ярким примером парадной столовой посуды служит фрагмент венчика небольшого тонкостенного горшочка. Диаметр последнего 12,5 см, толщина стенок 0,4—0,3 см. Венчик невысокий, прямой. Горловина не выделена, плечики покатые. Черепок в изломе желтоватого цвета. Отмучка тонкая, хотя в тесте попадаются и грубые добавки комочков шамота. Черепок плотный. Ангоб отсутствует. Стенки заглажены. По периметру венчика с внешней стороны сделан мазок красно-коричневой краской, от которого отходят небольшие потеки.

К этой же категории посуды примыкает группа фрагментов чаш с плоским дном и коническими стенками с резким перегибом в средней части. Диаметр венчика 16—19 см, донца 7—8, высота до 6 см. Два фрагмента разных чаш покрыты коричневатокрасным ангобом и заглажены горизонтальным лощением. В одном случае нижняя часть донца получила темно-коричневую окраску ангоба. Видимо, это результат обжига, когда чаши вставлялись одна в другую (стопкой).

Другой фрагмент донца чаши (диаметр 8 см) без ангобного покрытия, но с заглаженной поверхностью светло-коричневатого цвета был украшен с внешней стороны концентрическими линиями. Перегиб стенки выделен специальным желобком. По-видимому, чаша имитировала металлическое изделие (об этом говорит четкая проработанность формы, как бы чеканность, заглаженность поверхности сосуда до тусклого блеска). Возможно, светло-коричневый цвет имитировал серебро.

Любопытен фрагмент чаши (диаметр венчика 22 см). Чаша с коническими стенками, плавно сужавшимися к донцу. Характерно выделение венчика специальным желобком. Ангоб отсутствует, с внешней и внутренней сторон сосуд заглажен.

Плоскодонные, тонкостенные миски-чаши с перегибом стенок в средней части широко представлены в керамических комплексах Ташкентского оазиса с III—IV вв. н. э. вплоть до VII в. н. э. (Крашенинникова, 1960, с. 153, рис. 6; Древний Ташкент, 1973, с. 27—28, рис. 5, 6—8).

В большом количестве выявлены фрагменты жаровен. Обычно диаметр их около 40 см.

По краю плоского диска проходит бортик, высотой 3,5 см, прямой или слегка отогнутый наружу. Черепок в изломе розоватый или красно-коричневый. Тесто грубое, слоистое, с сильной примесью шамота.

Отметим находки двух сильно фрагментированных курильниц (или светильников) на круглой ножке. Ножка расширяется книзу и имеет плоское основание. Высота первой курильницы 4 см, диаметр основания 5,6, диаметр стержня ножки 2,7 см. Чаша резервуара сохранилась не полностью, но она явно конической формы. Черепок в изломе темно-серый, слоистый из-за сильной примеси мелкого песка, рыхлый. Ангоб отсутствует. В резервуаре сохранились следы горения, кроме того, сама ножка (сверху до половины) тоже покрыта копотью.

Вторая курильница — лепная, на короткой цилиндрической ножке с плоским основанием, диаметр 9 см. Сохранившаяся высота сосуда 4,6 см. Черепок в изломе серо-коричневатый, рыхлый из-за крупнотолченного шамота. Отмучка грубая. Ангоб отсутствует, с внешней стороны черепок тщательно сглажен. Сохранившаяся часть резервуара не позволяет судить о форме; скорее всего он был конический. Подобные светильники-курильницы характерны для Ташкентского оазиса V—VI вв. (Левина, 1971, с. 182—183).

Таким образом, вскрытый внутрстенный коридор и башня по материалу датируются V—VI вв. Отметим бытовой характер находок.

Несколько позже южное помещение и внутрстенный коридор были заложены, северное помещение и коридор в башне продолжали функционировать. Из закладки происходят несколько интересных находок. Из нижнего ряда — донце небольшого сосуда диаметром 4,7 см. Сосуд тщательно вылеплен от руки. Ангоб отсутствует. С внешней стороны сосуд заглажен. Вся внешняя сторона, включая донце, покрыта строчками скорописи. Надпись сделана тушью, плохо читаема ввиду стертости. Это первая находка в Ташкентском оазисе остракона с согдийской надписью. Возможно, это черновик письма или хозяйственный документ. В. А. Лившиц сумел разобрать отдельные буквы и слово «Малик».

Отсюда же происходит трехлопастный, черешковый, железный наконечник стрелы. Сохранившаяся длина 8 см, из них 4,7 — черешок, округлый в сечении, к основанию боевой головки слегка расширяющийся, лопасти сохранились на высоту 1 см. В основании боевой головки есть небольшой уступ, характерный для наконечников V—VII вв. (Литвин-

ский, 1965, с. 84). Возможно, наконечник представляет собой экземпляр варианта стрел, когда процесс выделения муфточки только начался.

Анализ собранных данных по изучению крепостных стен Канки показал, что вскрыты следы двух последовательно сменивших друг друга оборонительных систем. Первая из них представляла собой мощную крепостную стену шириной не менее 7 м, внутри которой был устроен коридор шириной 2,4 м со сводчатым перекрытием. Свод галереи выложен кирпичом внапуск с восточной стены на западную (т. е. с внешней стены во внутрь городища). Возможно, это делалось для того, чтобы при обстреле стен камнеметами завал стен проходил не наружу, а вовнутрь. Несколько уровней полов свидетельствует об интенсивном и длительном использовании коридора, внутри которого были даже суфы-лежанки. Их могли использовать не только для отдыха, но и для раскладки боезапаса, воды и продуктов.

Аналогичное устройство дает разрез крепостной стены (P-1) шахристана-1. Только внутрстенный коридор был шириной 2,3 м. Толщина внешней первоначальной стены 3,25 м, внутренней 2,9 м. В V в. внутренний фас стены увеличили и его нижняя часть получила наклонную ступень высотой почти 2 м с откосом в 45—50°. Коридор — двухъярусный. Позже он стал члениться стеночками на отдельные отрезки (отсеки). К VI в. нижний ярус коридора забутовали.

Керамический материал позволяет датировать внутрстенный коридор крепостной стены шахристана-III V—VI, VI вв., хотя строительство самой стены относится к более раннему времени. Расположенная рядом башня — почти квадратной формы. На одном из этапов внутреннее ее пространство перепланировали. Башню встроили в тело стены, и она вышла за линию стены не как обычно на две трети или наполовину, а лишь на 60—70 см. За счет откоса стен это выступание к низу стены, видимо, увеличивалось до 3 м. Аналогичное устройство имеют башни на крепостной стене шахристана-I (P-1) в V—VI вв. Возможно, эта конструктивная особенность позволяла обстреливать подошву стены, но препятствовала ведению флангового огня. Все это вынуждало увеличивать количество башен путем размещения их через 8—9 м.

Необычны размеры внутрибашенного помещения — 6,4 × 6,7 м в одном случае, 6,4 м — в другом, тогда как традиционно эти комнатки не превышают 2—3 м. Видимо, башни (или часть из них) носили жилой характер, о чем свидетельствует наличие пола с камеш-

ками и центральным прямоугольным очагом, углубленном в пол (P-12) (рис. 31, б). Кстати, здесь же на полу зафиксированы остатки камышовых циновок. В другом случае (P-7, восточная площадка) по периметру стен внутрибашенного помещения устроены суфы. Скорее всего башни были двухэтажными, где нижний этаж был жилой, а верхний представлял собой боевую площадку. В пользу этого говорят следы углубленных в пол мощных деревянных колонн (рис. 29).

Такое частое размещение башен соответствовало требованиям активной обороны, предусматривавшей большое количество лучников, расположенных на разных уровнях стены (Лериш, 1986, с. 52). Однако бойницы не обнаружены ни в башнях, ни во внутристенном коридоре. Значит основной обстрел противника вели с верхнего яруса.

По-видимому, это явление отражает общую тенденцию — отказ от обстрела через многочисленные бойницы и переход к обстрелу только с верхнего яруса, получившего широкое распространение в Средней Азии в V—VI вв. (Семенов, 1985, с. 17).

Такой тип фортификационных сооружений подразумевает активную оборону, направленную прежде всего на отражение фронтальной атаки с использованием в качестве дальнебойного оружия луков. Последнее, как уже отмечалось, требовало большого количества защитников. Однако развитие военной техники и тактики выдвигало другие требования.

Работы на крепостной стене шахристана-III, анализ разрезов шахристана-II позволяют уточнить характер обороны для VII—VIII вв. Отметим тенденцию к увеличению объема стены. Производится полная реконструкция системы обороны. Внутристенный коридор и башни полностью забутовываются. Стена берется в «рубашку», в связи с чем примыкающие к крепостной стене помещения также забутовываются (P-12). Линия крепостной стены несколько выдвигается (P-1, P-12), т. е. усиливается механическая прочность крепостной стены за счет увеличения толщины основания. Сохраняется верхний ярус обстрела, кроме того, открывается ход сообщения со стороны городища. Старые башни закладываются, иногда на их месте или чуть в стороне возводятся новые. Точнее, это открытые боевые площадки, возвышавшиеся над линией стены на высоту до 2 м. В то же время они сохраняют две особенности старых башен: во-первых, прямоугольность формы; во-вторых, выдвижение за линию стены всего на 0,7—0,8 м. Кстати, в VI в. в Пянджикенте округлые башни сменяются прямоугольными, что означает начало господ-

ства этого типа в Самаркандском Согде (Семенов, 1985, с. 18). Такие узлы обороны располагались на расстоянии 12—15 м друг от друга. Их обрамляли парапетом из сырца, защищавшим воинов от обстрела. В одном случае такой узел имел две боевые площадки — нижнюю и верхнюю, на которой устанавливали камнемет. На P-12 такая площадка возвышалась над стеной на 1 м и защищалась с трех сторон невысоким парапетом (рис. 31, а). Видимо, это делалось специально, в связи с применением боевых метательных машин, которые должны были иметь свободный радиус обстрела, производя и фронтальный, и фланговый огонь. Кстати, здесь же почти на поверхности найдены четыре окатанных гальки весом 0,8 кг, 1,5, 1,6 и 1,8 кг. Возможно, что часть боевого запаса для камнемета типа «онагр».

Такое же устройство показывают разрезы стены шахристана-II, возникшего в VII в. (Буряков, 1975, с. 34). Характерно, что поставленная на этом новом рубеже трапециевидная в сечении стена лишена башен и бойниц, но венчает ее боевая линия с парапетом и специально выделенными узлами обороны.

Все говорит о том, что в этот период изменяется сам принцип обороны — отказ от равномерного распределения защитников по периметру стен и концентрация их на определенных участках (боевых площадках). Возможно, именно этим вызван отказ от обстрела через многочисленные бойницы и выделение на крепостной стене отдельных узлов обороны, мощь которых значительно увеличилась за счет концентрации воинов и массового использования метательных машин, широко применявшихся во время войн с арабами. Косвенное упоминание о традиции изготовления среднеазиатскими мастерами камнеметов приводится в истории Ат-Табари, когда к одному из организаторов войска ал-Кирмани Мукатия б. Сулейману пришел один из бурхарцев и потребовал плату за установленный им камнемет (манджаник).

Как отмечают исследователи, в крепостной архитектуре Согда происходили схожие явления. Для VI—VII вв. характерно изменение профиля крепостной стены: уменьшение плотности обстрела через бойницы и усиление механической прочности крепостной стены за счет увеличения толщины основания (Семенов, 1985, с. 21).

Иными словами в развитии фортификации происходит как бы виток — используется традиционный для Востока (начиная с эпохи эллинизма) (Лериш, 1987, с. 69) принцип сочетания массивной стены с ее пассивной обороной, могущей противостоять таранам и кам-

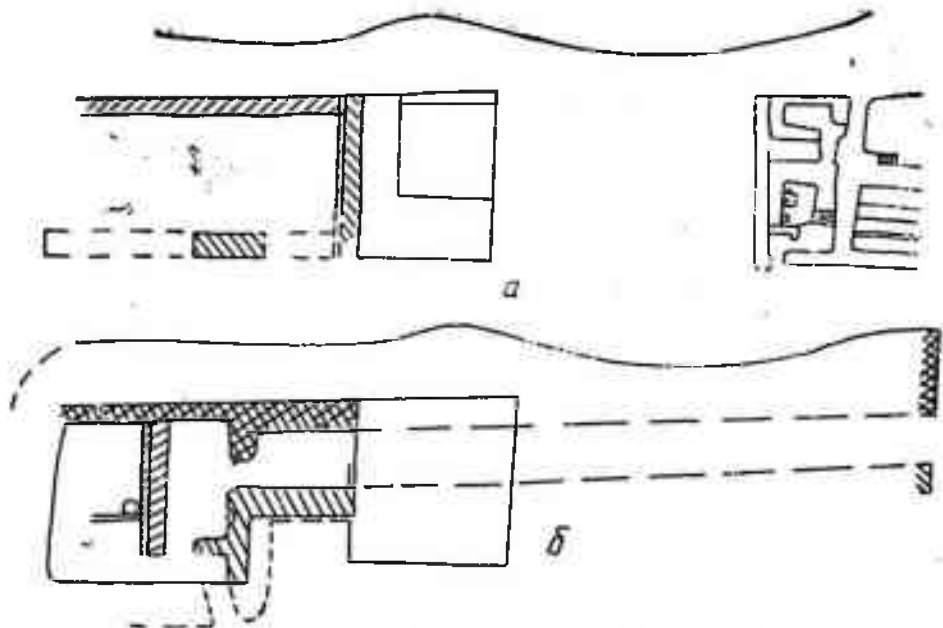

Рис. 31. Кавка. Шахристан-III. Раскол 12. Планы вскрытия отдельных участков обороны:
а — VI—VII вв.; б — V—VI вв.

неметам, но уже с элементами активной обороны, когда вместе со сплошной линией выделяются отдельные, более укрепленные узлы обороны.

РАБАДА⁴

В процессе археологических наблюдений и сбора подъемного материала выяснилось, что юго-восточная и восточная части рабада стали складываться еще в доарабский период (материалы шурфов № 9—11), тогда как южная часть обживалась слабо: здесь, видимо, находились сады и поля. Полученные из ш № 12, ш № 13 комплексы датируют культурные слои XI—XII вв. (рис. 32), материалы раннесредневекового периода встречаются лишь в перебресе. После осмотра распаханных участков в юго-западной и западной частях рабада найдены монеты древнечачского и караханидского чеканов. Для выяснения характера обживания этой части в 200 м к югу от юго-западного угла шахристана-III заложили разведочный шурф (3×3 м). Шурф показал отсутствие каких-нибудь архитектурных остатков. Глубина пахотного слоя с разновременными находками 40 см. Ниже на 60 см прослежен слой серого цвета, рыхлой

структуры с включением мелких фрагментов керамики. Возможно, это древний пахотный слой. Его подстилает тонкий слой с угольками, ниже которого фиксируется земля коричневого цвета с белыми соляными конкрециями. Это материковый слой, нижняя часть которого переходит в желтые лессовые отложения. Из древнего пахотного слоя происходят фрагменты котлов. В одном случае черепок в изломе красный, с большим включением мелких камешков, в двух других случаях желтый, в качестве примеси использован толченый кварц. Найдены также три фрагмента неполированного кувшинчика, одна медная монета, несколько фрагментов крупных сосудов V—VII вв.

В этой связи отметим находку недалеко от шурфа фрагмента крупного овального оссуария с плоским дном. Днище сохранило следы песчаной подсыпки. С внешней стороны сосуд покрыт светлым ангобом. С этого же участка происходит керамическая поделка в виде мужской головы, переданная сотруднику отряда Х. Арапбаевым. Общая высота головы 12,5 см при ширине 8—8,5 см. Тыльная сторона головы сильно пострадала, скол плоский. Лицевая сторона пострадала меньше. Черепок в изломе коричневатокрасный, слоистый. Тесто с примесью растительных добавок и крупнотолченого шамота. Обжиг недостаточный. Ангоб светло-серый. Объемно передана голова человека. Изображение вы-

⁴ Специальную публикацию материалов по рабаду см.: Бурияков Ю. Ф., Богомолов Г. И. Изучение средневекового Харашкета.

Рис. 32. Канка. Рабад. Отдельные находки.

леплено от руки, несколько схематично, но тем не менее живо переданы черты молодого мужчины. Лицо худощавое, скуластое, с небольшим острым выступающим подбородком. Глазницы переданы вдавлением больших пальцев рук гончара с последующей подрезкой ножом так, что в центре углубления получился округлый плоский выступ, середина которого в свою очередь проколота стеком. Наколка каждого глаза сделана немного под разным углом. Брови подчеркнуты линией, процарапанной стеком. Нос, видимо, был прямой, тонкий. Кончик его отбит. В основании носа наколкой стеком сделаны ноздри. Рот передан короткой горизонтальной линией (углублением) (рис. 32, 1). Стрелочки усов загнуты вверх и разделены тонкой горизонтальной линией. Правое ухо отбито и утеряно, левое сохранилось частично. Лоб низкий.

Почти на брови надвинут невысокий венец (или шапочка) с плоским верхом. В центре надо лбом помещена розетка в круге, под которой снизу сохранились следы полумесяца рожками вверх. Из-под него влево и вправо от розетки отходило по завитку валюты.

Характерна некоторая несимметричность лица (легкая кривизна носа, несколько большая правая глазница). Отчасти подчеркивают это стрелочки усов, у которых левый конец загнут вверх, а правый слегка опущен. Шея персонажа украшена налестной лентой, имитирующей, видимо, высокий стоячий воротник. Поверхность ленты украшена крупными, но короткими вертикальными насечками.

В целом голова передает образ молодого венценосного персонажа. Был ли это некий божественный образ или это индивидуальное изображение конкретного человека не ясно.

Характерно украшение венца медальоном с розеткой и полумесяцем, последнее было своеобразным символом зороастризма. Он служит атрибутом не только отдельных персонажей плакеток, но и венчает их композицию, украшает оссуарии. Возможно, канкинская находка — часть какой-то культовой статуэтки.

Подобна головке глиняного идола с Мугтепа (Таджикистан) в высоту 10 см, ширина ее 5,5 см. Удлиненная лобная часть скошена. Брови и нос переданы рельефом, рот и глаза углублением. В ушах — отверстия для украшений. Исследователи датируют ее V—VII вв. (Древности Таджикистана, 1985, с. 154). Интересна другая находка мужской головы из Закоттепа Регарского района Таджикистана. Высота головки 10,3 см, лепка и резьба произведены до обжига. Изнутри головка полая. Как считают исследователи, составляла часть какого-то изделия. Лицо широкоскулое, лоб невысокий, покатый, нос прямой. Рот приоткрыт. Усы переданы тонким валиком с косыми поперечными насечками. Глаза миндалевидные, зрачки не обозначены. На границе между лбом и волосами — волнистый налеп-змейка, изображающий диадему. Датируется IV—V вв. н. э. (Древности Таджикистана, 1985, с. 136).

Таким образом, находки из Таджикистана примерно таких же размеров, но отличаются манерой исполнения и передачей образа. Наиболее близок в этом отношении деревянный идол из Кухи Сурх, датированный исследователями VI в. У идола лицо с прямым носом и усами стрелочками, такой же тяжелый подбородок (Мухтаров, 1982, с. 15—20; Древности Таджикистана, 1985, с. 248).

Вероятнее всего, что головка из пригорода Канки — это навершие крышки оссуария, оформленное в виде антропоморфной фигур-

ки или головы. Подобные оссуарии, передающие образ бородатого или усатого мужчины, известны еще находками, сделанными в конце прошлого столетия. Аналогичные крышки есть в Таразе и Красной речке. Все они, как и находки из Самаркандской области, датируются VI—VIII вв. (Мешкерис, 1977, табл. XXXII).

Канкинская находка — подъемная. Однако качество ангоба, внутренняя фактура черепка позволяют предположить датировку в пределах V—VI вв. Не противоречит этому прием выделения зрачка наколкой. Отметим и одну любопытную параллель (отдаленную и в территориальном и в хронологическом отношении) с образом принца из Гераева рода. Та же посадка головы, невысокий лоб, широкие скулы, прическа. Хотя отличны головной убор и глаза персонажей. Тем более что образ принца реалистичен, конкретен, тогда как канкинская находка отражает обобщенный (утрированный) персонаж. Укажем не просто на близость, а и на возможные различные проявления искусства племен юеждийского круга. Интересна в этом отношении близость к ним изображения чачских правителей на монетах.

Таким образом, данные из шурфа и обследование территории позволяют предположить, что в период раннего средневековья здесь находились наусы с труположениями и оссуариями. Об этом свидетельствуют разрушенный колхозниками наус и остатки оссуариев, обнаруженные в поле. Наличие разновременной керамики в пахотном слое, неоднократные находки медных фельсов XI—XII вв., угольков ниже пахотного слоя говорят об обживании этой территории в период средневековья. Застройка, видимо, была неплотной, усадебного характера.

Глава II

ШАРКИЯ—БЕНАКЕТ—ШАХРУХИЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

К крупнейшим городским пунктам бассейна Среднего Яксарта относится городище Шаркия, структура и динамика развития которого значительно отличается от Канки. Памятник расположен на землях совхоза им. Се-

(рис. 33). Наиболее интенсивному разрушению Сырдарьи подверглась древнейшая часть памятника (территория 1). Вероятно, полностью уничтожено его укрепленное ядро — цитадель. Лишь в юго-западном углу

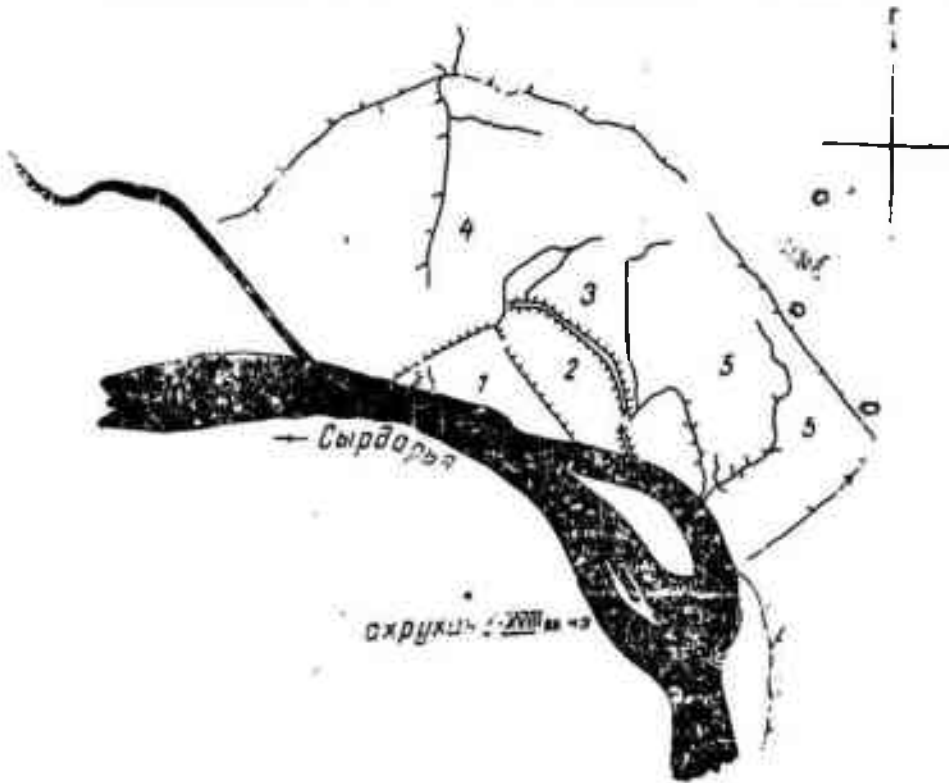

Рис. 33. Шахрухия. План.

гизбаева, на естественной лессовой террасе правого возвышенного берега Сырдарьи, в виде нескольких территорий, разделенных древними каналами, рвами и естественными саями, владающими в реку с севера и востока

сохранились незначительные остатки холма, возвышающегося над остальной территорией на 2—3 м и отделенного от нее сильно оплывшим рвом глубиной 1,5—2 м и шириной до 10 м. Является ли эта часть древнейшей ци-

таделью или это укрепление более позднего города, без раскопок решить невозможно.

Она — часть крупной площади ныне треугольной формы (шахристан), нависающей с севера над Сырдарьей. Длина ее коротких сторон 600×450 м. Длинный фас со стороны Сырдарьи — это неправильной формы разрез с мощными (до 14 м) культурными наслоениями, нависающими над рекой, не являющийся границей города. В разрезах — следы кладок из квадратного и прямоугольного жженого кирпича, глинобитных блоков, арка магистрального водопровода из жженого кирпича, уходящая под углом внутрь шахристана, следы многочисленных бадрабов. Отсюда извлечены монеты, среди которых интерес представляют медные монеты древнекачского чекана с портретом правителя влево на лицевой стороне и чачской тамгой и легендой на оборотной, найденные краеведами С. Ашировым и И. В. Печуркиным. Обрывается в Сырдарью и край городища длиной 450 м. Лишь противоположная реке сторона городища (длина 600 м) сохранилась полностью.

По нашему мнению, первоначально город имел (как и раннее ядро Канки — шахристан-1) квадратную форму размером 600×600 м, от которой к настоящему времени сохранилось менее половины. Над рекой эта территория возвышается местами более чем на 25 м, а с противоположной стороны до 10—40 м. Лишь в северном углу видны следы ворот. Вдоль северо-западного фаса его проходит русло Шаркияса, впадающего в Сырдарью. С северо-востока — понижение рва или дороги. Оборонительные стены по верхнему слою этой территории не прослежены, однако в разрезах они видны. С трех сторон, кроме южной, шахристан окружен пониженными площадями.

Наиболее интенсивно обжиты площади к северу и востоку от шахристана. К северу от него ров или дорогой отделена территория № 2 площадью более 20 га. С северо-запада вдоль русла Шаркияса она обнесена оборонительным валом со следами ворот в северном углу. Ворота выделены предворотными сооружениями типа бастионов. За пределами вала, рядом с северными воротами, поднимается отдельный холм овальной формы размером 25×30 м и по основанию и высотой до 8,5 м, из которых 4 м — естественное возвышение. Он занимает стратегически выгодное положение, контролируя и въезд в окруженную валом территорию и дорогу вдоль Шаркияса.

С северо-востока вал подковообразно окружает территорию вплоть до обрыва к Сыр-

дарье на востоке. Он производит впечатление единовременного сложного оборонительного сооружения, возводившегося с учетом местности. Высота его от уровня прилегающего рва 25—30 м, толщина по гребню 2—2,5 м, внутренний фас вертикальный, внешний с уклоном от 70 до 80°. Над куртинами, и округло и овално выступая за их пределы, на разных расстояниях друг от друга располагались 26 всхолмлений — башен. Внутри — всхолмления густой плотной застройки с водоемами и линиями улиц. В середине участка, прямо к северу от шахристана, выделяется территория размером более 2 га с горелыми пятнами печей, обломками керамического шлака. Это позволило предположить расположение здесь квартала ремесленников-керамистов. В восточной части площади, вдоль берега Сырдарьи, прослеживаются меднолитейные шлачки и зольные ямы, однако четких следов металлургических мастерских с поверхности установить не удалось. Из находок на этой площади интересен сероглиняный горшочек со штампованным орнаментом и симбокузача.

Вокруг вала — ров шириной 12—35 м, резко углубляющийся на восток и юго-восток к Сырдарье. С трех сторон от нее — северо-запада, северо-востока и юго-востока — гигантская территория, также когда-то обведенная стеной и рвами, площадью около 200 га. В настоящее время она значительно перепланирована и распахана. Однако в северо-восточной части удалось выявить остатки рва, разрушенного саем, прорвавшимся в период запустения города на его территорию и смывшего основную часть крепостных сооружений. Сохранились остатки четырех башен и соединяющий их вал оплывшей стеной. В разрезе одной башни расчищен кирпич $28 \times 14 \times 4$ см, типично караханидского стандарта. Примакающий к этой стене ров протягивается на северо-восток до 700 м. По краю этой территории, наряду с керамикой XV—XVII вв., всюду встречаются фрагменты керамики с зеленой глазурью, коричневой росписью по белому фону под бесцветной глазурью, обломки жженого кирпича караханидского стандарта, неполивная керамика.

Затем ров под прямым углом поворачивает на северо-запад. Здесь сохранность его различна. На северо-восточном отрезке его глубина доходит до 15 м, ширина до 50. Северо-западный участок в значительной степени засыпан и снивелирован, причем в засыпке — масса обломков сырцового и жженого кирпича прямоугольного караханидского стандарта, обломки керамики — изредка X в., чаще XI — начала XIII в. Ров продолжается до

1,5 км, затем поворачивает на запад до 800 м, где в местности Панчаб от него во внутрь города отделяется канал. Ров же, поворачивая на юго-запад, проходит до Сырдарьи. Окруженная ровом и, вероятно, стеной с башнями эта площадь может быть разбита на несколько разделенных каналами и различающихся функционально самостоятельных территорий.

Территория 3 к северо-востоку от территории шахристана представляет собой окруженное с трех сторон рвами небольшое всхолмление площадью около 10 га. Северо-западной его границей является Шаркиясай, восточной — верхний отрезок Бахорсаия.

В месте формирования этих саев у роши, носящей название Шамуркориовлия, находится мраморный намогильник со средневековой арабской надписью, видны следы разрушенного фундамента здания из жженого кирпича 25×25×4—5 см, вероятно, принадлежавшего мечети, построенной шейбанидом Абдулаханом I в начале XVI в. для шахрухинского ишана Шах Эмира Асадуллы. Тип мечети можно установить лишь после раскопок. Около нее выделяется несколько участков, окруженных валами и арыками. Вероятно, это семейные кладбища («кыдхона») знати, отделявшиеся друг от друга. К востоку от них, на площади между ровом, у подножия башен и Бахорсаем, выявлен общий некрополь, включавший не менее девяти крупных скопления могильных холмов, центром каждого из них был крупный курган, вокруг которого группировалось различное количество более мелких. К западу от них, вдоль правого берега Шаркиясайа до Сырдарьи, следы застройки с использованием жженого кирпича встречаются на площади до 100 га (территория 4). Однако они довольно разрежены: Рабад здесь носил не столько ремесленный, сколько подсобно-сельскохозяйственный характер.

Обширную территорию к северо-востоку от площади № 3, между Бахорсаем и Безмянным саем, ранее мы относили к сельской округе. Эта площадь (территория 5), вытянувшаяся полосой на более чем 80 га, также сильно санивелирована современной распаханкой. Лишь вдоль Бахорсаия на ней зафиксировано несколько полуразрушенных холмов, свидетельствовавших о мощности культурных наслоений до трех (а может быть и более) метров. Предварительно эту территорию мы связывали с эпохой XVI — началом XVIII в. Однако в результате обследования последних лет здесь, на распаханной территории, помимо остатков погребений в разрезах, выявлены следы керамического и стеклодувного произ-

водства в виде шлаков у лункообразных печей-тиглей. Особенно мощные следы стеклодувного производства с отвалами бракованной стекольной массы обнаружены на восточной окраине городища между Безмянным саем и Сырдарьей. Толща культурных отложений здесь составляла не менее 3 м.

В 1984 г. при работе механизмов близ берега Бахорсаия, в северной части этой территории, библиотекарь совхоза Б. Кадыров нашел и передал нам клад из 670 медных монет. При дальнейшей зачистке здесь обнаружено еще более 1300 экземпляров, т. е. общий клад более 2000 экз. монет XVI—XVII вв.

В 1986 г. здесь же найден уникальный клад из 819 прочтенных фельсов конца X в.¹, в числе которых 60 саманидских, 751 карахандская и 8 фальшивых монет чекана 315—392 г. х., однако основная часть 386—389 г. х. Монеты выпущены в нескольких городах, но если в саманидской части преобладал чекан столицы — Бухары, то в карахандском — безусловно монеты Илака и Ферганы. Все эти материалы позволяют характеризовать территорию 5 как крупную ремесленно-производственную часть Шаркии, а не как сельский пригород, как это нам представлялось ранее (Буряков, 1975, с. 28), и определить площадь городища с рабадами в более чем 350 га.

Интересный памятник привлекал внимание любителей истории и специалистов еще с прошлого столетия. В конце прошлого — начале нашего столетия анализ топографии и сопоставление с данными письменных источников позволили членам ТКЛА отождествить городище с руинами средневековой Шахрухии, построенной на Сырдарье Тимуром, и более ранним Бенакетом под ним (Смирнов, 1896, с. 134; Кастанье, 1913, с. 112 и сл.). Краткие сведения о нем по письменным данным приволил В. В. Бартольд (1963, с. 225—227, 484—485). В периодической печати неоднократно появлялись сведения о сносе культурных слоев памятника во время паводков водами Сырдарьи, открывавшими сводчатые галереи, скопления крупных и мелких сосудов и даже даже якобы свитков, рукописей. В руинах виднелись следы пожарниц и фрагменты керамики, монеты и стеклянные изделия.

И. А. Беляев сделал фото, а И. А. Кастанье снял первые планы, показавшие степень сохранности города к началу XX в. (Кастанье, 1913, с. 112—123). Несмотря на это, длительное время памятник не исследовали, что при-

¹ Монеты клада прочтены Б. Д. Кочевым.

вело к дальнейшему его разрушению. Разведочные раскопки были начаты лишь в 1973 г. Результаты стратиграфических раскопок первых двух лет введены в литературу с кратким историко-географическим и историческим очерком (Буряков, 1975, с. 14—30). Затем в 1977 г. в западной части шахристана был изучен магистральный водопровод, снабжавший город водами Сырдарьи, вероятно, с помощью водоподъемных систем. Водопровод арочной формы, выложенный жженым кирпичом $32 \times 16 \times 4$ см, с двумя крупными кубурными линиями уходил к центру шахристана. Прослежен на 29 м. Через определенные промежутки в него опускались также выложенные из жженого кирпича колодцы-люки.

С 1983 г. начались стационарные планиграфические раскопки, охватившие преимущественно территорию города поры развитого и позднего феодализма, не известную или трудную для изучения по другим памятникам городской культуры оазиса. Поэтому в основном они сосредоточены в рабаде Бенакета IX — начала XIII в., хисаре и пригороде города XIV — начала XVIII в. н. э. К северу от шахристана начаты раскопки квартала керамистов (раскоп 10), включавшего гончарные мастерские с производственными и жилыми помещениями, обжигательными горнами. В северо-западной части шахристана, вдоль северо-западного оборонительного фаса хисара, включая предвратный комплекс и отдельно стоящий за его пределами холм над Шаркиясем, а также по северо-восточной стене хисара заложены раскопы и разрезы для изучения фортификации Шахрухия. За пределами хисара, к северо-востоку от него, за рвом, поставлены стационарные раскопки сооружений крупного городского некрополя. Отдельные всхолмления могил отмечались здесь с начала 70-х годов (Буряков, 1975, с. 18), однако полностью его размеры выявлены только в 1986 г., когда была проведена полная съемка площади, а с 1987 г. начаты сравнительные исследования двух групп.

С 1983 г. проводится исследование рабада: к северу и востоку от Бахорсаз вскрыты отдельные ремесленные керамические мастерские (Буряков, Тихонин, 1981, с. 58—64), специальные сооружения — тагхоны, разрезы мастерских стеклодувов. Все эти материалы раскрывают новый этап истории города, особенно для поры развитого и позднего феодализма.

КВАРТАЛ КЕРАМИСТОВ [раскоп 10]

В 1983 г. на квартале гончаров были начаты стационарные работы. Первоначально

раскоп (P-10) имел площадь 20×6 м, впоследствии расширен до 250 м^2 . За период полевых сезонов 1983—1989 гг. вскрыто 26 разновременных горнов с производственными и подсобными помещениями, хозяйственными ямами, припасами гончаров и керамикой, позволяющей дать точную датировку комплекса. Границы существования квартала во времени довольно широки — X—XVII вв. Столь длительное существование и функционирование квартала обусловило уничтожение более ранних хозяйств или же их фрагментарную сохранность. Более поздние хозяйства постепенно уничтожались в процессе запустения города в период феодального кризиса, после длительных междоусобных войн представителей восточной ветви узбекских правителей. Особенностью квартала является его расположение на террасах, что составляет известную трудность для раскопок и исследования. Раскрытые печи неоднородны по форме, размерам, ориентации устоев и глубине расположения. Выделяется два основных типа.

Тип А наиболее многочислен на данном квартале. Представлен однокамерными двухъярусными печами. Форма печей — цилиндрическая. Организационно печь делится на два яруса с различной технологической нагрузкой: топочной и обжиговой.

Топочный ярус имеет глубину 60—80 см, выложен жженым кирпичом, размеры которого варьируют — $20 \times 13 \times 5$ и $15 \times 13 \times 7$ см. Кирпичи уложены плашмя на глиняный растгор. Внутренняя поверхность топки обмазана слоем глиняной штукатурки, толщина которого 0,5—1 см. Диаметр ее меньше обжигового яруса за счет специальной полочки-уступа, разграничивающей оба яруса. Полочка использовалась, очевидно, для обжига более громоздкой посуды.

Обжиговый ярус также цилиндрической формы. Он тщательно оштукатурен. По его внутренней окружности в 3—4 ряда располагаются отверстия для штырей, на которые устанавливали посуду для обжига. Расстояние между рядами отверстия 25—26 см, диаметр отверстий 6—8, расстояние между отверстиями одного ряда около 8 см. Наиболее распространенная высота печей данного типа 165—170 см. Перекрытие печи — купольное, так как во всех наблюдаемых печах четко прослеживается закругление верхней части стенок на купол.

Печи данного типа — наиболее распространенные на Шахрухиях. Различаются они только по высоте и диаметру камеры. Остановимся на характеристике некоторых из них.

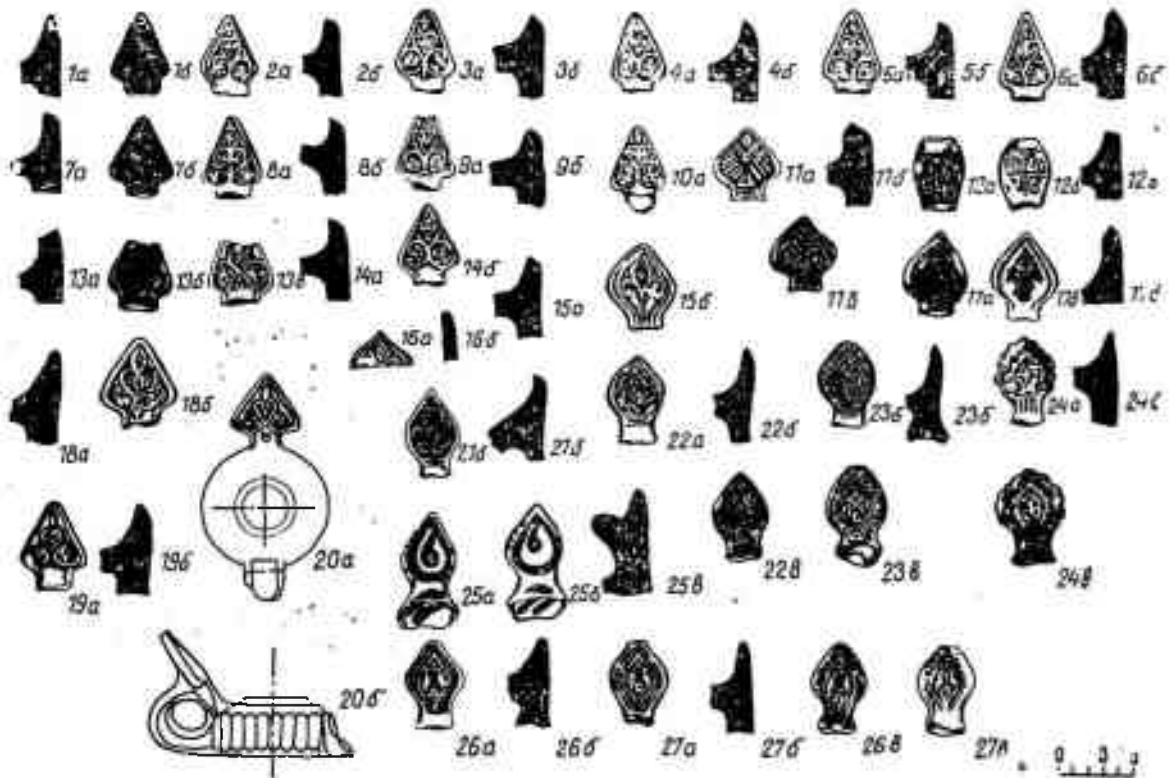

Рис. 34. Шахрухия. Квартал керамистов. Чираги XI—XII вв.

Печь № 6. Глубина ее 150 см. Диаметр топки 88 см, от обжигового яруса отделяется полочкой-разделителем. Ширина полочки 15 см. Дно топки выстлано слоем золы. Обжиговый ярус — цилиндр, диаметр которого 103 см. Выложен кирпичом $27 \times 14 - 15 \times 4 - 5$ см. В стенках яруса по окружности расположены в несколько рядов отверстия для штырей глубиной 12—14 см, диаметром 4—5 см. В процессе вскрытия полости печи на полочке обнаружено три небольших косы и дналы, покрытые глазурью сочного зеленого цвета. Около печи найдено большое количество изделий, составляющих припас керамика. Найдено свыше сотни керамических штырей и их обломков. Длина целых штырей до 25 см, диаметр 4 см. Вместе с ними найдены сепоя-треножки и керамические коромыслица.

Печь № 6 врезана в более раннюю печь № 7, сохранившуюся фрагментарно, но имевшую, очевидно, аналогичную конструкцию.

Печь № 8 находится в 5 м северо-восточнее печи № 6. Форма ее аналогична описанной выше. Диаметр равен 2 м. Выложена жженым кирпичом $19 \times 4 \times 6$ см. Топка и обжиговый ярус так же отделены друг от друга полочкой-разделителем.

Керамический материал этой печи широко представлен фрагментами чирагов, их петлевидных ручек и целыми сосудами-светильниками (рис. 34). Резервуар чирагов граненой формы, петлевидная ручка завершается пяточкой-налепом, украшенным штампованным орнаментом с изображением растительного или стилизованного зооморфного мотивов. Глазурь сочного зеленого или голубовато-зеленого (бирюзового) цвета. Интересны пяточки-налепы с изображениями обращенных друг к другу голубков. Аналогичное оформление пяточек встречается в археологическом материале Тараза (Сенигова, 1972, с. 135, 155—173).

Среди исследуемых печей комплекса особый интерес вызывают печи, встроенные одна в другую — № 10—13.

Печь № 13 округлой формы. Топочное отверстие выведено в северо-западную сторону. Диаметр печи 83×100 см (увеличен в сторону устья топки). Топка выложена жженым кирпичом $20 \times 13 \times 5$ и $15 \times 13 \times 7$ см. Кирпичи уложены на глиняный раствор плашмя. Толщина обмазки топочного яруса 1 см. Полочка-разделитель (ширина 17 см, высота 40 см)

также хорошо оштукатурена глиняным раствором толщиной в 1 см.

Обжиговый ярус печи сохранился наполовину. Выложен жженым кирпичом, размеры которого в сохранившейся части 14×5×6 и 19×4×6 см. В 27 см выше полочки-разделителя идут отверстия для штырей по всей окружности обжигаемого яруса. Расстояние между отверстиями, пробитыми прямо в кирпичах, 8 см. Весь обжиговый ярус тщательно оштукатурен, во многих местах сохранились фрагменты глиняной штукатурки, толщина которой доходила до 1 см.

Покрытие печи куполообразное, так как верхняя часть сохранившегося обжигового яруса закруглена на свод.

Описываемая печь имеет тамбур, вплотную подходящий к устью топки. Тамбур и топка разделены порошком в два кирпича. Размеры его 20×11×5 см. Высота устья 45 см, ширина средней его части 35, верхней 32, нижней 20 см. У основания тамбур имеет форму трапеции с несколько вытянутыми боковыми сторонами. Ширина тамбура у отверстия устья 65 см, у выхода к уровню пола, примыкающего к печи, 85 см. Длина тамбура около 1 м.

У выхода тамбура расчищена груда битой керамики (донца, венчики, фрагменты стенок сосудов), несколько бракованных фрагментов вперемешку со шлаком, песком, золой, кусочками прокаленной глины.

Все это продукты деятельности печи, которые перед очередной загрузкой гончар выбрасывал через устье в тамбур. При зачистке печи найдено большое количество глазурованной керамики, представленной как отдельными фрагментами, так и археологически целой посудой.

Обнаружено два почти полностью сохранившихся лягана, пиала, небольшая чаша. Из неполноценной продукции найдено большое количество сепоя, штырей различного диаметра и штырьков с коромыслицами. На многих припасах — следы глазурования в виде капелек и потеков зеленоватого цвета. Ляганы однотипные. Диаметр первого равен 27 см, второго 36 см. Черепок в изломе розоватого оттенка, тесто мелкопористое, хорошего вымеса. С двух сторон ляган покрыт светлым ангобом. С внутренней стороны под ангоб нанесен процарапанный орнамент из соединенных друг с другом завитков. Орнамент идет по всей окружности лягана, выше его придонной части, а сверху по бортику располагается узор в виде двух тоненьких полос. Глазурь оливкового цвета. Поверх основного фона в центре каждого завитка нанесены кап-

ли ярко-зеленого и зеленовато-коричневого оттенков. Глазурь полупрозрачная.

Пиала со слегка отколотым бортиком; диаметр ее 11 см, высота 5,3 см. Черепок — кремового цвета с незначительными порами. Светлый ангоб нанесен с двух сторон. Под ангобом по окружности придонной части пиалы процарапанная полоска. Изнутри пиала покрыта непрозрачной глазурью сочного зеленого цвета. Снаружи глазурь нанесена полосой по краям небрежным мазком с потеками.

Печь № 13 встроена в более раннюю печь № 12, имевшую больший диаметр. Пространство между печами заполнено рыхлым грунтом с фрагментами штырей, кусками битого кирпича. При дальнейшей расчистке печи № 12 выявлена сходная структура печей. Дальнейшие наблюдения показали, что при строительстве печи № 13 мастер использовал полочку-разделитель печи № 12, слегка нарастив ее на некоторых участках.

Печь № 12. Диаметр 143 см. Фрагментарно сохранился ее обжиговый ярус, по окружности которого идет несколько рядов отверстий 24—25 см. Топку исследовать не удалось, тамбур, видимо, использован при строительстве печи № 13. Печь № 12 в свою очередь врезана в более раннюю печь № 11. Расстояние между северными сегментами стен двух печей 40 см. Сохранность печи № 11 фрагментарная.

Печь № 11 врезана в печь № 10 большого диаметра, от которой сохранилась только сильно ошлакованная топка. В печи № 10 могли обжигать посуду большого диаметра — хумы, хумчи. Кусок стенки хума прилип к ошлакованной стенке печи и несколько отпал, кроме того, в заполнении печи найдено несколько фрагментов хумов, хумчи и т. д. Другой керамики не встречено. Более многочисленный материал для исследования удалось извлечь из печи № 18, врезанной в более раннюю печь № 19.

Печь № 18 хорошей сохранности; в плане цилиндрическая. Диаметр 138×152 см (в направлении к устью диаметр увеличивается). Обжиговый ярус и частично топка сложены из жженных кирпичей. В верхней части обжиговый ярус закругляется на купол. Высота обжигового яруса 103 см. По всей окружности печи в три ряда пробиты отверстия для штырей диаметром около 6 см. Расстояние между отверстиями в одном ряду 8 см. Отверстия пробиты двумя способами: между кирпичей и в центре целого кирпича. Расстояние между рядами отверстий 25—26 см. Ширина полочки-разделителя 18 см. Она хорошо

промазана глиняным раствором, толщина которого 1 см.

Вокруг обжигового яруса грунт прокален на 20 см. Дальнейшие зачистки показали, что полочка образована пятью рядами кирпичей, уложенных плашмя на глиняном растворе. Размеры кирпича 16×14×5 см. Сама же полочка-разделитель вырыта в лессе. Лессе сильно прокален. Юго-западная часть полочки опирается на подставку из кирпичей, три ряда которых уложены плашмя, верхний ряд торцом. Размеры кирпичей выяснить не удалось, так как для подставки, видимо, использовали битый кирпич. Скорее всего это ремонтная кладка-подпорка для полочки, расположенная рядом с отверстием выхода из топки в тамбур. Он оформлен в виде продолговатого отверстия, размеры которого в верхней части 28 см, в средней 50; высота отверстия 135 см. Загрузка керамических изделий и чистка полости топки могли осуществляться через данное отверстие. Дно изобилует фрагментами глазурованной керамики с желто-коричневой поливой. Все фрагменты лежат на слое золы.

Интерес представляет заполнение печи. В верхней части ее рыхлый грунт перемежается с многочисленными (ок. 250) фрагментами тонко- и толстостенных сосудов, большей частью неглазурованных. В основном это широкие ручки от узкогорлых кушаньев и фрагменты стенок сосудов. В заполнении ближе к полочке-разделителю найдены припасы керамики: ок. 50 фрагментов и целых сепоя, свыше 25 штырей, длина которых варьирует от 30 до 15 см. Различен и их диаметр — от 3,5 до 6 см. Кроме того, найдено большое количество коромыслиц длиной 15—20 см и диаметром 1—2 см, небольшая керамическая крышка с грибовидным навершием. Глазурованная керамика представлена фрагментами ляганов на кольцевидном поддоне с характерным узором: поверх поливы густого желтого оттенка коричневой краской нанесен рисунок в виде двух полос, между которыми расположен узор из чередующихся цифр «четыре» с капельками. В других случаях узор напоминает строенные капельки на длинных ножках и вытянутые зубчатые листики.

Найдена пяточка чирага густого коричневого оттенка, на пяточке штампованный узор в виде трилистника.

Таким образом, в целом для декорировки сосудов применялся растительный орнамент, однако встречаются и элементы геометрического. Цветовая гамма глазурованных сосудов представлена желтым, оливково-зеленым и коричневым тонами. Такая цветовая гамма характерна для Чача периода XII—XIII вв.

Конструкция печи № 19 аналогична встро-снкой в нее более поздней печи № 18, поэтому нет необходимости подробно описывать ее устройство. Остановимся лишь на заполнении. При зачистках печи № 19, помимо фрагментов глазурованной керамики, обнаружены необожженные сепоя, несколько штырей, фрагменты коромыслиц, 5—6 фрагментов необожженной керамики, покрытые раствором белого цвета с красновато-коричневыми пятнышками в виде точек. Вероятно, печь № 19 служила не только для обжига посуды, но и для подготовки припаса керамики.

В ходе раскопок и изучения группы печей типа А сделан ряд выводов. Во-первых, исходя из данных стратиграфии раскола все печи комплекса А можно отнести к третьему строительному горизонту, т. е. к периоду расцвета городища. Комплекс неполновинной посуды третьего слоя представлен двуручными широкогорлыми горшками, котлами с серповидными ручками, фрагментами хумов с высокой горловиной и фигурно оформленным венчиком.

Столовая глазурованная посуда по цветовой гамме выполнена в иной манере, чем керамика верхних слоев; несколько отличается и форма сосудов. Крупные сосуды — чаши, ляганы — имеют кольцевой поддон и стенки, расширяющиеся кверху с резким изломом в верхней трети.

У сосудов средних форм — коса также на кольцевом поддоне — стенки плавно расширены вверх. Мелкие пиалы по форме копируют коса. Глазурь и подглазурный рисунок резко отличаются от верхних слоев. Глазурь слегка желтая, зеленоватая или интенсивно-зеленая. Подглазурный рисунок в центре дна — растительный завиток — узел счастья, стилизованная розетка. Закрывы и стенки сосуда расписаны поясами, включающими повторенные благожелательный или подражание ему, растительными мотивами — завитки, побеги, иногда в сочетании с бубонами. Интересно воспроизведение в росписи арапанного орнамента. Полива иногда голубоватая, а орнамент рельефный, так что заполнение фона глазурью создает рисунок более интенсивного цвета. Цветовая гамма росписи — желтоватая, кобальтовая, зеленая в коричневых обводах. Рисунок иногда растекается. В целом орнамент близок к карахандским мотивам Чача, однако отличается большей огрубленностью, расплывчатостью тонов, резкими цветовыми сочетаниями желтого с зеленым и коричневым. Форма чаш более массивна, огрублена. Полобная посуда отмечена для Хорезма XII—XIII вв., юго-восточной ок-

руги Тараза XIII—XIV вв. н. э. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1986).

Исключение в данном комплексе керамики составляет только материал печи № 20, устройство которой в общем и целом соответствует описанным выше печам: печь в плане цилиндрическая, основание врыто в лесс. Сохранилась топка, выложенная жженым кирпичом с оштукатуренной полочкой. Топочное устье выведено в северо-западном направлении. Глубина топки 30 см. Полочка образована тремя рядами кирпичей, уложенных на глиняный раствор плашмя. Размеры кирпича $16 \times 15 \times 7$ и $16 \times 14 \times 6$ см. Ширина полочки 20 см. Полочка оштукатурена глиняным раствором толщиной 4 см.

В топочном ярусе на глубине 28 и 30 см зафиксировано два отверстия, вероятно, служившие для поддувки кислорода. Интересно топочное отверстие: оно расположено на уровне второго ряда кирпичей, образующих полочку, и представляет собой сужающийся к выходу конус. Диаметр отверстия у выхода 5 см, в топку оно расширяется до 30 см в ширину и 48 см в высоту. Отверстие оформлено при помощи штырей, установленных вертикально и перекрытых обломками кирпича и лежащих горизонтально кирпичей. Вся конструкция тщательно оштукатурена.

Обжиговая часть печи выложена из жженого кирпича $22 \times 5 \times 5$ см. На высоте 30 см от полочки стенки камеры начинают переходить в купол. В целом конструкция печи № 20 достаточно типична для комплекса.

Недоумение вызывает археологический материал печи, представленный находками фрагментов крупных кувшинов с массивной плоской ручкой, фрагментами ляганов на грубом дисковом поддоне, фрагментами тарелок с отогнутой наружу закраиной, покрытых неровным слоем серо-голубой поливы с просвечивающими дефектами черепка. Встречены также фрагменты тарелок с розовато-фиолетовой поливой. Керамика грубая, тесто с добавлением частиц крупнозернистого песка. Полива некачественная, цветовая гамма бедная, представлена в основном грязно-серым, грязно-розовым, грязно-голубым тонами или сочетаниями этих тонов.

Роспись нанесена черной и марганцевой краской и представляет собой пояс звездочкообразных знаков — басмы, листиков или чередования этих элементов. Данный комплекс керамики характерен для верхнего стратиграфического уровня городища и имеет широкие аналогии в Отраре (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1986, 1987). Вероятно, печь № 20 построили по типу ранних печей и использовали в XVII — начале XVIII в.

Интересна группа встроженных печей №№ 6—7, 10—13, № 18—19. С чем были связаны данные перестройки точно установить трудно. Возможно, сказались насыщенность производства и территориальная ограниченность: невозможность устройства печи в другом месте вынуждала гончара использовать плоскость печи либо исчерпанной своей возможности, либо построенной с каким-нибудь технологическим изъяном, не позволяющим эксплуатировать ее. Не исключена также возможность создания особого температурного режима за счет футляра опять-таки старой либо бракованной печи по технико-технологическому принципу (отдаленно напоминающему организацию мартевских печей). Эти и другие возможные объяснения требуют продолжения разработок, более тщательного анализа с привлечением данных этнографии и дальнейших работ на комплексе.

Выявлена некоторая специализация гончарных печей и связанная с этим проблема разделения труда внутри крупных мастерских, что хорошо известно по материалам археологических исследований домонгольских гончарных комплексов Средней Азии и Казахстана. Примером сказанному выше может служить печь № 8, связанная с массовым выпуском светильников-чирогов, фрагменты которых (свыше сотни штук) найдены и в самой печи, и вблизи нее.

К печи № 8 вплотную с юго-востока примыкала стена, вдоль которой шла полочка для сушки чирогов. Полочка образована сочетаниями кирпичей, поставленных на ребро и лежащих плашмя. Кроме чирогов, на полочках обнаружены многочисленные необожженные припасы керамики (сепоя, коромыслица, штырьки), видимо, готовые к обжигу.

Печи типа Б также широко распространены на данном комплексе. Время их функционирования дольше печей типа А. Печи типа Б — это двухкамерные конструкции, в которых топочная и обжиговая камеры разделены подом. Отмечено несколько вариантов планировки печей этого типа: а) большого диаметра с массивным подом куполообразной формы; б) с квадратным подом меньшего диаметра; в) с куполообразным подом меньшего диаметра с полочкой-уступом.

В 1983 г. в северной части раскопа обнаружены остатки разрушенной керамической печи, исследовать которую не представилось возможным. Значительно лучше сохранилась печь № 2 и 3.

Печь № 2, расположена в восточной части раскопа, относится к верхнему стратиграфическому

му уровню. Она двухъярусная, опущена в лесс. Диаметр рабочей камеры 244 см. Рабочая камера сохранилась в высоту на 8—10 см. Под рухнул. Глубина топки 145 см. Стенки оштукатурены глиняным раствором и сильно ошлакованы. Устье печи (ширина 60 см) четко сориентированное на север, представляет собой лоток, полого опускающийся к печке на глубину 70 см. По мнению Ю. Ф. Бурякова в качестве топлива использовалась трава, сгоравшая на лету и создававшая тем самым высокую температуру. На уровне пола, вплотную примыкающего к печи и проходившего в 6—8 см выше пода рабочей камеры, обнаружен обломок верхнего диска гончарного круга. Диск так же сформирован и обожжен. В заполнении печи найден керамический калыб в виде круглодонной чаши со сложным внутренним рельефом. С описанным выше уровнем пола связаны две ямы глубиной 20 и 80 см. При зачистке глубокой ямы обнаружено семь сложенных стопкой обожженных коса, готовых к росписи. Обломки необожженного готового к обжигу сосуда найдены на полу. Яма, пол и найденная посуда покрыты слоем горелого камыша и балок. Видимо, мастерская погибла при сильном пожаре.

Печь № 3 стратиграфически более ранняя, чем предыдущая. Расположена в 1,8 м юго-западнее описанной выше мастерской. Рабочая камера печи начинается с уровня пола и имеет цилиндрическую форму. Диаметр ее 180 см, высота сохранившейся части 35 см. Стенка рабочей камеры выложена жженым кирпичом толщиной 5—6 см. Внутренняя поверхность камеры оштукатурена глиняным раствором, толщина которого около 4 см. Под сложен из сырцового кирпича, положенного на ребро. Замок кладки треугольный, при подходе к наружным стенкам приобретает вид арки, затем граненую форму и постепенно переходит в круг. Размеры кирпича 27×25×4—5 см.

По граненому поясу печи проходит система из пяти жаропроводящих отверстий диаметром 10—15 см. Второе кольцо из шести жаропроводящих каналов расположено на самом краю круга. Расстояние между отверстиями внутреннего ряда 41—52, наружного 57—70 см. Отверстие дымохода овальной формы размером 32×12 см, покрытое слоем сажки, расположено напротив топочного отверстия.

Топочная камера печи округлая, диаметром 180 см, слегка завалена к куполу пода, возведенного асимметрично: он слегка смещен к северо-западу, так что расстояние от замкового кирпича до восточной стены 31 см, до западной 99 см.

С юга к печи подходит наклонный вход — приемник. Его длина 130 см, ширина от устья к камере от 40 до 80, высота в начале 90, у перехода к топке 180 см. Кирпичи кладки идут наклонно к плоскости стены.

К печи № 3 примыкает два уровня пола, связанные с ее функционированием. Более ранний уровень пола расположен ниже уровня печи № 2 на 174 см. Второй уровень возведен после ремонта печи (обкладка печи некрывает более ранний пол): Таким образом, по мнению Ю. Ф. Бурякова, ремонт печи сопровождался поднятием уровня производственных помещений. Около входа в печь расположена небольшая яма, опущенная в лесс с уровня пола № 1. Яма служила для сбора отбросов после чистки печи: заполнена золой, обломками шлаков из стенок топочной камеры.

Особый интерес представляет квадратная печь. Располагается она западнее печи № 3, имеет хорошо сохранившуюся топочную камеру и часть обжиговой. Размеры пода 1,5×1,4 м. Толщина пода 40 см. Топочная камера печи опущена в квадратную яму. Снаружи заметен небольшой (толщина 7—8 см) прокол лесса. Под ровный, хорошо оштукатуренный. В центре его расположено четыре отверстия, диаметр каждого 11 см. Вокруг них расположено еще восемь отверстий несколько большего диаметра — около 15 см. Вся поверхность пода снаружи красноватого цвета, что свидетельствует о большом проколе; изнутри на вскрытых стенках потеками расположен шлак. Из-за плохой сохранности полностью зачистить печь невозможно. Топочное отверстие ориентировано на юго-запад. Ширина и высота его по 60 см. Сильная ошлаковка стен, толщина прокала в лессе свидетельствуют об интенсивном функционировании каждой из этих печей.

В 1984 г. наряду с печами в центре раскопа вскрыто несколько помещений хозяйственного и производственного комплексов разных эпох. Наиболее четко сохранились три помещения, к которым примыкают несколько печей разного времени. Самое крупное из них — помещение № 3 — представляет собой прямоугольную комнату, служившую местом отдыха мастера-гончара. Размеры помещения 675×430 см, углами оно ориентировано по странам света. Стены помещения рахсовые с большими включениями фрагментов неполивной и глазурованной керамики. Сырьем для строительства стен служили местные глины и отходы гончарного производства, из которых делался замес. Основанием были более ранние стены. В помещении расшищено три уровня полов.

Уровень № 1 расположен на глубине 80—100 см от дневной поверхности. Он уплотненный, частично покрыт глиняной обмазкой. С этим уровнем связано несколько находок. В северном углу расчищен тандыр для выпечки хлеба. Диаметр его 75 см, сохранившаяся высота около 70 см. Тандыр сложен из обломков жженого кирпича. В обмазку тандыра входят включения фрагментов керамики. Перед тандыром — овальное углубление размером 70—50 см с обожженными стенками, служившее, вероятно, для сбора выгораемого из тандыра угля.

На небольшом расстоянии от северо-западной стены тандыра расчищен очажок диаметром 35 см. В центре комнаты — углубление для сандала. Вдоль всей юго-западной стены проходит площадка, несколько приподнятая над уровнем пола № 1, выложенная кирпичом квадратного и прямоугольного форматов — 24×24×3 и 25×17×4—5 см. Близ южного входа расчищено ташнау — квадратная яма размером 130×150 см, обложенная по поверхности жженым кирпичом. В центре нее — крупная плита с желобком, подходящим к отверстию-сливу. Стенки ямы также обожжены жженым кирпичом 24×24×5 см. В заполнении ямы плотный слой глины характерного зеленоватого оттенка и масса фрагментов бракованной керамики.

Уровень пола № 2 проходит на 13 см ниже описанного. С него поднято несколько фрагментов керамики, обнаружено скопление жирной глины — одного из основных компонентов керамической массы. Ниже уровня пола № 2 на 13 см зафиксирован третий уровень, расчистка которого дала несколько иную планировку. Более поздний северо-западный вход в углу пробит над забутованным водопоглощающим колодцем, диаметр которого 80 см. Заполнение колодца — рыхлая земля. Вход с юга оформлен в виде айвана, облицованного выкладкой из сырцового кирпича с пельшим (110×90 см) углублением, вероятно, предназначенным для установки дастархана. Проанализировав расположение и характер построек квартала естественно выделить четыре основных этапа его деятельности.

Верхний строительный горизонт относится к последнему этапу жизни городища, он связан с уровнем полов, примыкающих к печам № 1, 2. Широко представлен керамическим материалом — глазурованной и неполнковой керамикой. Посуда, как правило, грубоватая, крупных форм. Это хумы, тагора, крупные горшки, котлы, столовая посуда. Некоторые экземпляры украшены штампованным либо резным рельефным орнаментом.

Глазурованная посуда представлена косо с высокими стенками, пиалками и мелкими чашками на дисковидном поддоне, глазурованными горшочками с двухсторонней поливой и росписью, светильниками на высокой ножке. Ведущей формой были крупные чаши с фигурным изгибом в нижней трети. Встречено несколько фрагментов чаш с полусферическим туловом.

Для украшения посуды использовали глазурь марганцевого, светло-оливкового или голубовато-зеленого оттенков, плохого качества, мутноватую и пузырчатую. Подглазурная роспись сильно упрощена. Орнамент располагался по кругу в несколько поясов, разделенных прорисованными или рельефными линиями. В основном это растительные завитки или имитация повторяющихся слоев надписи.

Роспись наносилась марганцевой краской. В центре дна крупных открытых чаш диаметром около 40 см располагался растительный завиток в сочетании с полулиниями или крупными заплатами. Иногда основной фон грязновато-розового цвета, встречается сочетание этих тонов. Роспись нанесена черной либо марганцевой краской и представляет собой обычно пояс из звездочек басмы, чередующихся с листиками. Данный комплекс керамики, относящийся к концу XVII — началу XVIII в. имеет аналогии в соседних областях (Акишев, Байлаков, Ерзакович, 1986; Мирзаахмедов, 1981).

Все эти материалы показывают, что печи и их продукцию верхнего слоя Шахрухи можно датировать XVII — началом XVIII в.

К этому же комплексу принадлежит керамический калыб в форме чаши высотой 7,2 см и диаметром устья 21 см, внутри которого расположен рельефный орнамент в четыре пояса. Знаки трех поясов сближаются с буквами надписей, превращенных в рисунок. Иногда они сочетаются с пятилепестковой розеткой. Ближе к донцу проходит полоса с миндалевидным штампом в виде цветка в лиственном обрамлении среди S-образных знаков.

Второй строительный горизонт представлен материалами, полученными из печей № 3 и 4, лежащими ниже уровня описанных выше печей. Комплекс археологических материалов несколько богаче и разнообразнее. Хотя уровень печей № 3 и 4 не совсем однороден, так как печь № 4 перекрывает комплекс печи № 3, но значительной разницы нет, а по гамме расцветок можно объединить их в один комплекс. Неглазурованная посуда имеет те же формы — хумы, хумча, кувшины с массивной вертикальной ручкой и котлы.

Глазурованная посуда изящно орнаментирована. Глазурь белая с голубоватым оттенком или кобальтовая. Роспись подглазурная. Донце украшено розеткой из 4—8 лепестков, пальметкой или резервом. Стенки орнаментированы растительным орнаментом, выполненным кобальтом по белому фону, черной и коричнево-марганцевой краской. Эта продукция в основном характеризует мастерскую рядом с печью № 4. Такая посуда находит широкие аналогии в комплексах XV—XVI вв. Ташкента, Ходжента и др. (Бляева, 1983; Филанович, 1983).

Керамика более тяжелых форм представлена крупными глазурованными сосудами-чашами большого диаметра, тагора с плоским или выступающим поддоном, украшенными вдоль венчика волной-аркадой.

Аналогии данной керамики обнаружены на поселении Жангыз-Таш (XV—XVIII вв.) (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1986).

К группе печей типа Б относятся, видимо, некоторые печи, формировавшиеся за счет небольших переделок, в результате чего в одних случаях образовалась вторая камера топки, в других получала большую развитость тяговая система в основном за счет пробивки (либо перестройки) продухов. Вариации, связанные с ремонтными перестройками, разнообразны.

Продукция гончарных мастерских Шахрухии характеризуется посудой, распространенной именно в Восточном Махранныахре, бассейне Сырдарьи, Семиречья и т. д. Она имеет четкие различия с керамикой Согда, в то время как, например, с долиной Таласа настолько идентична, что М. А. Бубнова высказала предположение о прямом переселении в караханидское время сюда (в Талас) части жителей Илака.

Исследование археологического материала позволяет выделить если не собственную школу гончарного ремесла, то интересное направление, характерное для поры раннего, развитого и позднего средневековья, что в свою очередь дает возможность судить об экономической истории региона. Во время нашествия монголо-татарских полчищ город подвергался осаде и разрушению. Слой пожара видны на стратиграфических срезях. Однако жизнь города не прервалась. Мы имеем большое количество керамики периода XIII—XIV вв. более грубых форм и небрежной декорировки, не утратившей однако общего направления, характерного для гончарного ремесла Бенакета.

Бурный расцвет экономики наблюдался в конце XIV в., когда по приказу Тимура на-

чалось восстановление города-крепости на Сырдарье. Пора царствования Тимуридов сопровождалась расцветом ремесел, в частности керамической школы, когда можно проследить за созданием и изящной (парадной) посуды, и более грубой (повседневной).

С целью стратиграфических исследований ремесленно-производственного гончарного комплекса в северо-западной части раскопа № 10, был заложен разрез длиной 18,5 м, шириной 3,5 м, ориентированный с юго-запада на северо-восток. Разрез опущен на глубину 4,5 м. Культурный слой залегает сразу под дерновым слоем, содержащим включения, явно указывающие на признаки остатков гончарного производства — керамические шлаки, мелкие фрагменты «припасов» керамистов: сып, «коромыслица», крючки и т. п. Слой красновато-бурый с крупными пятнами зольников.

В I ярусе четко выделяются уровни трех жилых горизонтов, связанных с помещениями № 1, 2 и 3, раскопанными в полевом сезоне 1984 г. Керамика этого яруса представлена в основном крупными фрагментами тарелок с прямым невыделенным венчиком и грубообработанным высоким донцем. Из глазурованной керамики найдены фрагменты темно-голубой и бирюзовой поливы. Характерен небольшой фрагмент венчика крупной тагору темно-голубой поливы с подглазурной росписью темной краской. Керамику такого типа исследователи датируют XV—XVI вв. (Буряков, 1983). Керамический комплекс I-го жилого горизонта в пределах I яруса датируется двумя монетами. Б. Д. Кочнев датирует их XVI веком. На II ярус приходится уровень 3-го жилого горизонта, также связанного с помещением № 3 на начальном, более раннем этапе его функционирования. Между уровнем 3- и 2-го жилых горизонтов залегает слой забутовки мощностью до 60 см, в составе которой многочисленны включения мелких фрагментов глазурованной керамики в основном темно-голубой поливы. С уровня третьего пола также поднята монета XVI в.²

Уровень 4-го жилого горизонта приходится на III ярус и связывается с керамической печью № 2, комплекс керамики которой описан в полевом отчете за 1983 г. и датирован нами XVI — началом XVII в. (рис. 35). С IV ярусом связан уровень 5-го жилого горизонта, прорезанного хозяйственными ямами. Следы керамического производства, связанные с 4-м жилым горизонтом, сохранились в виде остатков частей ошлакованных топочных камер, сырьевой ямы с остатками отмученной

² Определение Б. Д. Кочнева.

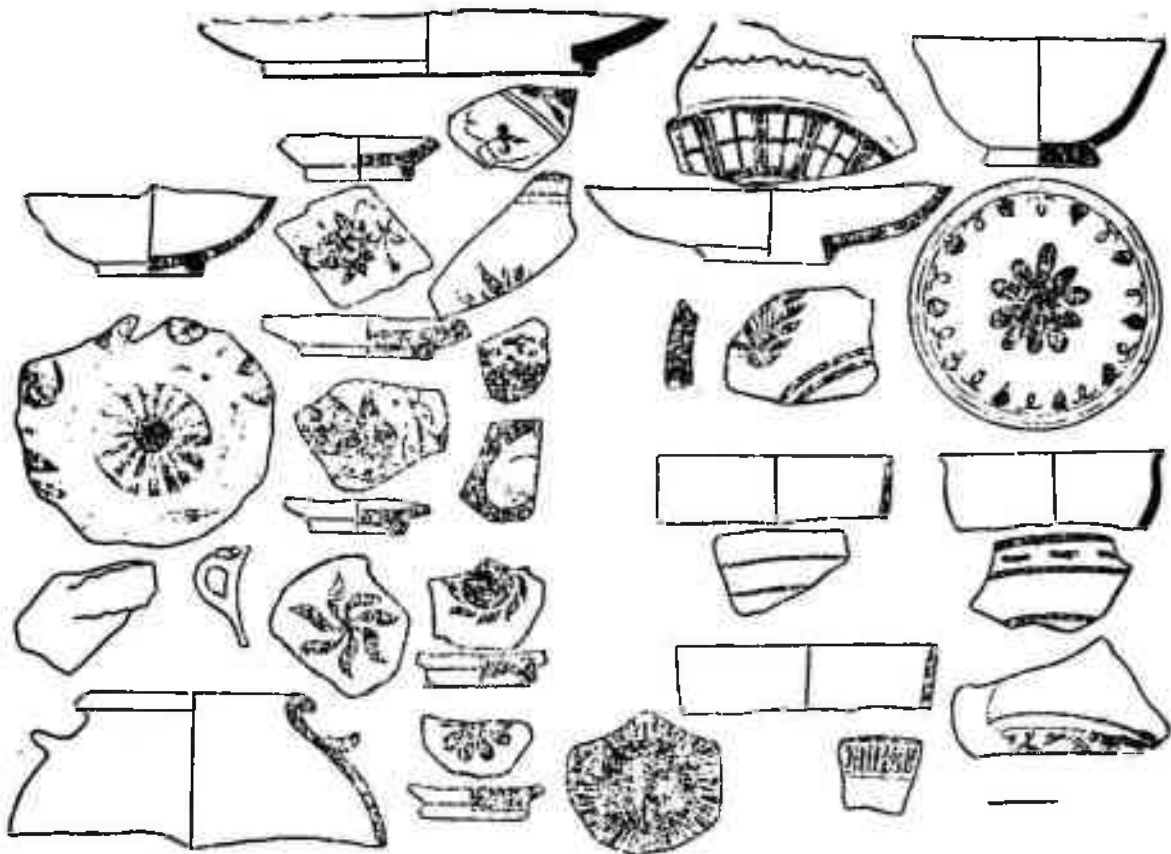

Рис. 35. Шахрухия. Квартал керамистов. Керамика XVI—XVII вв.

глины, многочисленными находками «припасов» гончаров-керамистов. Уровень IV яруса хронологически связывается с производственным двором с печами № 11—21. Перепад высот уровней двора и IV яруса, составляющий около 2 м, свидетельствует о наличии террас, на которых сооружались керамические горны.

Керамические комплексы, полученные с жилого уровня IV яруса представлены фрагментами неолитной керамики — стенками кувшинов с волнистым процарапанным орнаментом, фрагментами двуручных котлов с петлевыми ручками, множеством мелких фрагментов глазурованной керамики светло- и темно-зеленой, светло-коричневой поливы, пятью фрагментами чиратов с петлевыми ручками и пятой листовидной формы с рельефным растительным орнаментом, отлитым в калыбе. Все полученные из IV яруса керамические комплексы характерны для керамики XI — начала XII в. В направлении к впадине, примыкающей к подошве лесосековой платформы шахристана-I, на расстоянии 14 м от северо-восточной оконечности разреза, уровень

последней террасы резко падает. На VI—VII ярусах приходится мощный опыв — шесть уровней погребенной дневной поверхности, рыхлой земли с множеством включений обломков жженой и сырьевой кирпичей, мелких костей, древесных углей.

С середины VIII яруса начинается 5—7-сантиметровый слой земли зеленого цвета (болотный слой) с отпечатками камыша. К краю разреза этот слой достигает 70 см. Ширина этого слоя не менее 7—8 м. Начатые в полевом сезоне 1986 г. стратиграфические исследования, безусловно, требуют доработок. Однако уже сейчас на основе полученных данных можно сделать вывод о том, что ремесленные мастерские гончаров Белакта располагались на широких террасах, проложенных по всей длине склона холма, причем последняя терраса примыкала к каналу шириной не менее 5—6 м. В противоположной стене разреза открыта печь № 26, которую в процессе работ срезали наполовину.

Печь типична для группы Б, поскольку двухкамерная с массивным куполообразным

подом и куполом свода обжиговой камеры. Размеры обжиговой камеры от основания купола до центра пода 115 см, от пода до уровня завала на разрезе 100 см; размеры топочной камеры 250 см, обжиговой камеры 280 см. Обжиговая камера печи заполнена рыхлой землей с незначительными золистыми прослойками и кусочками битого кирпича. На уровне пода также скопление битого кирпича, возможно, следы обрушившегося свода.

Внутренняя полость забита рыхлым грунтом с включениями битого шлака, кусочков кирпича, фрагментами незыразительной керамики. Похоже, что печь была забита строительными отходами в более позднее время. В полевом сезоне 1986—1987 г. в 60 м к юго-востоку от Р-10 был заложен разрез (длина 20 м, ширина 3,5 м) для изучения жилых застроек хисара, связанных с ремесленными мастерскими гончаров. Разрез опущен на глубину 150 см. На этой же глубине залегают культурный слой. Однако непосредственно под дерновым слоем найдены немногочисленные мелкие фрагменты глазурованной керамики голубоватого цвета, несколько стекловидных шлаков. Слой наносной земли под дерновым слоем рыхлый, серого цвета, с примесями глинозема. На глубине 50 см от современной дневной поверхности, в северо-западной части обнаружен плотный уровень глинобитного пола со следами горелого камыша. В пол встроена половина хума венчиком вниз. Диаметр венчика 25 см, тулова 40 см. В заполнении рыхлая земля грязно-зеленого цвета. В процессе археологического изучения городища, кроме исследованного нами квартала, зафиксировано еще несколько следов гончарного производства, что позволяет говорить о существовании, наряду с централизованным комплексом, децентрализованных гончарных горнов, разбросанных в рабаде, на береговых срезах Сырдарьи.

Многие из децентрализованных горнов разрушены в процессе распахивания рабадов в современное время.

Таким образом, в результате археологических раскопок 1986—1988 гг. значительно расширены границы активного функционирования гончарного комплекса Бинакета — Шахрухи, выделено несколько этапов его существования, что позволит приоткрыть еще одну страницу истории этого древнего ремесла.

РАСКОПКИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ХИСАРА

Раскопки укреплений. Изучение фортификации хисара началось в 1973 г. раскопкой

башни № 2 в северо-восточном фасе. Башня выступала за пределы стены полукругом диаметром 5,6 м. Основание башни — полуцилиндр, высота 1,3 м, толщина стен 1,7 м. Оно завершается уступом, на котором всером располагается деревянный настил из восьми балок. Концы их выступали наружу сквозь стену башни и нависали над рвом. Над нижним располагался 2-й ярус башни, сохранившийся на высоту 1,3 м. Он имел коническую форму. Толщина стены у основания 1,5 м. Верхняя часть башни смыта (Буряков, 1975, с. 23—27).

В 1983 г. расчищена северная предвратная башня, по конструкции аналогичная башне городской стены. Она отличается от рядовой башни тем, что изготовлена из жженого кирпича, что указывает на ее исключительное значение в системе городской фортификации. Боевой частью башня контролирует пересеченный участок местности, расположенной за Шаркиясасм, откуда, видимо, был возможен скрытый подход противника (рис. 36).

Исследована стена напротив башни городских ворот и сделан разрез через стену между двумя хорошо сохранившимися башнями на изгибе стены у Шаркиясая. Здесь на углу стены заложили раскоп площадью 21 м². На глубине 25 см от дневной поверхности зафиксирован уровень пола с сохранившимися фрагментами жженого кирпича толщиной 4 см. Под ним, на глубине 50 см, — второй уровень также с остатками кирпичной вымостки. По северному краю раскопа, под вымостками полов, прослежена пахсовая стена толщиной до 50 см. В западном углу раскопа сохранилась часть вымостки из жженого кирпича 38×19×4 см. В ней устроена пятиугольная выемка глубиной 4 см, в которой стояло донце неполивного сосуда с процарапанной от руки с внутренней стороны сосуда вихревой розеткой. У восточного среза раскопа, ближе к юго-восточному углу, стоял вкопанный на 1/3 в пол хум высотой 56 см. Венчик подтреугольной формы, диаметр 45 см. Снаружи оформлен вмятинами пальцев. Стенки хума покрыты насечками в виде плетеньки, сделанной при помощи инструмента с лезвием. Длина каждой насечки 6 см. Аналогичные хумы (фрагменты и целые) обнаружены в верхнем слое квартала керамистов. Рядом с остатками пахсовой стены зафиксирован небольшой завал из жженных кирпичей размером 28×28×7 см, характерных для построек тимуридского времени. Поднятые с пола фрагменты тарелки, покрытые орнаментом «басма», интерпретирующимся как соляные знаки и широко распространенным в поливной

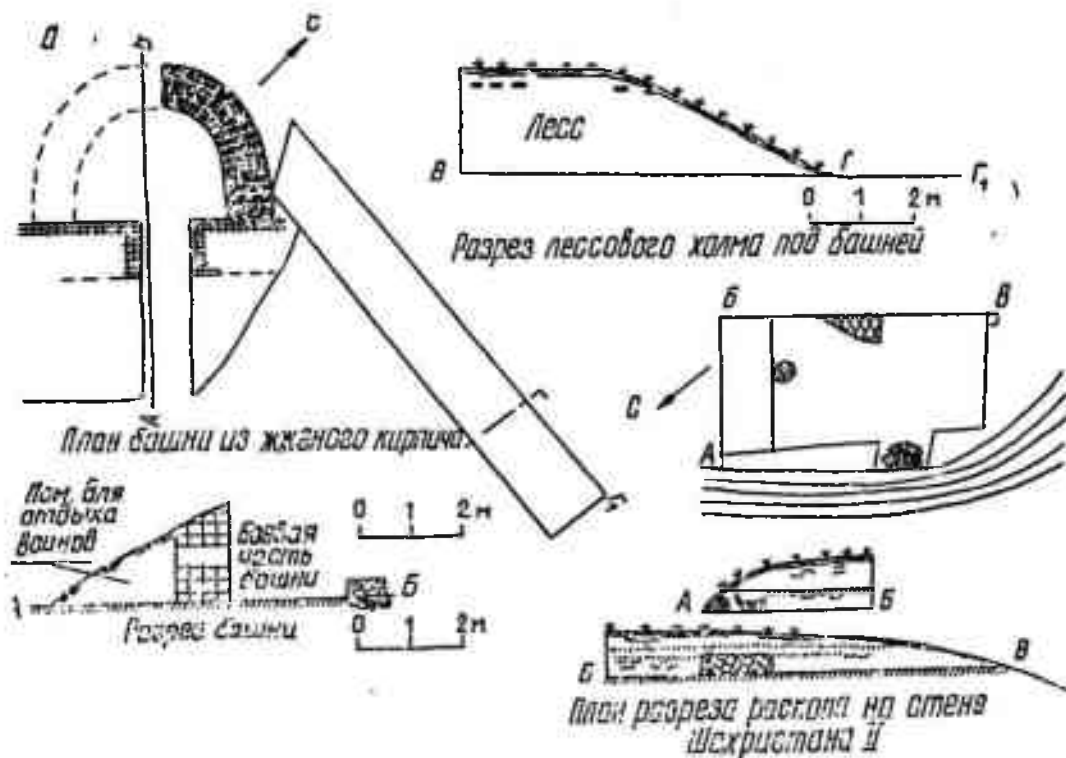

Рис. 36. Шахрухия. Планы и разрезы оборонительных сооружений.

керамике присырдарьинских городов в XVII—XVIII вв. (Сенигова, 1972, с. 202, табл. II, 3—5), указывают на рамки последнего периода использования стен. Вскрытый объект представляет собой небольшой форт на изломе стены напротив башни ворот и завершает линию оборонительной стены по Шаркияю.

Начинающаяся от этого узла обороны стена подковой огибает хисар с запада на восток на расстоянии в 800 м и обрывается в Сырдарью. На стене расположена 21 башня. При промере расстояний между ними установлено, что они распределяются по стене неравномерно, а по размерам подразделяются на более крупные, аналогичные раскопанной в 1973 г., и мелкие, видимо, повторяющие размеры башни из жженого кирпича. Расположение башен по отношению друг к другу диктуется зависимостью от рельефа близлежащей контролируемой местности. Например, в восточном направлении, перед рвом, достигающим здесь значительной глубины за счет понижения рельефа местности в сторону Сырдарьи, проходит параллельно также владеящий в Сырдарью Бахорсай, который является дополнительной водной естественной преградой перед линией стены. На этом отрезке обороны расстояние между 1-й и 3-й башнями

30—34 м, причем башни были меньшего размера. Затем встречаются и более крупные, но редко. От 9-й и до 21-й башни расстояние уменьшается до 25—16 м — происходит группировка башен для усиления контроля над противлежащим участком местности. На данном участке учитывается возможность скрытого подхода противника по ответвлению Бахорсая в северном направлении. По-видимому, не случайно на водоразделе Бахорсая и его ответвлений — возвышенность, которая может оказаться дополнительным укреплением, выполняющим двойную функцию — контроль над ответвлением Бахорсая и возможность фланкирования берегов рва.

На участке стены, имеющем наибольшую высоту и расположенном между наиболее сохранившимися башнями, сделан разрез с северо-востока на юго-запад длиной 14 м, шириной 3, глубиной 6 м (XII ярусов). С I по VII ярус зафиксирована пахсовая стена, причем в толщине III яруса встречены фрагменты жженого кирпича толщиной 4 см. Наклон наружного фасада стены 75—80°. Конструкция ее разрушена печами для обжига керамики, в заполнении которых обнаружен материал XVII—XVIII вв.

На грани VII—VIII ярусов зафиксированы остатки бытового помещения — фрагменты пола из жженого кирпича $22 \times 14 \times 3,5$ см. На полу — сливное устройство, служившее для умывания, устроенное из перевернутого двуручного хума с выбитым дном. Высота хума 80 см, диаметр венчика 40, дна 30 см. На плечиках, под венчиком, расположены две вертикальные ручки. При устройстве водопоглотителя хум установили на три подпорки из жженого кирпича, аналогичного кладке пола размера.

Под сливом в X ярусе — натечный слой толщиной до 20 см. В заполнении сливного устройства обнаружен набор стеклянной посуды. Тонкостенная кружка из светло-зеленого стекла, высотой 6,5 см. Кольцевая ручка с двумя отростками и налетом сверху прикреплена к закраине. Профиль дна вогнут внутрь. Вторая, аналогичная, сохранилась фрагментарно. Две рюмки светло-зеленого стекла, высотой 11 см. Суживающийся к низу резервуар переходит в ножку, которая завершается дисковидным основанием диаметром 6 см. Резервуар украшают три пояскожгутика, приваренные в горячем виде. Фрагмент донца стаканчика диаметром 3,5 см, украшенного розеткой, оттиснутой при выдувании в форму. Толщина стенок 1 мм. Подобное стекло хорошо известно по материалам Ташкентской области, Ферганы и датируется X—XI вв. (Буряков, 1966, с. 141—142, рис. 20, 13, 16, 18).

Здесь же найдено восемь астрагалов и птичьи косточки. Над водопоглотителем раскрыт сохранившийся участок пола 90×70 см, под вымосткой которого обнаружена шедшая с севера кубурия сеть. Сохранилось два кубура, соединявшиеся с устроенным в полу глиняным обожженным резервуаром. Глубина резервуара 45 см, диаметр 87 см, диаметр основания 1,2 м. Резервуар в основании обложен двумя рядами жженого кирпича, предназначен для хранения питьевой воды и связан с описанным выше комплексом.

Все это характеризует последний период обживания перед началом XIII в., когда город завоевали монголы. Из поднятых с пола находок следует отметить и сосуд из глины серого клинкерного обжига типа чиллима с двойным рядом стенок и тремя ножками-отростками в основании. Тулово украментировано прорезанными насквозь треугольниками, круглыми отверстиями, процарапанными линиями и штампованным контуром фигурок рыб.

В северном углу шахристана, рядом с воротами, прослежена пахсовая стена толщиной

1,5 м, сохранившаяся в высоту на 75 см, с башнями из сырцового кирпича, размеры которого аналогичны башням хисара. На глубине 70 см от уровня дневной поверхности раскрыт пол толщиной 10 см. Он перекрыт слоем заупустыня, на полу вымостки из жженого кирпича $28 \times 13 \times 4$ см. В северо-восточной части раскопа этот пол примыкает к пахсовой оборонительной стене. Вдоль нее сохранилась сильно замытая глиняная суфа, с которой подняты фрагменты керамики с орнаментом «басма» XVII—XVIII вв.

По наружному, северному фасаду опустились до основания стены. Общая высота ее до 2 м. В северном углу шахристана раскрыт поворот на восток к воротам, где зафиксированы остатки башни из сырцового кирпича $35 \times 16 \times 7$ см. При зачистках по внешнему фасаду в подстилающих башню и стену слоях встречены фрагменты лощеных узкогорлых кувшинов, датирующихся по материалам Афганистана и Ташкентского региона началом IX в. (Вяткин, 1927, с. 61, рис. 24), орнамент ручки чирага с лепестком-упором голубой поливы, типичный для XII—XIII вв. (Брусенко, Галиева, 1982, с. 13), венчик блюда с черным эпиграфическим орнаментом X—XI в. (Абишева, 1982, с. 137).

На севере, за башней ворот хисара, проведено частичное исследование отдельно стоящего холма на берегу у Шаркиясяя, между въездом в северные ворота и дорогой вдоль сая. Раскрыта башня, построенная из жженого кирпича размером $25 \times 14 \times 4$ см. Боевая часть ее состоит из полукруглого помещения с диаметром дуги 4,5 м. Кирпичи из обожженной глины скрепляли глиняным раствором. Сохранились пять рядов кладки. Толщина глиняного раствора до 3 см. В основании стены подсыпана битая керамика XII—XV вв. С северо-восточной стороны к башне примыкала открытая площадка из обломков жженого кирпича того же формата, что и в кладке башни. Площадка сохранилась частично.

Внутри боевая часть башни соединялась проходом шириной 95 см с помещением для отдыха воинов (ширина 1,75 м). Длину второго помещения установить невозможно, так как оно смыто. Помещения отделены друг от друга пахсовой стеной толщиной до 1,25 м.

С пола башни и помещения для воинов подняты незначительные фрагменты керамики с черной, синей росписью по белому фону, характерной для Ташкента, Самарканды, Ахсиента XIV—XVII вв. Эти материалы говорят о возведении стен на жилых комплексах XI—XII вв. и датируются XIV в.

Аналогичные явления наблюдаются в фор-

тификационных сооружениях Шахрисабза, где на слоях XI—XII вв. так же строятся тимуридские стены с башнями, выступающими за линию стен.

Оборонительный комплекс II шахристана Шахрухи позволил проследить особенности в фортификационном деле конца XIV — начала XV в. Линия оборонительной стены активно сочетается с окружающим рельефом местности; характер расположения башен на стене, распределение и деление на крупные и мелкие связаны с характером окружающей среды, использованием рельефа. Наиболее важные узлы обороны города укреплялись более дорогостоящим строительным материалом — жженым кирпичом.

По нашему мнению, оборонительная линия хорошо продумана для обороны прежде всего от кочевых войск. Она сочетала инженерные сооружения — рвы, стены с башнями, выносные укрепления — с оборонительными возможностями рельефа Бахорсая, идущего параллельно обводной стене, Шаркияся, идущего в южном направлении к Сырдарье, и самой реки в целях превращения города на переправе в крепость, способную противостоять наступающему противнику.

РАСКОПКИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ (раскоп 13)

В 1986 г. на обширной территории, в 100—150 м северо-восточнее крепостной стены тимуридской Шахрухи, был обнаружен крупный могильник площадью не менее 7 га. Его северо-западная граница проходит по гребню Шаркияся, за руслом которого расположено современное кладбище. Западная граница могильника окаймляет восточный склон современного оврага, образовавшегося у основания фортификационного рва крепостной стены, и прерывается на юго-востоке многочисленными глубокими разрывами материкового массива, происшедшими в результате интенсивных эрозийных процессов в этой части пригорода Шахрухи. Восточная граница могильника формируется по гребню западного берега Бахорсая. В месте стыка северо-восточной и северо-западной границ могильника расположена так называемая «священная роща» Шамар-Кори-аулие, упоминающаяся в публикациях многих исследователей и связываемая с различными легендами.

Исследования этнографа А. И. Шевякова и данные предварительных археологических шурфовок подтвердили достоверность бытующей среди современного населения легенды о том, что «каждое дерево рощи растет из

головы погребенного». В береговых обнажениях Шаркияся мы зафиксировали остатки погребений, к сожалению, очень плохой сохранности, с посаженными в изголовья погребенных остатками деревьев. Подобные остатки выявлены в шурфах, заложенных под пнями старых деревьев. На юго-западной окраине рощи сохранились остатки фундамента мечети, упоминаемой в отчете И. А. Кастанье Туркестанскому Клубу любителей археологии в 1914 г. В исторических источниках мы находим упоминание о том, что «шейбанид Абдулла-хан посетил город Шахрухию на Сырдарье, построил там для тамошнего ишана Шах-Эмир-Асадулла мечеть» (Кастанье, 1914).

Таким образом, упомянутая роща «Шамар-Кори-аулие» — фактически собственно территория шахрухинского могильника и, по-видимому, его культовый центр.

В микрорельефе могильника выделяется девять крупных холмов, вокруг которых концентрируются бугорки погребений различных размеров, конструкций и конфигураций надмогильных сооружений. Мы рассмотрим пять видов холмов.

Тип «А». Это крупные холмы высотой 1,5—2,5 м над уровнем современной дневной поверхности, с диаметрами по вершине 3—7 и по подошве 5—15 м. Исключение из этой группы составляет холм, расположенный в северо-западной части могильника, близ современной грунтовой дороги, обведенный ровиком шириной 75—80 и глубиной 20—25 см, а мелкие погребения концентрируются вокруг него и оформлены оградками из обломков жженого кирпича.

Тип «Б». К этому типу надмогильных сооружений мы отнесли крупные бугры высотой до 1 м с диаметрами по вершине 2—2,5 и по подошве 3—4 м. В общем микрорельефе эти бугры тяготеют к холмам типа «А», причем к их северо-западным склонам.

Тип «В». Всхолмления овальной формы, несколько вытянутые. Имеют оградки, вымощенные из обломков жженого кирпича в сочетании с крупным галечником. По продольной оси холмы ориентированы на северо-запад. Их длина колеблется от 1,3 до 1,6 м, ширина в поперечном сечении 75—80 см.

Тип «Г». Аналогичны типу «В» по оградкам, но имеют подпрямоугольную форму со сторонами 1,2—1,5×75—80 см. Характерно, что бугры типа «В» и «Г» концентрируются вокруг холмов второго типа «Б».

Тип «Д». Составляет небольшие всхолмления округлой формы с высотой насыпи 30—70 см. Диаметры этих насыпей по вершине

60—70, по подошве 1—1,5 м. Холмы типа «В», «Г» и «Д» наиболее многочисленны.

Таким образом, в микрорельефе могильника топографически выделяется девять крупных участков, на каждом из которых в определенной последовательности сочетаются все пять типов холмов. Доминирующее положение на каждом из этих участков занимают холмы первого типа «А», а насыпи 3-, 4-, 5-го типов концентрируются вокруг бугров второго типа «Б».

Для исследования мы выбрали участок, прилегающий к холму № 1, расположенному в самом центре могильника. В общем микрорельефе, даже по отношению к другим холмам первого типа «А», он занимает доминирующее положение. Участок раскопа разбит на две площадки.

Площадка № 1. Раскоп заложен на вершине холма высотой около 3 м над уровнем современной дневной поверхности. Диаметр по вершине 7 м, по подошве 15 м. Это крупное монументальное сооружение в плане круглой формы, обведенное мощной пахсовой стеной толщиной до 1 м и сохранившейся на высоту до 90 см. Основание стены опирается на мощный завал, состоящий из крупных пахсовых блоков, битого жженого кирпича и керамических шлаков. Непосредственно под дерновым слоем выявлен завал из обломков жженого кирпича, крупных комков пахсы, закопченной глиняной штукатурки, крупных древесных углей сгоревшего камыша. Под завалом — уровень глинобитного пола с четырьмя слоями промазок, почти сплошь покрытый сажей и крупными пятнами прокалин красновато-бурого цвета. На западном участке этого уровня выявлено два сгоревших деревянных стояка длиной соответственно 1,7 и 1,9 м и диаметрами 7 и 9 см. Вероятно, это остатки вертикальных опор перекрытия, так как на сравнительно обширном участке напластован слой сгоревшего камыша толщиной до 3 см. Под этим горелым слоем найдены фрагменты толстостенного сосуда (по-видимому, тагора) грязно-серой поливы с легким зеленоватым оттенком, монета XVI в. и несколько фрагментов костей животных.

Надмогильное сооружение находится в северо-восточной части холма. Оно ориентировано по продольной оси с севера на запад. В плане прямоугольной формы со сторонами 3×1,7 м, обведено пахсовой стенкой толщиной 25—27 см. На северо-западном угловом отрезке эта стенка сохранилась очень хорошо. На высоте 30 см от основания она закругляется к центру надмогильного сооружения. По всей видимости сооружение представляло со-

бой вытянутый сводчатый мемориал, что подтверждают остатки земляного вала внутри обводной пахсовой стенки надгробия, по скатам которого в беспорядке лежали обломки жженого кирпича вперемешку с комками пахсы и пластами глино-пахсовой штукатурки. Основание обводной стенки надгробного мемориала вымощено обломками жженого кирпича и было оштукатурено.

Таким образом, вскрытое сооружение — это мавзолей круглой в плане формы, площадью около 30 м², с надгробным мемориалом на его восточном участке и ритуально-культовым двориком на западном. Позже на юго-западном закруглении обводной стены был обнаружен вход в этот внутренний дворик в виде четырех ступенек, вымощенных крупными обломками жженого кирпича.

Погребальная камера центрального погребения подбойного типа. Расположена на глубине 2 м от основания надгробного сооружения. Костяк находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, однако череп отсутствовал. В ногах погребенного найден крупный кувшин с пробитым в тулове ближе к придонной части отверстием, затем замазанным алебастром.

На юго-восточном отрезке наружного профиля обводной стены мавзолея выявлен еще один мощный завал, состоящий из крупных пахсовых блоков и жженого кирпича. Им перекрыты остатки мощных стен какой-то крупной постройки (видимо, хронологически более ранней). В основании одной из этих стен, на глубине более 3 м, расположено погребение. Впускное отверстие диаметром 65—70 см плотно замуровано крупными комками глины. Погребальная камера не вскрывалась ввиду крайне аварийного состояния мощного трехметрового завала. Примечательно, что на дне могильной ямы, рядом с впускным отверстием, из лесса сооружена небольшая полочка размером 32×18×15 см, на которой аккуратно сложены останки скелета. Череп истлеет и рассыпался. Вероятно, это перезахоронение.

Всего на холме № 1 выявлено 11 погребений, в том числе три детских. Однако ввиду аварийности мавзолея эти погребения не вскрывались и были временно законсервированы. Характерно, что три детских погребения, произведенные на глубине 60 см от уровня основания центрального надмогильного сооружения холма № 1 в обычной яме, расположены в одном створе с внутренней стороны, у основания восточного отрезка обводной стены. Труположение и ориентация костяков идентичны: в вытянутом положении, на спи-

не, головой на северо-запад, лицом на запад.

Керамический комплекс, полученный в ходе раскопок на участках межмогильных пространств холма № 1, представлен мелкими фрагментами глазурованной керамической посуды с сочетанием белого и синего цветов.

При развешивании дальнейших работ к северо-западу от внешней обводной стены мавзолея был заложен раскоп на площадке № 2 размером 8×6 м. Раскоп ориентирован по линии северо-запад — юго-восток. Уровень погребенной поверхности залегает на глубине 50 см. Всего здесь выявлено 11 погребений, относимых нами по надмогильным сооружениям к типу «Д».

Доминирующее положение на площадке занимает холм погребения № 3, расположенный в одном створе с мемориальным сооружением центрального погребения на холме № 1. По всей площади раскопа найдено большое количество битой керамики светло-голубой и грязно-серой поливы, монеты XVI в.

Погребение № 1. Надмогильное сооружение в виде насыпи высотой 50 см. В грунте насыпи — разрыхленный материковый лесс, мелкие фрагменты пахсы, древесные угли. Могильная яма подпрямоугольной формы со сторонами 1,10—0,8 м. Само погребение полностью разрушено.

Погребение № 2. Примыкает к погребению № 1 с запада. Насыпь по параметрам и составу та же, что и погребение № 1. Пятно эллипсообразной формы, длина 90 см, ширина 70 см в поперечном сечении. Диаметр впускного отверстия подбоя 40 см; оно расположено в северо-западном углу могильной ямы на глубине 110 см от погребения и 180 см от современной дневной поверхности. Подбой эллипсообразной формы, расположен ниже уровня дна могильной ямы. Его длина 180 см, минимальная ширина в поперечном сечении 110, высота 80 см. Погребение мужское. Костяк в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад, лицом вверх. Голова запрокинута. Кости рук вытянуты вдоль туловища, ноги сведены вместе. На лобковой кости — монета XVI в.

Погребение № 3. В микрорельефе могильника отнесено нами к холмам типа «Б». Представляет собой надмогильное сооружение типа «сагана» в виде эллипсоидной оградки, вымощенной из крупных комком глины. Возведено на лессовой насыпи подквадратной формы, высотой 32 см от уровня погребенной поверхности. Длина оградки в продольном сечении 197 см, минимальная ширина в поперечном 162 см.

Впускное отверстие подбоя (диаметр 50 см) расположено в северо-западном углу могильной ямы на глубине 45 см от уровня современной дневной поверхности. Подбой так же эллипсоидной формы, длиной 220 см, шириной в поперечном сечении 100 и высотой 80 см; расположен ниже уровня дна могильной ямы на 40 см. Погребение одиночное, мужское. Костяк в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. Лицо повернуто на запад. Кости левой руки вытянуты вдоль туловища, правой — полусогнуты в локтевом суставе к бедренной кости. Под затылочной костью черепа сделана небольшая подсыпка из рыхлого лесса («подушка»), вследствие чего череп приподнят на 10—15 см по отношению к костям груди.

Погребение № 4, 5. В результате проседания грунта, вызванного разрушением погребальных камер, их конструкцию, труположение зафиксировать не удалось. Кости скелета оказались раздробленными.

Погребение № 6. Детское. Надмогильное сооружение в виде небольшой насыпи высотой не более 20 см. Могильная яма овальной формы длиной 135 см, шириной 120 см. В рыхлом заполнении на глубине 80 см возле впускного отверстия подбоя найдено три кости животных и два астрагала. Сведения о помещении в детские погребения астрагалов мы находим у Б. А. Литвинского, интерпретирующего этот обряд как «магическое средство способствующее росту новорожденного» и усматривающего в нем переживание практики захоронения с вещами (Литвинский, 1972).

Впускное отверстие (диаметр 40 см) расположено у основания северо-западной стенки могильной ямы на глубине 80 см и заложено крупным гувалыком. Скелет ребенка слегка повернут на правый бок, головой на северо-запад, лицом на запад, правая нога полусогнута в колене, кости рук — на лобковой кости.

Погребение № 7. Примыкает непосредственно к основанию лессовой насыпи погребения № 3. С северо-запада могильное сооружение в виде небольшой насыпи с наибольшим количеством мелкого галечника. Могильное пятно подпрямоугольной формы. Длина могильной ямы 170 см, ширина 86 см. Впускное отверстие подбоя (диаметр 50 см) расположено в северо-западном углу на глубине 80 см и заложено крупными комками гувалыка, замешанного из стерильного материкового лесса желтого цвета.

Погребальная камера ниже уровня дна могильной ямы на 40 см, вырублена в виде удлиненного эллипса. Ее длина 180 см, ширина в поперечном сечении 123, высота 80 см.

Погребение женское, старческого возраста. Скелет в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, лицом на запад. Кости рук вытянуты вдоль туловища. Под головой небольшая подсыпка из рыхлого лесса высотой 10 см.

Погребение № 8. Примыкает к основанию лессовой насыпи погребения № 3 северо-востока. Могильное пятно подквадратной формы. Длина ямы 140 см, ширина 130 см. Впускное отверстие (диаметр 60 см) расположено в северо-западном углу могильной ямы. Как и в предыдущих случаях, оно заложено крупными комками глины из стерильного лесса светло-желтого цвета. Погребальная камера подбоя — в форме удлиненного эллипса, ниже уровня дна могильной ямы на 40 см. Длина камеры 180 см, минимальная ширина 130, высота 80 см. Погребение женщины старческого возраста. Костяк в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, лицом вверх. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, левой согнуты в локтевом суставе. Кисть руки лежит на тазовой кости, ноги сведены вместе.

Погребение № 10. Примыкает к погребению № 3 с юго-запада. Надмогильное сооружение в виде насыпи высотой 30—40 см. Могильная яма подпрямоугольной формы со сторонами 140×80 см. Впускное отверстие подбоя (диаметр 48—50 см) расположено на глубине 60 см, у самого основания насыпи погребения № 3. Закладка подбоя та же, что и в погребениях № 7, 8. Камера в виде удлиненного эллипса (длина 190 см, ширина 120 и высота 80 см) расположена ниже уровня могильной ямы на 50 см. Анатомический порядок скелета нарушен — кости в беспорядке разбросаны по камере, череп опрокинут на теменную кость.

Таким образом, на площадке № 2, примыкающей к мавзолею с северо-запада, мы наблюдаем единый комплекс погребений, возможно, семейного порядка с явными следами поминального обряда. Основной признак, на котором базируется наш вывод, — доминирующее положение погребения № 3 типа «сагана», содержащее мужское погребение, и группирующиеся у основания его насыпи три женских погребения.

Всего на могильнике обследовано более 130 погребений. Краниологический материал получен из 64. В их числе определены 11 мужских, 11 женских, 13 детских погребений. При этом из 11 мужских — шестеро мужчин зрелого возраста, один — старческого. Из 11 женских — одна юношеского возраста, одна — возмужалого, три — зрелого и шесть — старческого возраста. Большой процент детских

погребений свидетельствует о высокой смертности детей в основном в возрасте 2—5 лет.

Многочисленные разрушения погребальных камер и костяков произошли, очевидно, вследствие интенсивных эрозийных процессов под воздействием грунтовых вод и образования оврагов. Тем не менее сохранившиеся погребальные сооружения уже на данном этапе исследований, свидетельствуют о разнообразии погребальных обрядов при однородной ориентации костяков на северо-запад. Сопровождающий нумизматический материал показывает, что кладбище в рабаде Шахрухи возникло не позднее XV в. и просуществовало до XVII в.

ИЗУЧЕНИЕ ТАГХОНА, МАСТЕРСКИХ СТЕКЛОДУВОВ

Раскоп 12. На площади 5 основные раскопки были проведены на холме, на левом берегу Бахорая. Округа его полностью срезана современной распашкой. В примыкающих разрезах саяв расчищены кости погребений, что навело на мысль о расположении здесь второго некрополя Шахрухи. Однако в подъеме встречались материалы X—XII вв. Это свидетельствовало о многослойности участка. Овальный холм слегка вытянут вдоль русла сая. С северо-запада на юго-восток площадь его по основанию 15×25 м.

При раскопках 1983—1984 гг. здесь было расчищено три погребения. Насыпи не сохранились вследствие перепланировки. Могильная яма с подбоем в юго-западной стене. Погребенные лежали на спине, головой на северо-запад, лицом к юго-западу. Подбой заложено обломками сырцового кирпича и гувалка. Сохранность костяков очень плохая из-за частых поливов.

Интересна находка в некоторых могилах медных монет плохой сохранности. Предварительно их можно отнести к чекану XVI в. н. э.

Лучшей сохранности оказалось одно погребение. Взрослый мужчина крупного телосложения (до 180 см) уложен в подбое на спине, головой на северо-запад. Вероятно, захоронение воина, погибшего в бою, так как был захоронен в одежде, в воинских доспехах, на которых сохранились следы тканей. Сохранность также фрагментарная, но расчищены детали бронзовых защитных доспехов из тонких пластин различной формы — прямоугольные, треугольные, фигурные полоски — с мелкими отверстиями, пришитых к одежде.

Вместе с ними был уложен щит, от которого сохранились круглый умбон и полосы обшивки. Подбой заложено обломками сырцо-

вого и жженого кирпича караханидского стандарта — $32 \times 16 \times 4$ —5 см. Однако кирпич явно вторичного использования, так как могла попасть в разрушенные культурные слои с кладкой из кирпича этого стандарта.

Дальнейшими раскопками здесь было раскрыто сооружение, врезанное в лесс холма на левом берегу сая. Сооружение круглое в плане, полуподземное. Внутренний диаметр его по уровню пола 3,4 м, причем нижняя часть стен состояла из лесса на высоту до 80—85 м. Вход с юго-востока со стороны сая шириной 70 см оформлен пилонами, сложенными из жженого кирпича $32 \times 16 \times 4$ см. Внутри расчищено два уровня полов на расстоянии 10 см. Нижний уплотнен и выложен слоем выстилки из травы, второй снивелирован подсыпкой земли и перекрыт циновкой. Сверху перекрыт слоем завала.

Вдоль стен на высоту 45 см над первым полом возвышается полка-суфа, сложенная из сырцового кирпича того же стандарта, что и жженный. Ширина полки 40 см. На высоте 85 см — вторая полка, но в отличие от первой она вырезана в стене на ширину 35—40 см. С ее уровня помещение расширяется до 4,1—4,2 м в диаметре и начинается регулярная кладка стены из жженого кирпича $32 \times 33 \times 16$ —17 см на глиняном растворе. Высота стены 45—60 см.

Выше начинается переход к куполу, кладка фигурная в «елочку» из кирпича более мелкого (27 — $28 \times 14 \times 4$) формата. Свод сохранился на высоту 100 см, снаружи обложен обломками сырцового кирпича, комьями мокрой глины и сверху специально засыпан землей. С востока раскрыта прикладка к стене и своду из сырцового кирпича для придания сооружению округлой формы и надежной его изоляции. Напротив входа в северо-западной стене — вентиляционное вытяжное устройство.

В помещении на втором полу найдены фрагменты светлоглиняного горшка, сформованного на ножном гончарном круге, хума с выделенной цилиндрической горловиной, на первом полу — стенки глазурованной чаши с коричневой росписью под прозрачной глазурью по белому фону. Керамический материал и стандарт кирпича характерны для XI—XII вв. н. э.

Особо следует остановиться на конструкции и назначении помещения. Это полуподземное изолированное помещение, емкость по внешнему виду напоминает специальные сооружения — водосборники (сардобы), имевшие также цилиндрическую форму с уплотненным куполом (Массон, 1935, с. 36). Однако у последних были специальные подво-

дящие желоба с обширной базой водосборного бассейна или каналы, углубленные ниже входа; бассейн укреплялся гидрофобным ганчевым раствором. Вход осуществлялся сверху, зачастую с помощью лестниц (Вишневецкая, 1958, с. 447—450), или из сооружения выводили крытые желоба. В нашем же сооружении ничего этого нет и вход на уровне пола.

Другой тип сооружений — для концентрации льда или снега (яхтанга), в которых в утрамбованном виде хранился снег, использовавшийся в ремеслах, связанных с изготовлением кондитерских изделий и напитков. Известны хранилища-яхтанга с диаметром до 17 м, перекрывавшиеся куполами многогранной, сфероконической и ульевидной формы (Маньковская, 1980, с. 92).

Третий тип сооружений наиболее часто встречается в городских условиях. Это также купольные постройки, располагавшиеся часто во дворах или под помещениями. Они более мелких размеров, часто просто вырыты в земле со ступенями вниз до пола. Назначение их определялось различно. В. А. Вяткин считал их комнатами 40-дневного поста (чплляхона) (Вяткин, 1906, с. 281). Позже было введено предположение о них как помещениях для отдыха в жарких условиях города (Шишкин, 1969, с. 18), однако последнее, более обоснованное определение их как хозяйственных хранилищ для запасов плодов, овощей на летний период — тагхона (Лебедева, 1986, с. 139). Это мнение подтверждено находкой в тимуридской цитадели Самарканда специального отдельно стоящего сооружения подобного типа начала XIX в., так же вырытого в земле, но затем специально обложенного от пола до купола жженым кирпичом. Диаметр его несколько больше нашего — 5,57, но почти от пола оно начинает сужаться к куполу. Общая высота чуть более 2,5 м. Толщина обкладки у пола 1 м, у купола 24 см (Лебедева, 1987, с. 152). Так что общая емкость ее меньше бенакетской. Здесь насчитано 10 уровней полов, утопанных, с травяным настилом, следами каких-то деревянных конструкций. И на разных полах — зерна, косточки фруктов, овощей, арбузов. На деревянных конструкциях, по этнографическим материалам, выставляется на длительное хранение и проветривание виноград. Как отмечалось выше, травяная и камышовая выстилка была на полах бенакетской постройки. Полки могли служить для хранения дынь и арбузов. Не исключено и устройство подвесных деревянных конструкций, так как сохранившаяся высота ее на уровне части свода превышала 2,4 м.

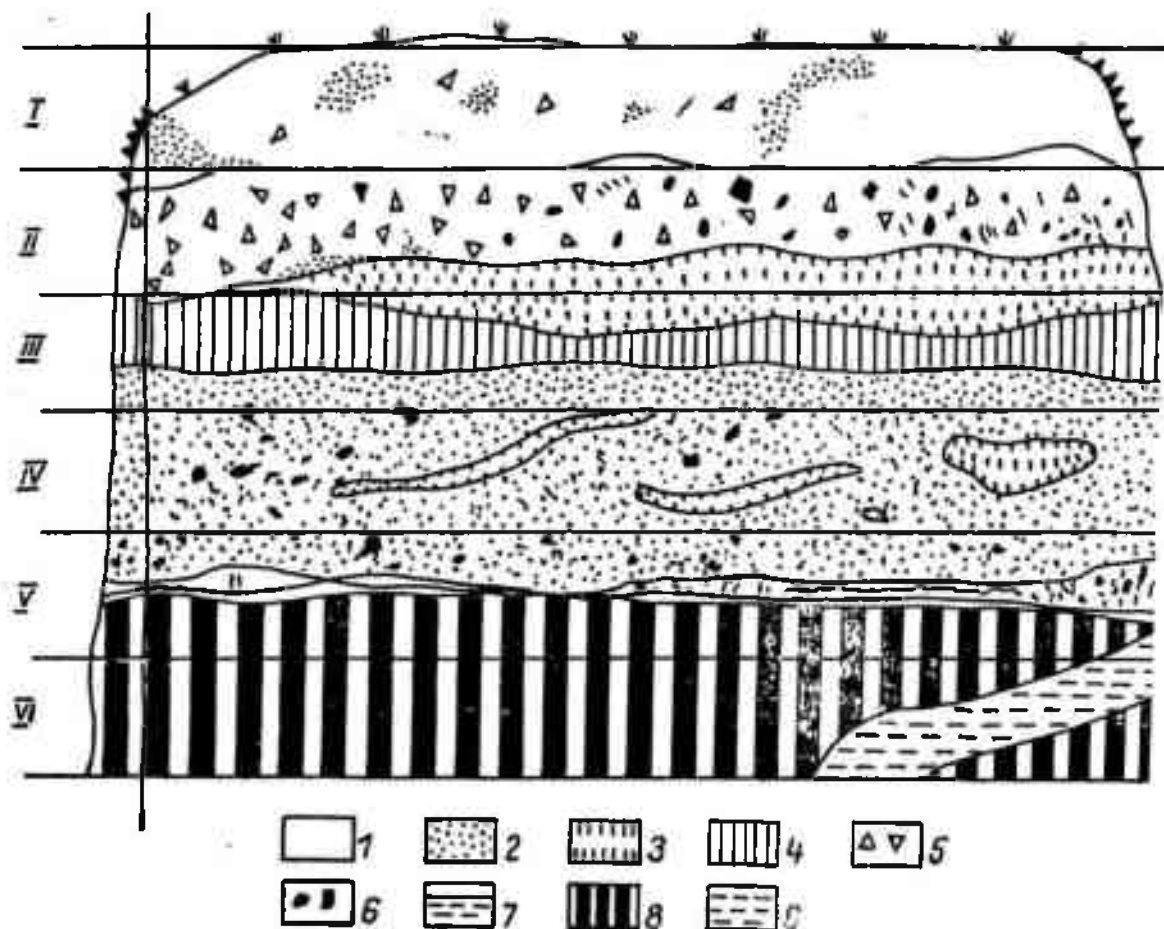

Рис. 37. Шахрухия. Раскоп 16. Разрез:

1 — надувной слой; 2 — песок; 3 — золянка; 4 — пахсовая забутовка; 5 — сырцовый развал; 6 — жженый кирпич; 7 — пол; 8 — материк; 9 — рыхлый слой.

Постройка изолированного крупного сооружения такого типа в густообжитом ремесленно-торговом рабаде свидетельствует о ее специальном назначении, для хранения продуктов, шедших на продажу.

Раскоп 16. На восточной окраине рабада вдоль правого берега Безымянного сая, близ впадения его в Сырдарью, выявлен участок площадью около 2 га с интенсивными включениями стеклянного шлака. Шлаковые отвалы разрезаны на три участка просайками, впадающими в Безымянный сай. Крупные куски шлаков и бракованных стеклянных изделий, футеровка стенок печей встречаются здесь и вдоль берега Сырдарьи. Поэтому в 1987 г. был сделан разрез длиной 5 м, опущенный на глубину 3 м (6 ярусов) (рис. 37). Культурный слой перекрыт мощным (до 50 см) надувом рыхлой земли, остатков раз-

рушенной архитектуры. Далее начинается слой золяника и обломков жженого кирпича, 20—30 см прокаленной площадки, лежащей на плотной пахсовой забутовке. Ее подстилает золяник мощностью до 1 м, насыщенный обломками футеровки стенок, застывшей стекломассы, спекшимися деталями бракованных стеклянных изделий. В основном это ручки сосудов петлевиной формы с диаметром отверстия 2—3 см. В верхней части некоторых из них — уплощенный упор для удобства держания пальцем. Ручки светло- и темно-зеленого цвета и желтоватого стекла. Индивидуальна крупная ручка для сосуда типа графина длиной 7 см с украшением защипом в виде лепестка эллипсовидной формы по верхней стороне. Интересен фрагмент вогнутого донца сосуда диаметром 8,5 см со штампованным орнаментом, отлитый в рельефной фор-

ме — калыбе. Рисунок включает и перлы и «реснички» лучей, расходящихся от центра.

Ниже, с глубины V яруса, — вновь уплотненный слой с зольниками. На нем — фрагменты глазурованной керамики с коричневой и зеленоватой росписью по белому фону под бесцветной чистой глазурью, характерной для конца X—XI в. Набор стеклянных изделий так же находит аналогии в комплексах этого времени. Аналогичны формы из Тункета, Абрлыга, Кавардана (Буряков, 1966, с. 112—115, 142—145), Ташкентского оазиса и других центров Мавераннахра.

Полученный материал позволяет датировать участок концом IX—XI в. н. э. Он связан

с крупными работами стеклодувов, однако по разрезу пока трудно определить назначение данного участка. Возможно, он связан с концентрацией отвала мощного стекловаренного производства, так как встречены обломки футеровки из огнеупорной глины с прилипшими обломками стекла. Но в то же время расчищена часть прокаленной как будто рабочей площадки на мощном стилобате с лежащими на ней бракованными изделиями. Возможно, сначала здесь была производственная площадка стеклодувов, а затем ее засыпали отходами стекловаренного производства.

Глава III

БИНКАТ (Ташкент) И ЕГО ОКРУГА

Многолетние археологические исследования в пределах территории современного Ташкента, занимающего ныне площадь более 250 км², наблюдения за динамичным освоением ее с древности до средневековья приводят к заключению о формировании здесь системы расселения земледельческого хозяйства, составившей определенную, единую ячейку — микрооазис, который в эпоху позднего средневековья определялся составом руставов Ташкента. Границы же его сложились уже в развитом средневековье, когда завершился процесс освоения территории на базе разветвленной водной системы среднего течения Чирчика и все основные оросители — Салар-Джун и Бозсу с его протоками и каналами — оказались задействованными в земледельческом комплексе.

Уже в раннем средневековье в микрооазисе сосредоточились до 20 пунктов расселения, составивших инфраструктуру, базировавшуюся на связях главного города с обширной округой. В состав ее вошли городские пункты рангом ниже, расположенные на подводящем торговом пути, сельские поселения, замки-усадьбы раннефеодальных владетелей, региональный культовый центр, некрополи, крепости, защищавшие микрооазис со стороны кочевой степи.

Роль лидера выполнял город на городище Мингурюк, расположенном на протоке Салар, ставший в это время столицей всего Чача (Мадной Шаша арабских источников), что соответствует городу Ши китайских хроник, с окружностью стены по Сюань Цзяню в 10 ли. Видимо, при арабах этот город имел и название Бинкат. На городище, ныне почти стертом застройкой европейской части Ташкента, но в конце XIX в. имевшем площадь около 35 га, изучены некоторые элементы топографии VI—VIII вв., позволяющие судить о структуре города, делившегося на цитадель (замок) и шахристан. На гребне первоначальной городской стены располагалась репрезента-

тивное здание — дворец правителя. На территории шахристана исследованы остатки домов и мастерских, создавших городскую сеть застройки, где расположенные вплотную друг к другу жилища горожан соседствовали с торгово-ремесленными зданиями.

В типологической характеристике объектов округа преобладают три типа расселения: укрепленное поселение, замок с поселением и замок-усадьба с поселением. Последний — более усложненный по структуре вариант второго типа. Он представлен самым значительным сооружением в северной зоне округа Мадной Шаша — укрепленной усадьбой Актепа Юнусабадского площадью 2,5 га, включившей собственно замок и двор с постройками, объединенных одной системой обороны с обводной стеной и рвом (рис. 38). Первый исследователь объекта А. И. Тереножкин определил его как замок-кешк (Тереножкин, 1948, с. 129) и раскрыл частично его планировку, выявив западный и южный отрезок обводной галереи, круглые комнаты в двух угловых башнях, встроенную башню-донжон, купольную кубическую постройку и два культовых помещения с полуовальным алтарем и суфами в одном (Филанович, 1983, с. 106—110).

Последующими работами Ташкентского отряда Института археологии АН УзССР выявлена планировка восточной части замка, занятой длинными узкими помещениями с суфами-хумханами, хозяйственным двориком с винодавильней и кухней с очагами. Обнаружен также нижний пояс обводной галереи замка по западному и южному фасау.

В последние (1985—1988 гг.) годы выяснялся характер внешнего оформления замка, система внешней обороны двора, комплекс ворот, исследовалась западная терраса за пределами обводной стены¹.

¹ В раскопочных работах принимали участие к. и. н. О. А. Папахристу, археологи С. И. Ильясова, С. Савчук, Н. Ахунбаева, В. Минсиян, лаборант Э. Юлдашев, архитектор Д. Русаков.

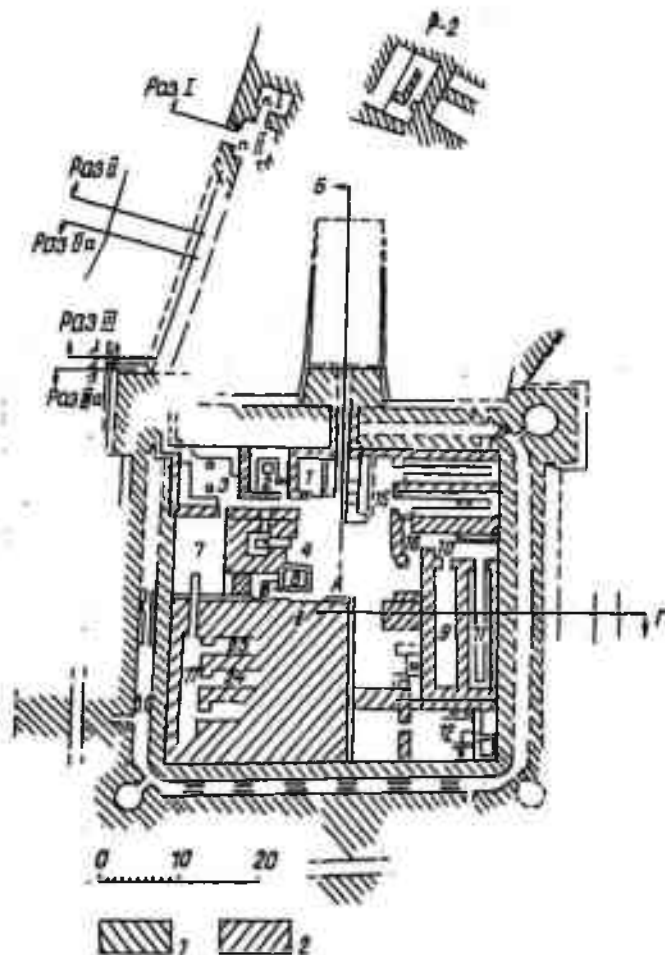

Рис. 38. Бинкат. Замок-усадьба Актепа Юнусабадское. План:
1 — I периода; 2 — II периода.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ВОСТОЧНОМ ФАСЕ ЗАМКА

На этом фасе заложено три разреза. Первый фиксирует поворот южного участка нижней обводной галереи к северу и часть прихода в юго-восточную угловую круглую комнату внутри башни. Только на данном участке сохранился свод галереи (рис. 39, а, разрез 2 и 3). Ширина коридора здесь 1,7 м, стены сложены из двух рядов пахсовых блоков размером $0,95 \times 0,95$ м; $1,02 \times 0,59$ м. Свод эллипсовидной формы, пята свода — один слегка выдвинутый ряд кирпича. Выложен свод наклонными отрезками. Здесь отмечается тот же прием, что выявлен В. Л. Ворониной в южной галерее и названный ею «ползучим сводом» (Воронина, 1948, с. 140), когда пята свода внутренней стены выше пята свода внешней. Высота коридора до замка

свода 2,7 м. В начале восточной галереи выявлена одна из поперечных стенок, делящих коридор на отсеки (тот же прием зафиксирован в западном и южном коридоре). В этой разделительной перегородке отмечен проход шириной 0,55 м. В этом разрезе, как и во всех последующих в восточном коридоре, еще раз подтверждена картина, некогда полученная при вскрытии западного и южного участка галереи. Установлено, что галерея, оставшаяся от первого периода застройки замка, после забутовки центральной части осталась открытой и функционировала на втором этапе жизни крепости. Восточный участок галереи заполнен рыхлым комковатым слоем с обломками кирпича-сырца и обвалившимся на это заполнение участком свода. Пол коридора состоит из блоков пахсы (размеры одного из них $1,55 \times 1,1$ м), что, видимо, свидетельствует

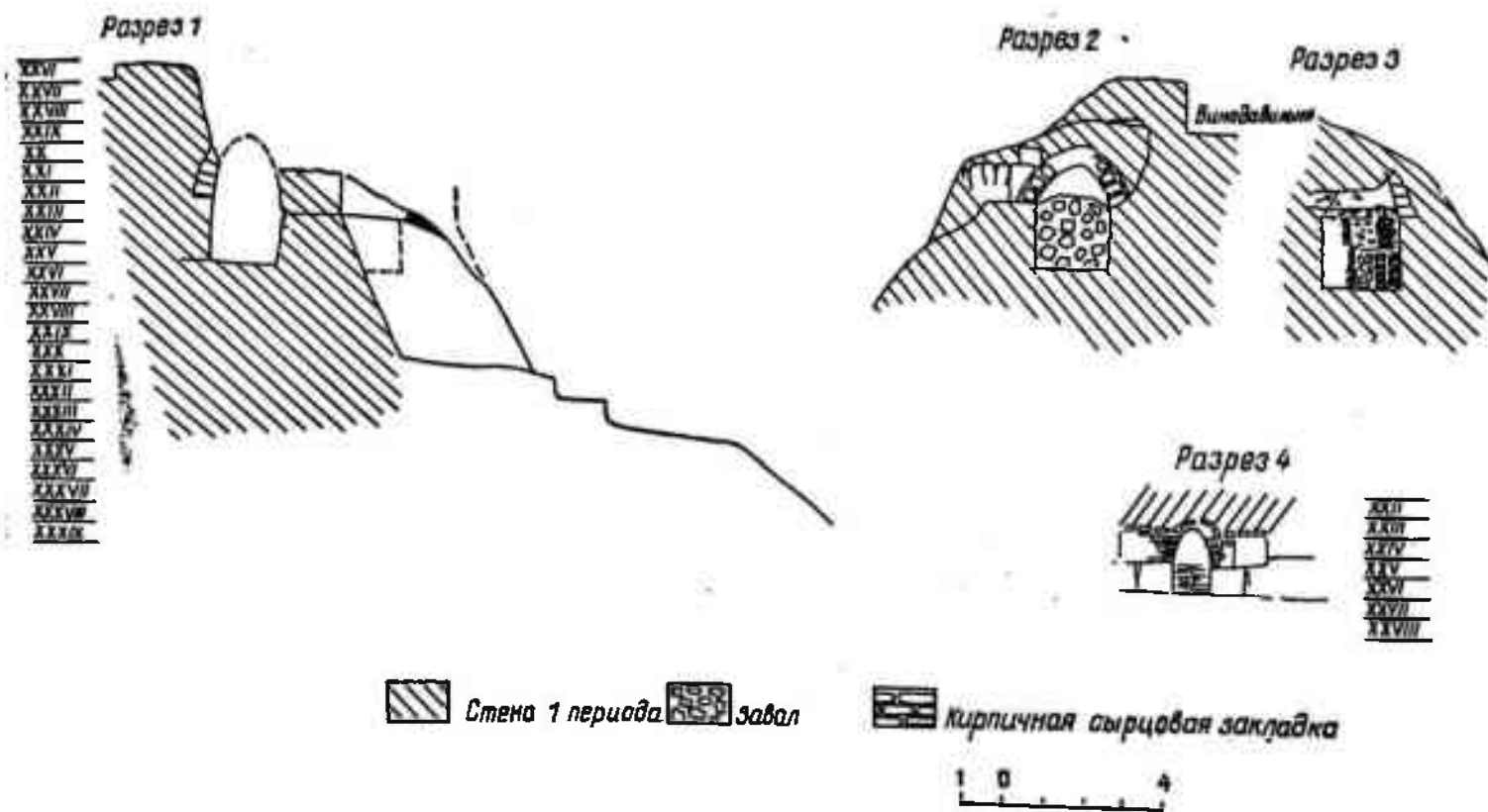

Рис. 39, а. Бинкат. Замок-усадьба Актепа Юнусабадское. Разрез через восточный участок галерей.

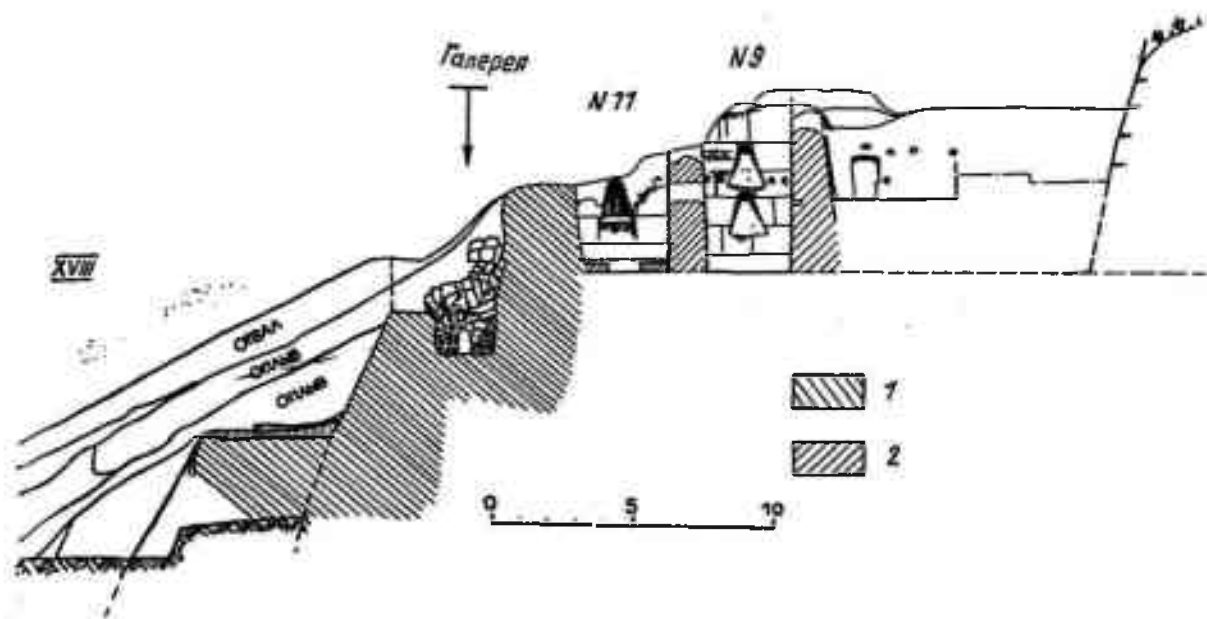

Рис. 39,б. Бинкат. Замок-усадьба Актепа Юнусабадское. Разрез В—Г.

либо о ниже лежащей платформе, либо о специальном слое блоков.

Второй разрез (В—Г) в середине восточного фаса крепости — продолжение их главного сечения в направлении запад—восток. Здесь ширина коридора 1,9 м и тот же характер конструкции (рис. 39, б). В южной части разреза зафиксирован на завале просевший свод, выложенный кирпичом размером $0,4 \times 0,25 \times 0,09$ м и заклиненный трапециевидным замковым кирпичом. Здесь толщина восточной внешней стены галереи 1,3—1,4 м. Разрез продолжен шириной 6 м вниз по восточному фаса замка. Впервые здесь выявлена поверхность фасада крепости, что позволяет судить о ее внешнем облике и монументальности. Стена восточного фаса обрывается вниз под наклоном 60° , образуя фасад пирамидального сооружения. На глубине 5 м от верха стены галереи обнаружена площадка типа террасы шириной 4 м, за которой стена продолжает также наклонно опускаться вниз. Этот уровень соответствует концу XXXII яруса.

Устройству террасы предшествовал ряд строительных операций. Первоначально останец лессового бугра выравнялся и обкладывался пахсовыми блоками размером $0,85 \times 0,85$ м как футляр. Затем на уровне XXXIV яруса образовалась площадка, покрытая сейчас рыхлой прослойкой, лишенная однако культурного слоя. Последнее обстоятельство указывает на то, что ее устройство было лишь этапом строительства и сопровождало выравнивание

уровня под крепостную стену. Затем возводится сама крепостная стена с прокладкой в ней обводной сводчатой галереи на уровне середины XXIV яруса в южном конце и грани XXV и XXVI ярусов в северном, т. е. с понижением пола к северу.

На облаженном разрезом участке впервые четко выявлено, что поверхность внешней пахсовой стены, обмазанной толстой саманной штукатуркой, идущая в цокольной части с наклоном в 60° , выше середины XVIII яруса поднималась отвесно. После возведения основной стены к ней пристроена пахсовая монолитная кладка, на верху которой и обустроена упомянутая выше площадка в конце XXXII яруса, обрывающаяся вниз ко рву гранью в 45° наклона. Ее расчистка доведена до глубины XL яруса.

В третьем разрезе, заложенном на северном участке восточной галереи, выявлена картина прохождения галереи на протяжении 6,5 м и поворот ее на запад; на дуге поворота обнаружен ход в северо-восточную угловую обаню. В этой части свод галереи сохранился очень плохо, обнаружены только пяты свода на высоте 1,4 м от пола и начало свода, выложенного наклонными отрезками (рис. 39, а, разрез 1). Ширина коридора в этой части от 1,9 м в начале северного участка до 1,25 м на повороте. В начале северного участка коридора расширена поперечная стена-перегородка с проходом в ней в 0,5 м. В этой части галереи, на небольшом слое завала, сохранился слой натеков общей толщиной до

3,15 м, что еще раз свидетельствует о длительном стоянии галереи в открытом виде.

Во внутренней стене галереи и в восточном, и в северном отрезке обнаружены проходы внутрь здания шириной 0,5 м. Вход в башню оказался заложенным сырцовым кирпичом. Ширина прохода 1 м при высоте 1,6 м. Внешняя расчистка на площадке впервые выявила контур северо-восточной угловой башни прямоугольного абриса.

В этом же разрезе зафиксирована поверхность террасы, но залегавшая на 0,5 м выше, чем на участке второго разреза (т. е. в начале XXXII яруса). Стена угловой башни, как и восточная стена замка, имела угол наклона в 60°, длину восточного фаса 10,5 м (по уровню террасы). Она выступала за линию стены на 3,5 м. Внутренняя круглая комната башни, как и две раскрытые ранее (диаметром 4 м), была наглухо забутована кирпичом.

Северная сторона башни на 1 м уже восточной, к ней примыкает стена двора, сложенная из пахсы и сырцового кирпича и снаружи наклонно спускавшаяся ко рву. Примечательно устройство в углу их смыкания площадки на уровне внешней восточной террасы. В этом своеобразном кармане, заполненном продуктами обрушения верхушек стен усадьбы, на дне сохранились упавшие элементы архитектурного убранства сырцовых

фасадов замка в виде колес, зубцов,

образных деталей из обожженной глины, скопилось значительное количество иного материала, в том числе керамика, железный нож, монета с квадратным отверстием чекана тюркеш-кагана, большое количество округлых булыжных камней, видимо, игравших роль метательных снарядов.

Большая часть керамики — фрагменты сосудов для хранения, хумы и хумча с потеками красного, коричневого и черного ангоба. Встречены также фрагменты крупных мисок и чаш светло-красного черепка, изготовленных на гончарном круге. Значительную часть находок составляют лепные кухонные котлы со скобовидными ручками (рис. 40, 41). Встречены также фрагменты кувшинчиков, лепных крышек, фрагмент зооморфного налеса сосуда. Представлены и всевозможные каменные изделия (песты, терки, подставки, фрагменты жерновов).

Северо-восточное колено нижней галереи и ее северный участок, расчищенный на 5,5 м,

показали, что здесь также выводились поперечные стенки с узкими проходами, делящие коридор на отсеки. На повороте во внутренней стене коридора обозначились два прохода, выводившие в помещения первого этапа жизни замка. Как и на западном фасае, они оказались забутованными в отличие от самого коридора, функционировавшего и на позднем этапе. Хорошая сохранность на повороте галереи позволяет четко видеть конструкцию сооружения на участке входа в круглую башенную комнату (рис. 39, а, разрез 4). Отчетливо читается кладка стены из двух рядов пахсовых блоков, двух рядов кирпича, на которых локоятся плиты наклонных отрезков свода галереи. Эллипсовидная арка входа в башню оформлена положенными плашмя кирпичами и аналогична выявленной ранее В. Л. Ворониной арке юго-восточной башни. Пол галереи выложен одним рядом сырцового кирпича и на этом участке находится на отметке конца XXVI яруса. Примечательно, что под выстилкой была захоронена терракотовая фигурка конька, условно схематичной выделки, положенная в фортификационное сооружение, видимо, с магической целью.

В толще северной стены галереи расчищен проход во двор шириной 1,5 м, прорубленный на втором этапе функционирования галереи в метре выше пола, выводивший во двор замка на северную террасу, идущую на этом фасае в конце XXIV яруса.

Внутренняя часть стены двора в месте смыкания с башней проявила неожиданную сложную картину: к башне примыкает стеночка шириной 1,1—1,5 м, южнее она расширяется вдвое, т. е. в этом углу двора, видимо, был подъем на обводную стену посредством лестницы или пандуса, причем на самой стене в этом месте видна расширенная площадка. Картина специфичной конструкции на этом участке становится очевидной при сравнении с участком смыкания стены с северо-западной башней, где нет расширенной площадки, толщина западной стены поверху стены 2,4 м, т. е. ровно в половину меньше восточной.

В общем северо-западная башня повторяет параметры северо-восточной (ширина западного фасада 10,5 м, отступ от стены замка 3,4 м). Расчищена ее подошва на уровне середины XXXI яруса, что на 0,5 м ниже уровня площадки террасы у северо-восточной башни. Подошва укреплена кирпичной бермой высотой около 0,5 м и такой же ширины. На таком же уровне на расстоянии 1,5 м от башни вдоль западного фаса шел коридор, на юге выходивший на ось нижней галереи и продолжавшийся на север за пределы замка

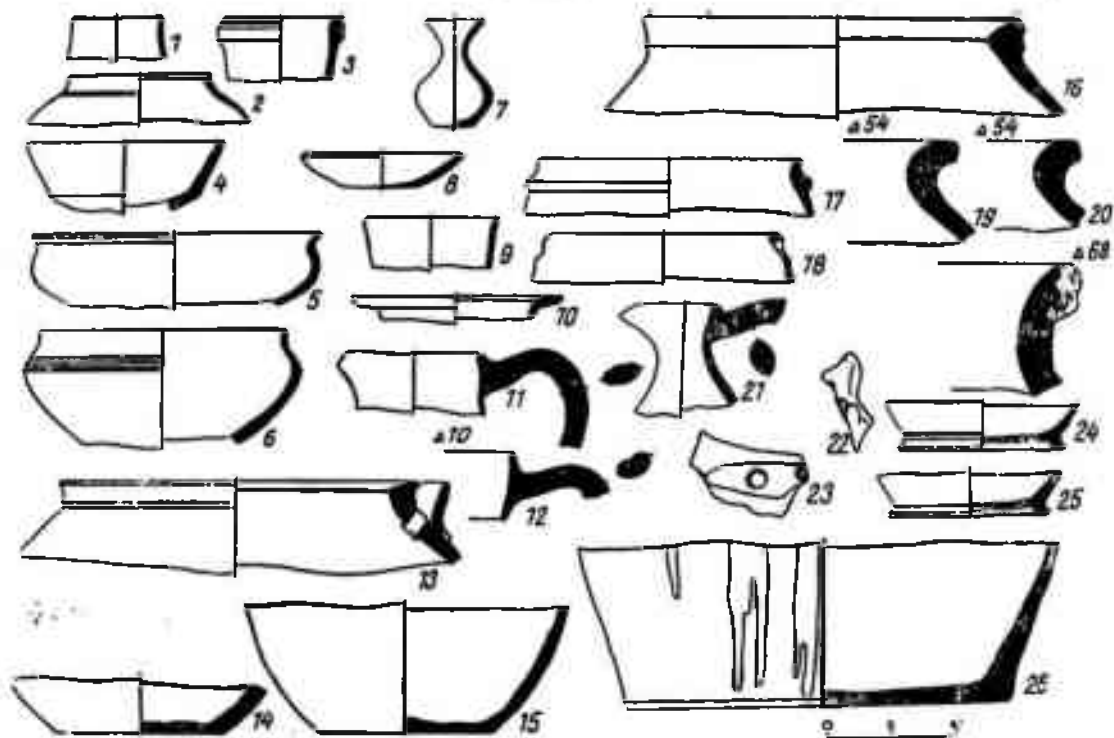

Рис. 41. Бинкат. Актепа Юусабадское. Керамика VII—VIII вв.

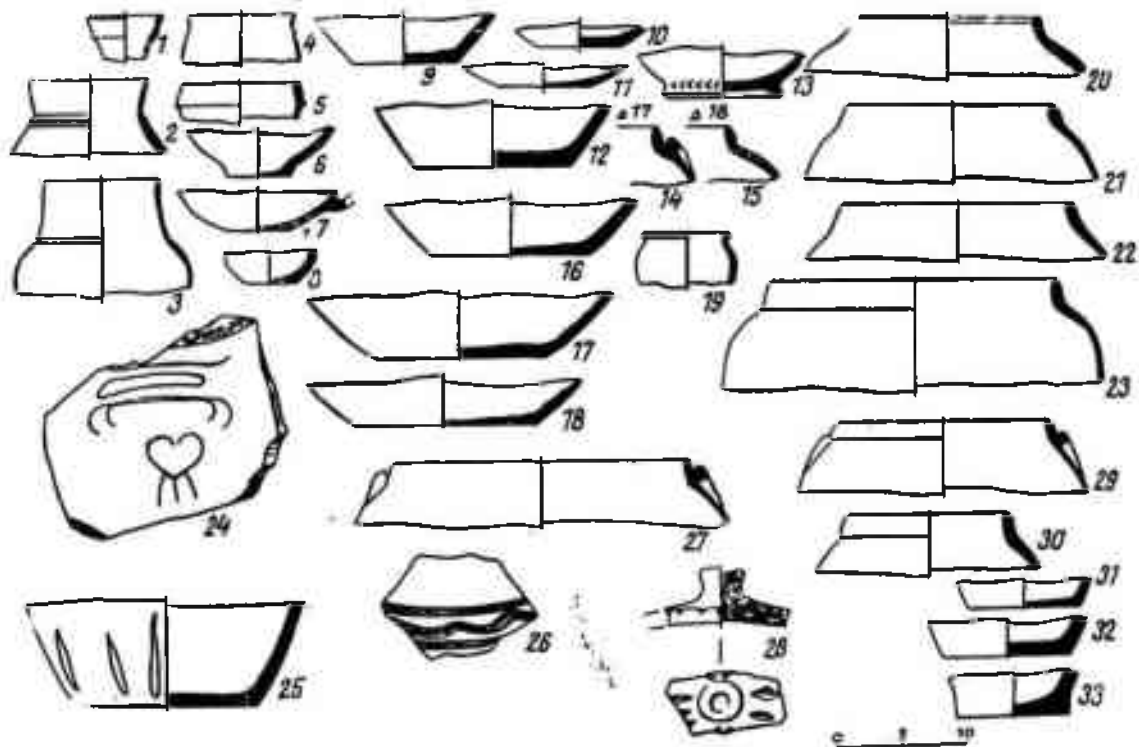

Рис. 41. Бинкат. Актепа Юусабадское. Керамика VII—VIII вв.

вдоль стены двора (рис. 42, разрезы III и III а). По всей видимости, — это участок галереи нижнего яруса замка, обнаруженной только на западном и южном фасаде сооружения. Судя по всему, коридор устремляется на север, в сторону ворот во двор.

На северном фасаде замка открыта фасадная поверхность северной стены, сложенной из паховых блоков. Поверхность стены отвесная, местами сильно разрушенная. На уровне конца XXVI яруса начинается скос нижней части стены, а на уровне середины XXIII яруса — поверхность террасы шириной 4 м, проходившей вдоль всего северного фасада так же, как и вдоль восточного. В середине фасада оконтурена башня, оформляющая вход в замок. Она трапециевидная в плане (10 м и 9 м стороны трапеции), сужающаяся к северу, выступает за линию стены на 4 м. Куртина между входной башней и угловой в 15 м. По центральной оси башни располагался вход, т. е. конец коридора, идущего в глубь замка.

Выяснилось, что отрезок коридора пересекавший толщину стены замка над внутрисконной галереей, первоначально имел ширину около 4 м, а затем был сужен за счет встройки двух продольных стен до 1,5 м. Входное устье коридора слегка расширилось до 2 м. Сейчас трудно судить об оформлении самого входа из-за его полного разрушения. Скорее всего арка, видимо, одного из типов, сохранившихся до сих пор, венчала входной проем. Во входном коридоре отмечено четырехкратное повышение уровня пола от конца XVIII яруса до середины XV (рис. 43, а). Вдоль коридора проложена система водоотвода в виде цепи кубуров, последнее звено перед самым входом сменялось вертикально поставленной сцепкой кубуров, отводившей воду в глубь кладки входной башни и затем, видимо, наружу где-то у подошвы, уровень которой отмечен в начале XXX яруса. От стены уровень двора постепенно понижался к центру, что также обеспечивало отток дождевой воды от здания. Не будет фантазией предположить, что там также была система водоотвода, направленная к воротам во двор, где в главном помещении в воротах была устроена канавка, обложенная и закрытая терракотовыми плитками, сбрасывавшая воду из крепости в ров. Подъем к входу в замок обеспечивал пандус, монументальное сооружение из сырцового кирпича размером 46×24×10—12 см, 50×24×10 см, по ширине совпадающее с входной башней и пристроенное к ней.

Чтобы обеспечить подъем от уровня XXXI яруса до XVIII (т. е. на шестиметровую высоту) необходима была наклонная плоскость

длиной до 18 м. Сохранился и расчищен участок ее поверхности протяженностью около 6 м. При угле склонения в 30° линия продолжения наклонной поверхности точно пересекается с уровнем первого пола входного коридора в одной точке с вертикальной поверхностью переднего фасада башни. Такое совпадение убедило нас в том, что сохранившийся в натуре участок наклонной плоскости соответствует истинной поверхности пандуса. Заложенный к востоку от башни и пандуса шурф показал характер и последовательность отложений в этой части двора, непосредственно примыкавшей к террасе вдоль стены, башне и пандусу.

Верхний слой в шурфе мощностью до 1,5 м представлял напластования, связанные с обживанием территории усадьбы в X—XII вв. По характеру это был строительный завал с гумусными вкраплениями, насыщенный галечником и обломками жженого кирпича и включавший фрагменты характерной для периода глазурованной керамики. Вся залегающая под ним свита слоев давала наглядную картину постепенного замусоривания этого угла двора. Шурф выявил также детали конструкции замка первого периода (когда все сооружение представляло собой каре обводной стены с коридором и квадратными башнями и располагавшейся вдоль нее внутри застройкой длинными казематными помещениями). К входной башне тогда также примыкал метровой высоты пандус, выводивший на уровень нижней галереи, а вдоль северной стены шла терраса, поверхность которой встречена в шурфе, в середине XXVIII яруса (рис. 43, А₁—Б₁). Уровень ее отмечает гумуснозольный слой с большим количеством костей животных и керамики. Ниже — плотный слой глины и уровень первоначального двора с натекающими. Иными словами замусоривание двора началось еще в конце первого периода жизни усадьбы; наиболее же мощный слой зольногумусных отложений связан с уровнем террасы второго периода.

Здесь примечательно следующее. На каком-то этапе у самого пандуса была устроена поглотительная яма с ташнау на расстоянии 2,5 м от края террасы. Для ташнау использована нижняя часть крупного хума, перевернутого вверх дном с пробитым к стенке отверстием. Ее вырыли в накопившихся уже на дворе слоях мусора и лессового завала, но хум провалился на дно ямы, а сверху она заполнилась органикой и золой. Последние слои мусора широко перекрыли самую яму и протянулись на уровень поверхности террасы. Выявленная в шурфе картина позволяет

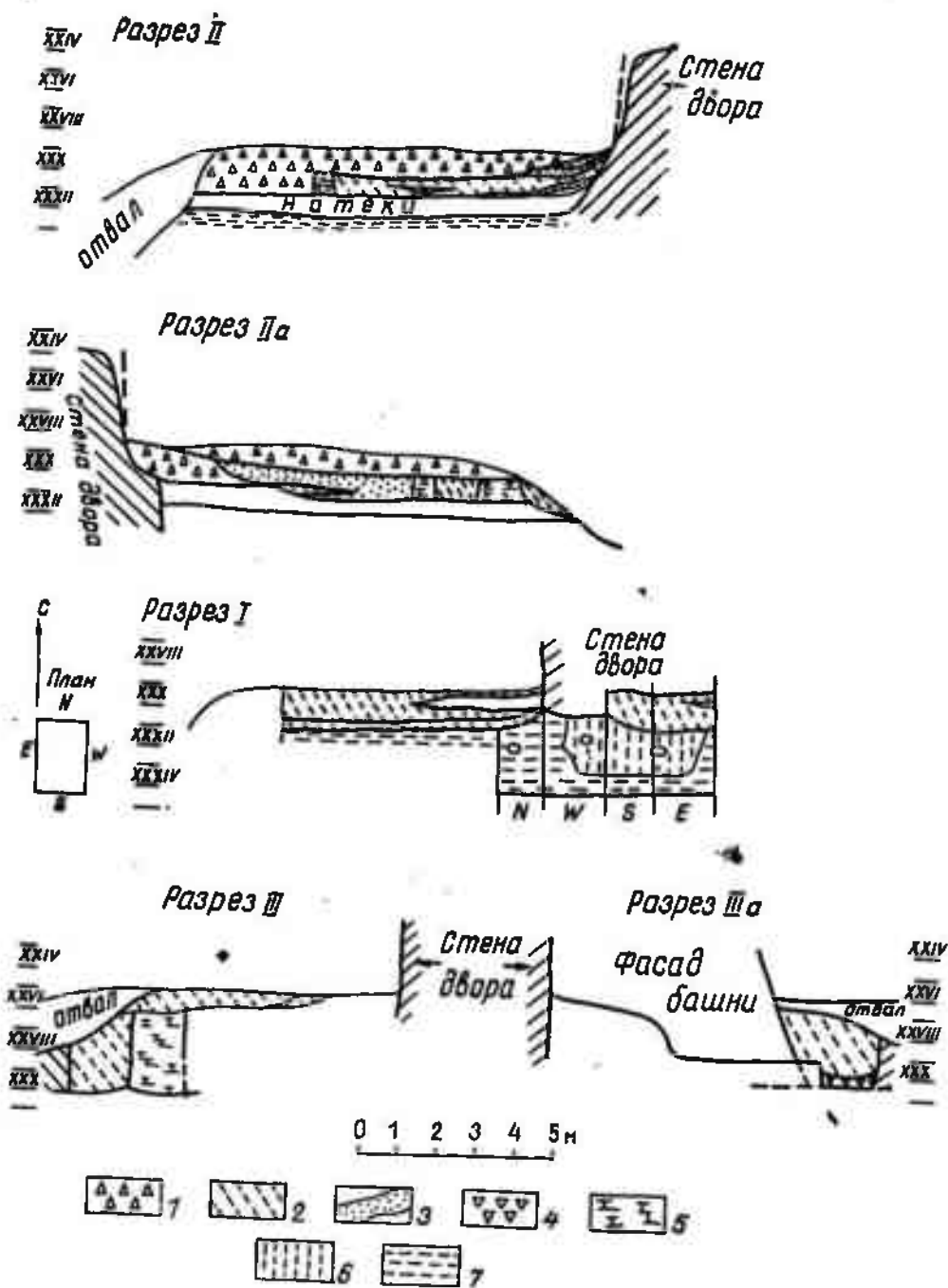

Рис. 42. Бинкат. Актепа Юнусабдское. Разрезы через террасу с воротами.

предположить, что мусор сюда сбрасывали прямо с пандуса у входа.

Иная картина зафиксирована по другой, западную, сторону башни и пандуса. Здесь башня имела обкладку из прямоугольного

сырца. Примыкавшие к стене башни слои носили характер разрушения здания, т. е. строительство завала. Здесь также отмечена терраса второго периода с уровнем поверхности в начале XXVI яруса. Над ней на высоте

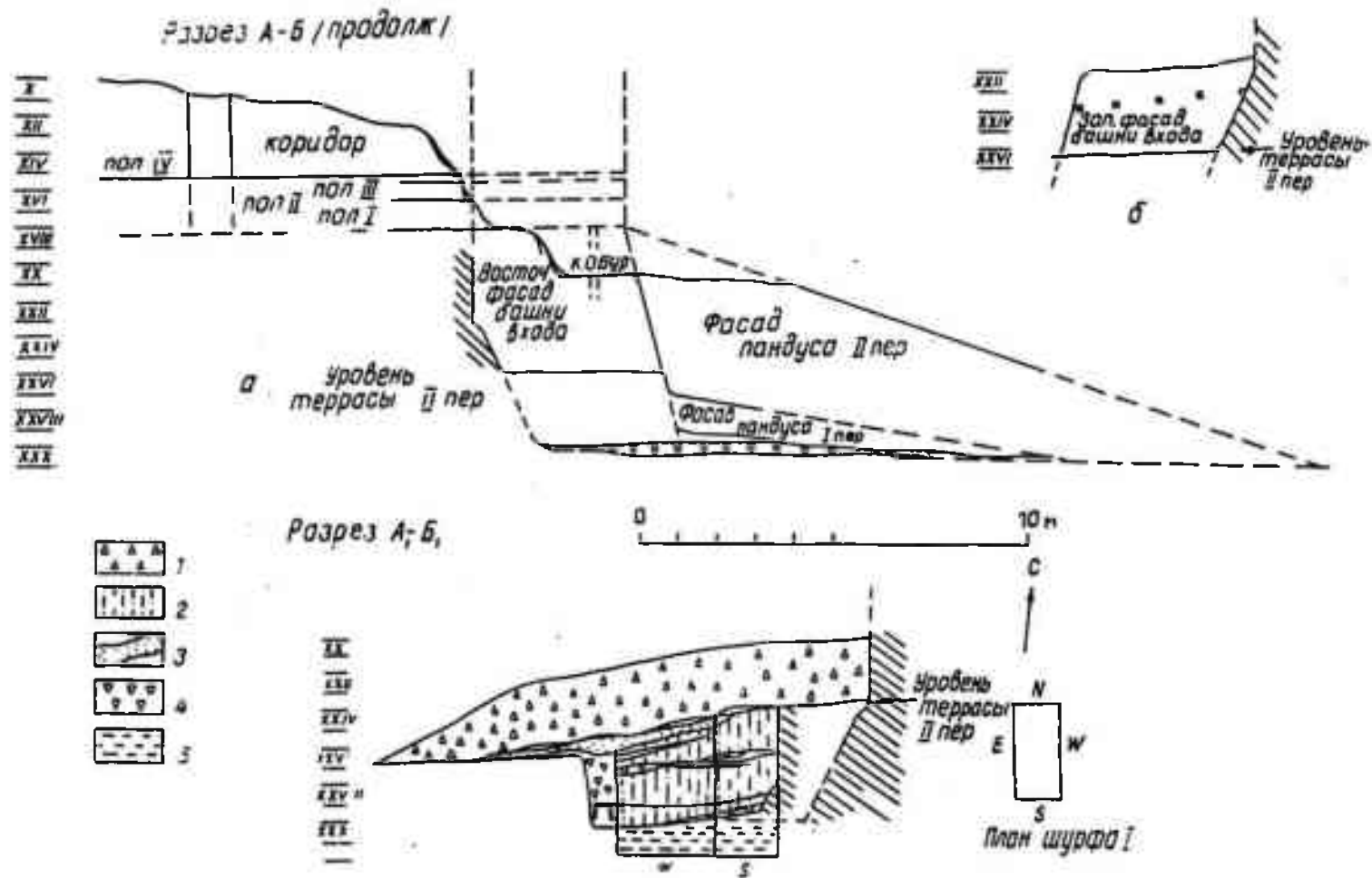
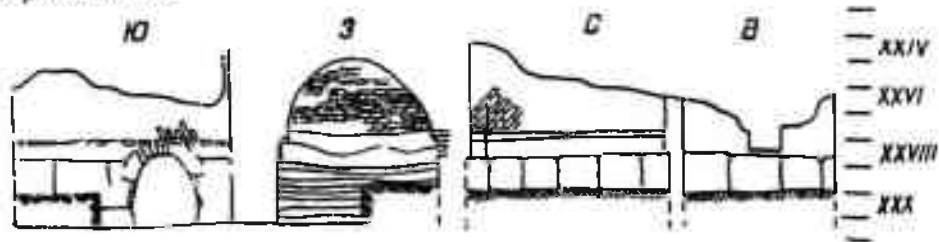

Рис. 43. Бинкат. Актепа Юнусабадское. Разрез у входной башни:
 1 — слой сирцового шалея; 2 — слой средней плотности; 3 — зольная прослойка; 4 — гумус; 5 — лессовый материал.

Развертка пом I

Развертка пом II

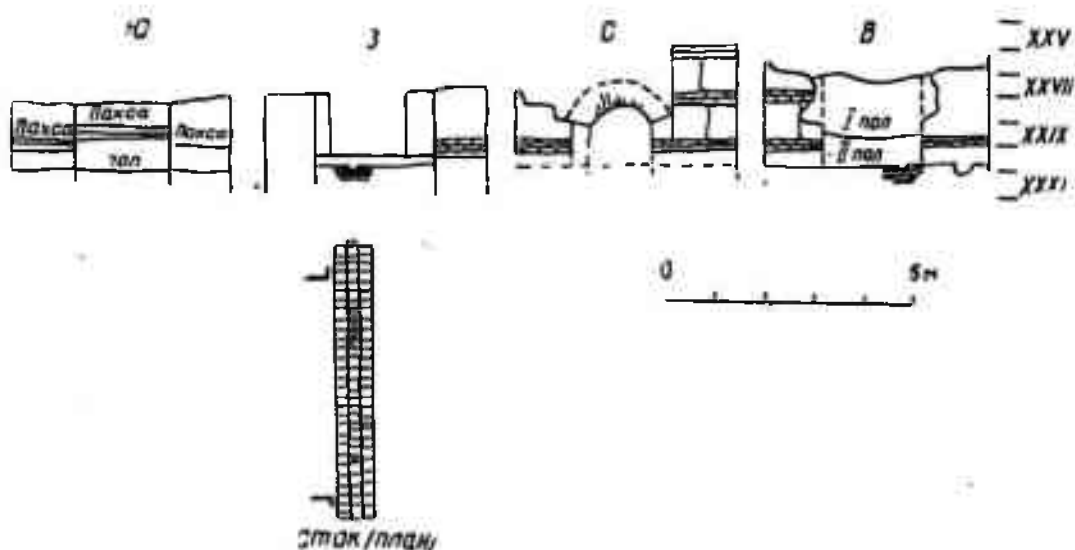

Рис. 44. Бикат. Актепа Юнусабадское. Развертка помещений комплекса ворот.

1,5 м был устроен, очевидно, навес, наклонная кровля которого держалась на вделанных в стену балках. Сохранилась наклонная череда из пяти гнезд (рис. 43, а, б). В самой стене башни, под навесом, вырезана нишка 0,7 × 0,8 м полуциркульной формы со слоями пепла. Возможно, здесь разводили огонь для освещения айвана и обогрева тех, кто находился на террасе под навесом. Видимо, здесь пребывала внешняя охрана замка. Такие нишки-очаги практиковались в интерьере замка. Например, во входном коридоре, где напротив него отмечена небольшая суфа, на которой, очевидно, помещался внутренний караул.

ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ВОРОТ ДВОРА УСАДЬБЫ И ПРЕДВАРНОЙ ТЕРРАСЫ

К западу от двора усадьбы до впадины рва рельеф местности образует довольно ровную естественную ступень-террасу, по которой осуществлялся подъем к воротам и которую в свое время А. И. Тереножкин реконструировал как подводящий пандус. Исследования на этом участке позволили определить устройство ворот, выявили стены двора общей протяженностью около 60 м и стратиграфию наслоений на террасе. Основная первоначальная стена двора выложена из паксы, разделанной блоками по 0,85 × 0,85 м²

и перекрыта несколькими рядами прямоугольного кирпича; на некоторых участках пахса прослоена двумя рядами кирпича. Ширина по верху 2,3—2,4 м, в нижней части 3,3—3,4 м. В районе ворот стена укреплена дополнительной прикладкой, образующей небольшие выступы-пилоны, фланкировавшие ворота, расположенные в 30 м севернее замка.

Здесь оформлен привратный комплекс, включавший собственно проходное помещение типа чартака и примыкавшее с севера помещение кордегардии. Обе постройки выведены на первом этапе в один прием с внешней стеной, что четко видно в месте сопряжения стены кордегардии. Подошва стен этих построек — в конце XXXI яруса. Ширина проема ворот 2,45 м, выход во двор в восточной стене 2,0 м, в южной 1,85 м, вход в кордегардию в северной стене 1,42 м (рис. 44). Он хорошо сохранился, донес до нас свое оформление аркой полуциркульного очертания. Возможно, все другие проходы перекрывались подобными арками, но перекрытие потолка было плоским, судя по его пролету — 4,35—4,45 м. Кордегардия (размер 4×3 м), кроме арочного прохода, сохранила часть перекрытия свода — наклонными отрезками и довольно наглядный интерьер. Как и везде, стены, сложенные из двух блоков пахсы, накрыты четырьмя рядами прямоугольного кирпича, нависающего на 10 см, и далее следует красивая четкая кладка наклонных отрезков свода. В восточной стене читается окно (0,65 см).

Интерьер помещения не пострадал от разрушения. После того, как ее покинули, комната постепенно затягивалась мусором. За северной стеной снаружи к кордегардии примыкала суфа шириной 1,1 м, сложенная обычным для усадьбы методом — узкая стеночка в один кирпич фиксировала край, внутренность забивалась грунтом. Учитывая, что непосредственно у кордегардии узкий проход вел в обширное представительное здание дворцовой резиденции владельца усадьбы, располагавшееся в центре двора, суфа безусловно служила местом пребывания караульного поста.

Позднее, когда стена двора укреплялась на участке ворот, суфа исчезла под пахсовой кладкой этой рубашки шириной 2,8 м понижу. С пристройкой этой рубашки к северу от ворот поверху образовалась площадка шириной порядка 4,2 м, усилившая оборону ворот и быть может служившая для орудия метательной артиллерии, как и площадка у сопряжения с северо-восточной башней замка.

В чартаке выявлена картина разрушения, связанного с гибелью замка: сильно разво-

рочена внешняя стена кордегардии, видны следы пожара, на пол обрушился мощный завал, что согласуется с общей картиной гибели сооружения, выявленной на других участках и последовавшей в первой трети VIII в. н. э. в ходе арабского завоевания Чача. Однако здесь, как и в других точках усадьбы, видны следы частичного постарабского обживания. Завал в чартаке утрамбован и выровнен под новый уровень пола на 2,25 м выше нижнего, проем ворот сужен боковыми пристройками до 1,5 м.

В чартаке и проеме ворот на нижнем полу прослежен водоотвод со двора замка, который, вероятно, был последним звеном водосборной и отводящей системы замка. Водоотвод в чартаке сдвинут от оси комнаты к югу. Это канавка, выложенная и перекрытая керамическими плитками размерами 26×13×3 см (ширина канавки 18—20 см, глубина 12—15 см). Водоотвод выходил за линию ворот и продолжался до рва в виде вырытого в лессе арычка. При стратиграфическом исследовании (разрез 1, рис. 42) у конца вымостки обнаружена большая впадина глубиной до 0,5 м, заполненная зеленоватой органикой, как след сброса канализационных вод. В эту же впадину сбрасывались дождевые воды с внешней стены двора, видимо, с площадки к северу от ворот, на что указывает спускающийся с нее участок кубурной цепи, уложенный в лоток из сырцовых кирпичей и обложенный керамическими плитками. Ось кубурной цепи отклонена от линии внешней поверхности стены двора на 15°. Размер кубуров 1,7 м при диаметре 0,19; 0,24 м. Они заканчиваются керамическим лотком-желобом, уложенным в ложе из плиток. Кроме впадины, у конца керамического водоотвода выявлена яма до 1,5 м глубиной, выделяющаяся в разрезе плотно слежавшимся слоем глины с зеленоватым оттенком — результат просачивания жидкости из водоотвода. В стенках ямы видны овальные отверстия, возможно, также связанные с канализационной системой.

В стратиграфическом разрезе у ворот читается картина последних лет жизни усадьбы. В XXXI ярусе прослежены два плотно утрамбованных уровня (первый на грани XXXI и XXXII ярусов), принадлежащих полотну дороги. С последним связана уже отмеченная впадина, куда сбрасывались нечистоты и воды, не отведенные в ров в худшие времена содержания замкового хозяйства. Поскольку у пандуса замка наблюдается близкая картина, замусоривание двора и предвратной террасы было характерно для последних лет жизни усадьбы. Поверх дороги и впадины зафиксирован слой постепенного разрушения

стен после окончательного заброса замка.

Для исследования террасы, кроме разреза в створе ворот двора, за западной его стеной, посредине расстояния от угловой башни до входного комплекса усадьбы, заложили разрез II. В обеих его стенках (Р-II и Р-IIа) читается последовательность обживания, заупустения и разрушения. Уровень первоначального освоения террасы прослеживается на материковом лессе в начале XXXII яруса. Это — уплотненный долгим вытаптыванием слой, очевидно, ведущей к воротам дороги, которая, как выясняется, не давала практически никакого пандусного наклонения (как предполагал А. И. Тереножкин), так как у северо-западной башни замка, в разрезе II, и у ворот этот первоначальный уровень фиксируется в конце XXXI — начале XXXII ярусов. Таким образом, подъезд к воротам осуществлялся по ровной террасе между стеной двора и краем рва, проходившего здесь примерно в 11 м от этой стены. Судя по разрезу, где над дорогой отмечен полуметровый слой натеков, пространство террасы первоначально было открытым и его можно сравнить с ристалищем западноевропейских замков, местом проведения рыцарских турниров, обычно располагавшимся на узкой полосе между стеной замка и рвом.

Пока трудно судить о том, как был обустроен начальный отрезок дороги к воротам, без сомнения, начинавшейся после перемычки через ров у юго-западной башни замка. Здесь на уровне конца XXXIII яруса проходила нижняя галерея, поднимающаяся к северу на уровень конца XXXI яруса. Предстоит еще выяснить роль ее западного участка в организации подхода к воротам усадьбы.

Далее в разрезе II прослеживается следующая картина: к натекам у стены двора примыкает слой разрушения кирпичной кладки, очевидно, обрушившийся гребень стены. Далее на середине террасы на том же слое натеков отмечены остатки тонких стеночных легких строений, возведенных на каком-то этапе за пределами усадьбы. На слое их разрушения и скопившегося тут же мусора, что можно, видимо, связать с заупустением, последовавшим в конце первого этапа жизни замка, отмечен еще один утрамбованный уровень дороги в начале XXX яруса. Это была дорога последнего периода жизни замка, когда он превратился в громадное величественное сооружение усадьбы, погибшей в ходе арабского завоевания. На ее уровне сохранился слой, свидетельствующий о его постепенном заупустении и обрушении: продукты разрушения стен двора с обломками кирпича, камня-

ми, костями животных и кухонными отбросами.

Таким образом, выявлены новые факты в планировке замка первого и второго этапов. На первом этапе его квадрат, окруженный сводчатой галереей с прямоугольными угловыми башнями, снабженный с севера входной башней с невысоким пандусом, выходящим на уровень галереи, вскоре был дополнен укрепленным стеной двором, примкнувшим к северному фасаду замка. Уровень подошвы сооружения варьировал в зависимости от рельефа от конца XXX яруса на западном фасе до XL и глубже на южном и восточном, причем уровнем, по которому осуществлялся подъезд и вход во двор усадьбы и в сам замок, оставалась поверхность в XXXI—XXXII ярусах. Для выравнивания до него уровней на востоке к основному массиву замка пристроили паховую кладку с площадкой на ней, создавшую нижний ярус обороны.

На втором этапе, когда произвели забутовки первоначальной постройки замка (кроме обводного коридора) и радикальные перестройки сооружения, повысившие уровни полов в замке до конца XVII—XVIII ярусов, к ним подвели новый монументальный пандус, но все уровни во дворе и за пределами усадьбы сохранялись прежними.

Паховые стены двора замка на первом этапе выстроены массивными монолитами без каких-либо следов коридора наверху; оборона стен усадьбы осуществлялась из-за парапета. Та же система сохранилась в втором этапе, но стены двора местами (на участке ворот, в месте стыка северо-восточной башни) были усилены внутренними рубашками.

Исследования восточного фаса замка дали принципиально новую информацию о его планировке и общем облике во втором периоде функционирования. Во-первых, с выявлением четкой поверхности внешней стены впервые документально установлен ступенчатый вид внешнего абриса сырцового замка, что определяет характер его обороны. Уровень подошвы замка в конце XL яруса зафиксирован на южном склоне; на восточном он еще не достигнут, хотя XL ярус пройден. Исходя из уровня поверхности террасы восточного фаса (конец XXXII яруса) устанавливается высота первой ступени пирамиды на этом фасе — около 5 м. Раскоп показал, что галерея нижнего яруса здесь, видимо, не существовало. Галерея южного фаса оканчивалась на востоке туликом, а ее плоская кровля сливалась с уровнем террасы восточного фаса, образуя первую ступень обороны на юге и востоке. Без сомнения, край ступени оформлялся не сохранившимися ныне парапетом с зубцами,

из-за которого осуществлялся нижний обстрел через ров. Вторая ступень образовывалась уровнем кровли галереи верхнего яруса, которая, как теперь установлено, опоясывала весь замок. Замок ее свода везде был на одном уровне, хотя пол имел пандусное склонение: юго-западный участок выше северо-восточного на 0,75—1,25 м.

Подобный прием в устройстве обводных галерей известен в раннесредневековой фортификации. Прежде всего его использовали в Уструшанском замке Чильхуджра, который дает наиболее близкую аналогию планировке замка Актепа. Здесь разница наклона пандуса обводной анфилады до 1,5 м (Пулатов, 1975, рис. 14). Плоская крыша верхней галереи замка Актепа фиксировала вторую ступень пирамиды высотой 3 м и второй ярус обороны из-за парапета. Верх этой ступени украшен терракотовыми архитектурными деталями в виде колес, зубцов и др.

При расчистке галереи всегда несколько удивляло отсутствие в ней бойниц, хотя обводной характер позволял считать ее стрелковой. Теперь ясно, что при ступенчатой системе обстрела из-за парапета бойницы были не только не нужны, но и ослабляли бы оборону. На площадку второй ступени, очевидно, можно было попасть только с верха угловых башен, как известно, забутованных на втором этапе. Ни в одном из помещений второго периода жизни замка (полы в конце XVII—XVIII ярусе) не обнаружено выхода наружу на крышу галереи. Единственный выход найден из углового помещения культового комплекса, выводивший на верхнюю площадку северо-западной угловой башни замка. На площадку первой ступени попадали из верхней галереи, имевшей по одному выходу на четырех фасах.

Второй принципиальный факт, выявленный последними раскопками, это документально установленная форма башен. Ранее при вскрытии обеих башен замка были зафиксированы лишь внутренние круглые помещения, перекрытые куполом, наружные же фасады были настолько разрушены, что определить их план было невозможно. Это дало повод для двух логических реконструкций (В. Л. Ворониной и М. И. Филанович), которые, как выяснилось теперь, не соответствуют действительности. На самом деле башни замка имели вид прямоугольных бастонов с вписанными в них объемами круглых помещений. Следует отметить, что это — единственный пока пример сочетания прямоугольного сооружения с внутренней круглой комнатой, отмечаемый в фортификационном строительстве. В эпоху античности и раннего средневековья такие ар-

хитектурно-планировочные решения известны пока для общественных и культовых сооружений (Старая Ниса, Айханум, Кафыр-Кала Тохаристанская, памятники восточного Туркестана) (Пугаченкова, 1958, с. 101—102; Бернар, 1987, с. 27; Соловьев, 1979).

Пирамида замка Актепа имела также III и IV ярусы обстрела. Это были последовательно крыша двухъярусных хранилищ, располагавшаяся, видимо, на уровне VI яруса и создававшая ступень в 6 м высоты, усилившую оборону восточного и южного фаса. IV ступень — крыша башни-донжона юго-западной части замка — она возвышалась еще на 4—5 м, и завершала оборону с этой стороны, создавая возможность дальнего обстрела. Все эти уровни, видимо, были снабжены парапетом и оформлены описанными выше архитектурными деталями по фасаду.

Примечательным итогом последних работ на Актепе следует назвать обнаружение в нескольких точках усадьбы остатков системы водоотвода и канализационных устройств.

В замках Согда только в дворцовом здании Кума открыта система отвода дождевых вод через деревянную трубу, соединенную с системой кубуров (Якубов, 1988, с. 93). Разнообразные водоотводящие приспособления усадьбы Актепа (ранний пример ташнау, кубурный отвод, лотки из керамических плиток) значительно обогатили представления о системе благоустройства сельских усадеб и способах предохранения от сырости сырцовых построек, бытовавших в Средней Азии в раннем средневековье.

К типу замка с поселением относится Чаштепа, расположенное в зоне Актепа, в 1,5 км к северу от его кешка. Двухъярусный объект, у которого вышка отделена от шлейфа ложбиной. Шлейф почти полностью разобран на грунт в 1979 г. Проведенные в то время археологические исследования выявили на нем культурный слой до 1 м эпохи раннего средневековья. Сейчас от памятника сохранился лишь останец вышки 25×15 м, затертый жилищными домами нового квартала Юнусабада.

Раскопками выявлено, что ядро вышки составляло монументальное здание из пахсы и сырцового кирпича, ориентированное по оси северо-запад — юго-восток² (рис. 45). Очевидно, оно было обведено коридором, образующим квадрат со стороною около 15 м. Невозможно определить, располагались ли какие-то помещения за коридором. Внутри же сохранились три узких помещения, объединенные проходами. Их взаиморасположение нельзя

² Работы проведены к. и. н. Н. П. Столяровой и археологом А. Грошевым.

связать с обычной монотонной суровой коридорной планировкой, характерной для многих замков и особенно их нижних этажей. Постройка, от которой сохранились эти помещения, более чем на 6 м вознесена над уровнем окружающей территории и покоится на естественном лессовом останце.

Центральное помещение с двумя проходами в коридор и одним в помещении 3 создает впечатление открытости и коммуникабельности, свойственных жилым комплексам.

Помещение 3 открывается на широкий айван или двор проходом шириной 0,8 м. В нем при входе обнаружены пристенные очаги, служившие для обогрева.

Здание прошло три этапа перестроек, причем второй был радикальным, так как первоначальное здание оказалось погребенным под новой постройкой, местами использовавшей старые стены. Отмечены и два периода жизни. Первый завершился запустением, чему предшествовало замусоривание дворовой части здания. Во втором периоде после некоторых внутренних перестроек замок и двор продолжали использоваться. Сооружение погребло в огне пожара, следы которого явственно читаются в обгоревших докрасна стенах, слоях сгоревших деревянных частей перекрытия в помещении 2. Картина гибели здания в общих чертах идентична открытой в замке Актепа, что предполагает единую причину, а именно разгром в ходе арабского завоевания. Вещественный материал из замка, представленный главным образом керамикой, полностью идентичен комплексу посуды замка-усадыбы Актепа.

Третье крупное здание замка с поселением (или несколькими поселениями) того же типа, что Чаштепа, расположенное в 3,5 км к северо-северо-западу от Актепа, — Кулактепа³. Массив его кешка четкой четырехгранной пирамидой возвышается над окрестными полями, ложбина рва отделяет его от холма поселения. Далее отдельными массивами располагаются еще два всхолмления.

Кешк — двухэтажный, на платформе, на которую поднимались по пандусу через вход в западной грани пирамиды. Весь нижний этаж кешка занимала система узких коридоров-хранящих, располагавшихся группами по два-три в широтном и меридиональном направлении. Широкий коридор к северу от входа заполнен пандусом на второй этаж. Примечательно, что нижний этаж замка, как и замок Актепа, наглухо забутован, но от построек нового этапа ничего не сохранилось.

Керамический материал Кулактепа ана-

логичен материалу Актепа. В целом керамика всех трех объектов демонстрирует набор форм круговой посуды, характерной для прогрессивной части керамического комплекса Ташкентского микрооазиса, где преобладают черты, роднящие его с согдийской культурой в ущерб местным традициям Каунчи. Одна из ведущих форм — кружка с петельной ручкой и цилиндрической верхней частью резервуара, варьируя в деталях, идентична таким же формам Центрального Согда. В большом ходу в Чаче были эти формы с четкими признаками подражания металлу.

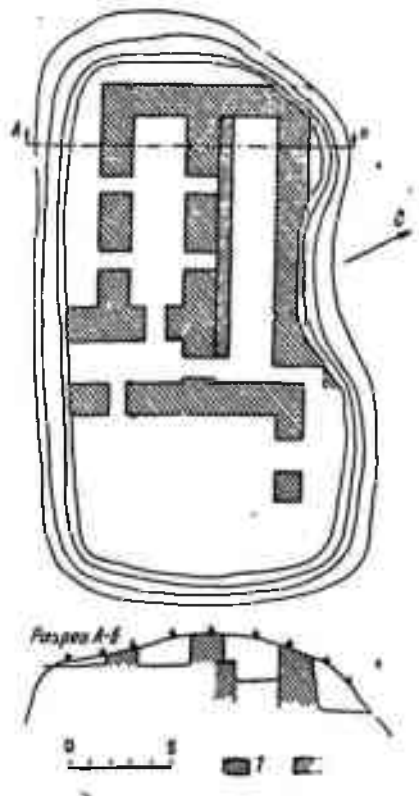

Рис. 45. Биккат. Чаштепа. План и разрез замка.

Крупномасштабные раскопки Актепа и планиграфические исследования Чаштепа и Кулактепа позволяют поставить типологическую градацию сельских поселений Чача на прочную документальную основу. Мы уже отметили, что замок-усадыба Актепа в принципе относится к тому же типу, что и два последних, будучи более масштабным и развитым его вариантом. Укрепленная возвышенная часть и тяготеющие к ней осхлобления, отделенные ложбиной рва, — это главные внешние типологические признаки, характер-

³ Частичные раскопки проведены сотрудниками УзНИПИ реставрации Минкультуры УзССР.

ные для такого рода объектов в Чаче так же, как в Согде, Уструшане и Тохаристане, но только раскопки раскрывают внутреннее содержание и структуру объектов, демонстрирующих большое разнообразие. В этом плане результаты исследования замков Ташкентского микрооазиса полностью подтверждают заключение, сделанное по итогам исследования сельских поселений горного Согда, Хорезма (Якубов, 1988; Неразик, 1966).

На основании этих документальных данных можно утверждать, что в типологическом плане указанные объекты Ташкента ближе всего стоят к согдийским и уструшанским.

Чаштепа и Кулактепа относятся к типу, который в горном Согде представлен Батуртепе, Саидтепе, Хазориспандтепе и др., имеющими двухэтажный замок и поселение с небольшими домами (Якубов, 1988, с. 37, 39).

Замок Кулактепа также состоял из нижнего этажа с узкими помещениями хранилищ и верхнего, видимо, включавшего жилые комнаты. Членение нижнего этажа кешка на узкие коридоры — характерный признак строительства раннесредневековых замков Согда, Уструшаны. О наличии нижнего этажа на Чаштепе судить трудно; его частично сохранившаяся планировка указывает на узкие, хотя не замкнутые помещения обводного коридора и двора и может претендовать на жилой характер.

Он относится к замку типа резиденций или в более масштабном репрезентативном варианте — замков-дворцов типа Калаи Каххаха (Негматов, Хмельницкий, 1966) и Гардони-Хисар (Якубов, 1988, с. 89). С последним его роднит — не только расположение на возвышенной платформе, но и устройство открытого айвана, переходящего в Чаштепа в пространство двора.

Постройка Актепа — это более развитый тип замка-резиденции с легко дифференцированным по функциональному признаку пространством. В планировочном принципе он идентичен схеме архитектурно-строительного комплекса в Куме горного Согда. Здесь также основной замок не был приспособлен для жилья и все его фортификационные сооружения предназначались для защиты хозяйственных помещений и хранилищ обычной гребенчатой планировки, как в замке Кум и культурно-мемориального комплекса, что отличает его от последнего. Конечно, замок служил укрытием и был последним оплотом в случае военной опасности.

Жилые помещения дворца-резиденции Актепа располагались у подножия замка и объединялись с ним стеной двора. Ров отделил эту замковую часть от поселения, которое

также не было однородным. Непосредственно за перемычкой на другом берегу рва, на западном холме, в нескольких местах обнажены массивные пахсовые стены монументальных зданий, которые, возможно, даже были укреплены автономной оборонительной стеной, как в Куме. На южном холме таких сооружений практически нет. Он был застроен более мелкими бедными постройками.

Связь замка Актепа с согдийской строительной традицией, четко прослеживаемая и в планировке, и в строительных приемах, и в архитектурном декоре, безусловно, свидетельствует о бурном интеграционном процессе, проходившем в Чаче по трассам торгового и культурного обмена, дороге согдийской колонизации. В Ташкентском микрооазисе проявление этого процесса четко фиксируется на памятниках его северо-восточной зоны. Все три объекта (Актепа, Кулактепа и Чаштепа) находятся в этой зоне.

Вместе с тем замок Актепа обладает планировочными особенностями, тесно связывающими его с Хорезмом. Наличие и форма донжона, купольная кубическая постройка в структуре замка заставляют обратиться к структурному составу хорезмийских раннесредневековых усадеб. Фортификационно-строительная школа Чача не формировалась изолированно. Издревне сложились историко-культурные связи его с Согдом, регионами по Сырдарье и с Хорезмом в раннем средневековье, чему немало способствовала политическая обстановка, когда в условиях противостояния Тюркского каганата и Сасанидской державы усиливалась роль северных путей контактов и обмена ценностями.

Замок-резиденция Актепа и тяготевшее к нему поселение или поселения, общую площадь которых еще недавно можно было определить — она составляла около 100 га, безусловно, уникален и резко выделяется в социальном пейзаже округа Мадина Шаша. То, что он был местом пребывания феодала очень крупного ранга, не вызывает сомнения. Тот факт, что резиденция включала внушительный многозальный дворец типа дворцов Бунджиката, Варахши, Пянджикента, Кафыркалы, позволяет возвести ее владельца в ранг правителя, домен которого включал весь микрооазис Ташкента. Возможно, это был одновременно правитель всего государства. Дворец, открытый ранее на Мингурюке, сложившийся и использовавшийся в VII—VIII вв. н. э., до сих пор был единственным репрезентативным сооружением, известным в Чаче. Это была скорее всего официальная резиденция правителя Чача в самой столице государства того времени. То, что открыто на Ак-

тепа,—видимо, его загородная резиденция, также рассчитанная, судя по обширности открытых залов с многоступенчатыми суфами, на многолюдные пышные приемы, и создававшая возможность долгосрочного пребывания в ней самого правителя с его вооруженным отрядом и многочисленной свитой.

Не исключено, что замок Актепа был родовым поместьем правителя государства; а его превращение после радикальной перестройки на новом этапе из укрепленного селения в резиденцию с ярко выраженной элитарной функцией отражает этапы карьеры его владельцев. Обширные, прилегающие к резиденции селения принадлежали зависимому населению и общинникам (кедизарам), связанным разной степенью зависимости с владельцем усадьбы, наемным свободным работникам, ремесленникам, обслуживающим хозяйство. Возможно, на западном холме, связанном перемычкой с усадьбой и занятом монументальными домами, жили члены патриархальной семьи владельца, знатные родственники со своей челядью и рабами.

Замки Чаштепа и Кулактепа, судя по их более скромным размерам, принадлежали феодалам более низкого ранга, наглядно отражая наряду с комплексом Актепа многоступенчатую иерархию среднеазиатского общества. То могли быть диканы, владельцы селений, либо получившие их за службу у правителя Чача, либо унаследовавшие. Вознесенные над прилегающими селениями оба замка символизировали власть и авторитет их хозяев — каххудатов. Нет сомнения, что хозяева этих замков, как и других, еще не изученных в Ташкентском микрооазисе, и как вообще этого вида объекты расселения, отвечали выделенной В. А. Лившицем на основе изучения письменных документов должностной категории согдийского общества: «государь» — правитель селения (Лившиц, 1962).

Социально-топографическая ситуация, выявленная в ближайшей зоне Актепа Юнусабадского, где сохранился нетронутым участок округа Мадины Чача, была характерна и для остальной ее территории. Об этом можно судить по остаткам бугров, сохранившихся среди современного урбанистического пейзажа Ташкента на определенном расстоянии от главного города (Бинката). Ближайшие же к нему раннесредневековые объекты расселения ныне стерты в процессе городского строительства Ташкента, начавшегося во второй половине XIX в. По некоторым признакам и архивным материалам их былое присутствие реконструируется, хотя что-либо определенного об их функциях и структуре, разумеется, сказать невозможно. Не попавшие в зо-

ну городского строительства объекты, как правило, более удалены от раннесредневековой столицы. Так, в свое время выявлен и изучен храмовый комплекс Актепа Чиланзарского, бывший культовым центром скорее всего целого района, исследовались и крупные укрепленные селения общинников без замков — Фазылтепа, Бузгонтепа, с замком — Актепа Сагбая.

С V в. н. э. по крайней мере документально зафиксировано, что религией Чача, как и Уструшаны, Согда и Хорезма, был зороастризм. Об этом свидетельствуют не только храмы с алтарями огня, святилища огня в замках и городских домах, найденные на городище Канка монеты с титулом царя «язат-пир», но и оссуарный обряд захоронения очищенных костей, практиковавшийся в Чаче в VII—VIII вв. н. э. Обширный могильник оссуариев, зарытых в землю, открыт в прошлом веке Н. П. Остроумовым в долине Карасу. Он отождествлен с некрополем Мадины Чача. В период запустения в оссуарный некрополь были превращены городские стены Ханабада (Нуджката). Отдельные находки оссуариев в городе Ташкенте известны по материалам Туркестанского кружка любителей археологии.

Мы пока не знаем мест последнего упокоения обитателей замка-усадьбы Актепа и двух указанных выше замков в его зоне. Хотя в наусе-мавзолее самой усадьбы Актепа, очевидно, временно выставлялся оссуарий владельца для ритуала поклонения.

Новый пункт оссуарных погребений зафиксирован и по возможности изучен в северо-западной части округа Бинката. Он обнаружен при разборке на грунт бугра (по ул. Ниязова), носившего название Ходжа Фархантепа. Он не причислялся к археологическим объектам, так как был лишен материала, и лишь при объемных земляных работах выяснилось, что лессовый останец нашпкован глиняными ящичками-оссуариями как булка изюмом. Они были зарыты в грунт и обнаруживались на глубине до 0,7—0,9 м. Собрано пять оссуариев в археологически целом или фрагментарном состоянии, что позволило выделить три их типа, характерных для кладбища VII—VIII вв. н. э.: 1) простая неорнаментированная урна с крышкой, 2) подпрямоугольный ящичек с овальной крышкой, 3) овальный ящичек с такой же крышкой (рис. 46). Последние два типа орнаментированы по передней фасадной стенке геометрическим и растительным узорами. Типы оссуариев и орнаментации характерны для ранее найденных в Ташкенте и оазисе Чача и представляют собой стандартную продукцию, изготавливаемую для внутреннего использования в регио-

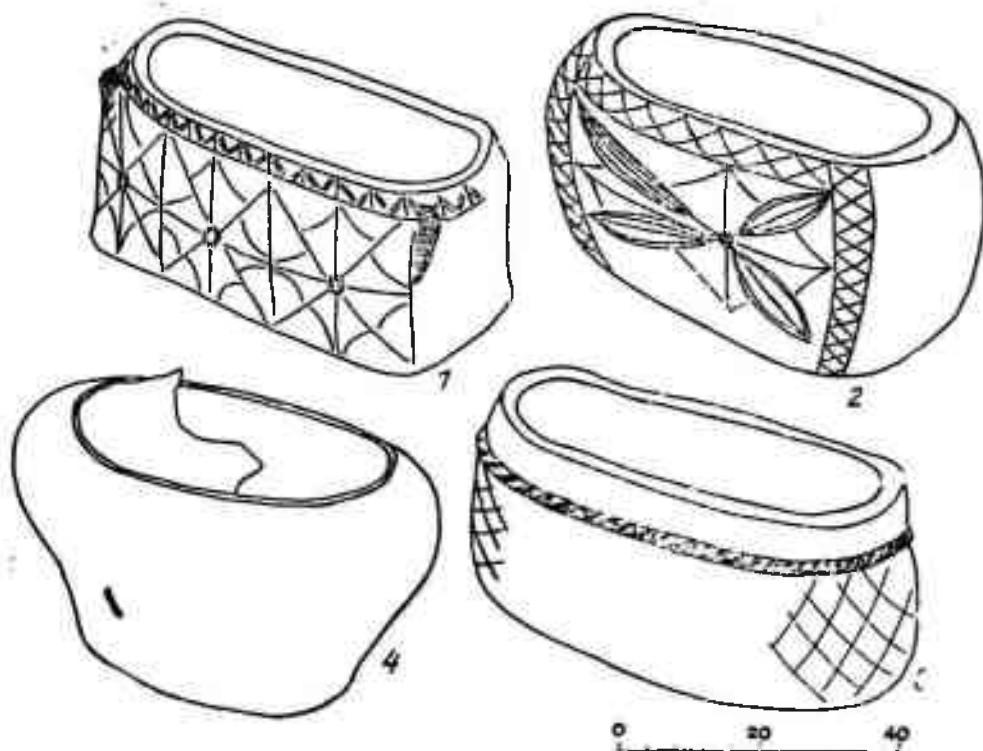

Рис. 46. Бинкат. Оссуарный некрополь Ходжа Фархон. Оссуарии VII—VIII вв.

не, хотя при специальном анализе можно выявить нити и признаки, связывающие эту продукцию с типами оссуариев Согда, Хорезма (Филанович, 1990, с. 85 и сл.).

В юго-западной части округа, в ближайшем окружении некрополя, не зафиксировано раннесредневековых объектов расселения. На отдаленном расстоянии располагаются крупные замки Актепа Сагбан, Актепа Чигатай, Шахнишин, Хиобан. Вопрос принадлежности некрополя какому-то населенному пункту остается открытым. Хотя его оссуарии, как и найденные ранее, красноречиво определяют как обряд погребения, так и характер могильников, видимо, рядовых жителей селений округа Мадина Чача. Надо думать, в нее входили и наусы как фамильные усыпальницы обитателей замков, принадлежавших слоям раннесредневекового общества Чача, располагавшимся на более высокой ступени социальной лестницы.

Мы уже отмечали, что оформившаяся в это время раннесредневековая округа Мадина Чача стала основой более поздних средневековых рустакв Ташкента и была стабильна, хотя расположение самого столичного центра внутри сменилось. Он переместился с

Салара, с территории городища Мингурюк, на 4,5 км к северо-западу, в ареал водной системы Бозсу. Письменные источники, как известно, характеризуют Бинкат — Ташкент на этой территории как столичный город Шаша, окруженный двумя рабадами, обведенными каждый своей стеной с воротами (внутренний рабад с восемью или десятью воротами, внешний — с семью). Безусловно, в названиях некоторых ворот города Бинката X в. отражены топонимы рабадов и округа, многие из которых сохранились, видимо, от предшествующих времен. Это подтверждает название одних ворот внутреннего рабада — «ворота Замка дихкана» («Каср-ул дихкан», или «Кушки-дихкан»), намекающее на расположение в их направлении какого-то дихканского кешка. Попытка связать их с теми, что выводили на северо-восток в направлении замка-резиденции Актепа вряд ли плодотворна, так как хотя этот замок и был самым впечатляющим сооружением округа, на более близком расстоянии к городу располагался в то время целый ряд таких построек. Многие из них, охваченные жилой застройкой, оказались внутри рабадов (тому пример Шахнишин, Хиобан). Однако единственной реальней

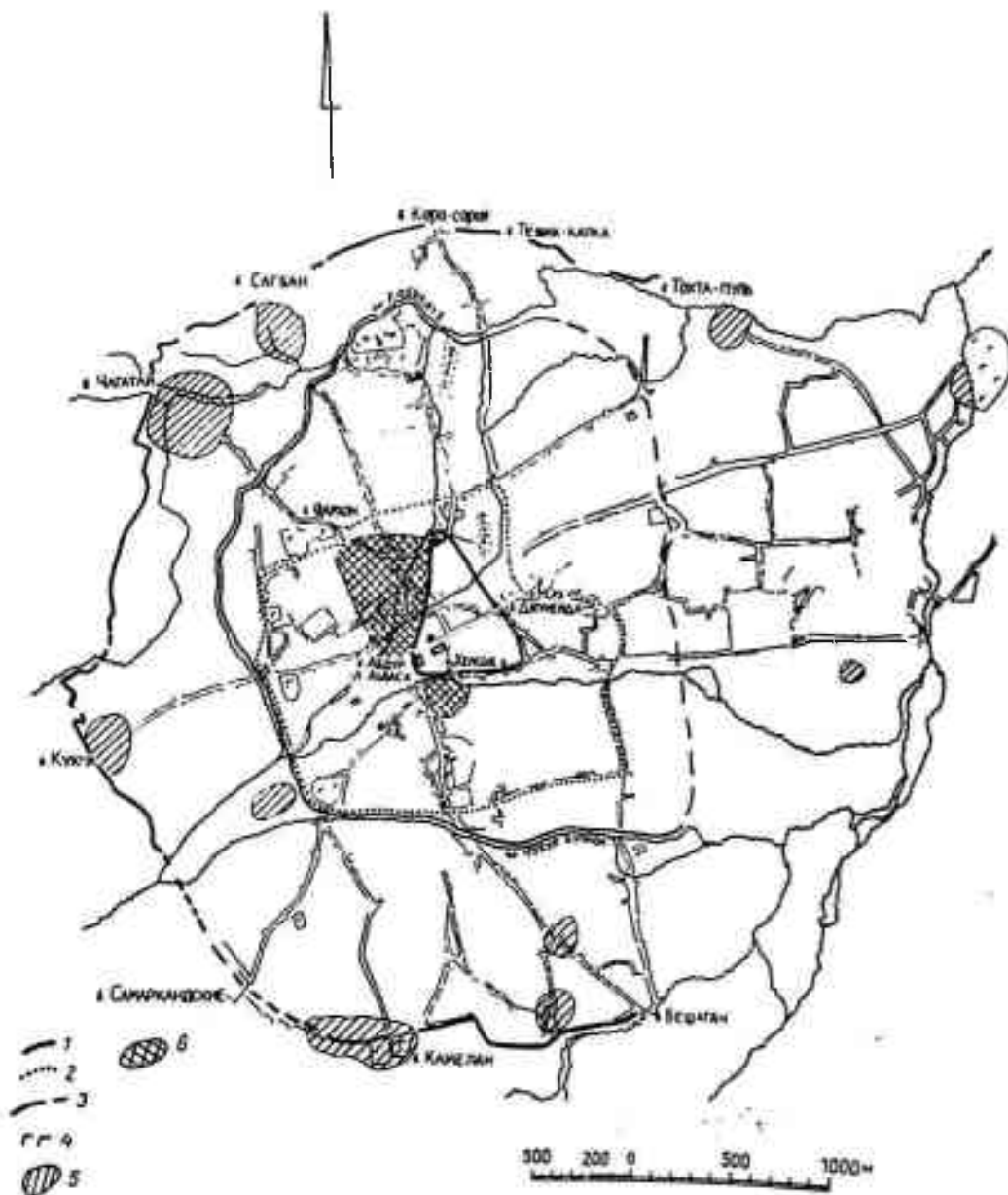

Рис. 47. Карта Ташкента XIX в.

1 — граница шахрстана Бинката IX—XII вв.; 2 — граница его внутреннего раода; 3 — граница его внешнего раода; 4 — поздние худбиша; 5 — зеленые участки в IX—XII вв.

остается факт, что название этих ворот отразило самый характерный структурный элемент раннесредневековой округи Бинката.

В связи с открытием некрополя Ходжа Фархантепа обращает на себя внимание название других ворот внутреннего раода — «ворот Фархан». М. Е. Массон допускал толкование названия как «Ферганские» (Массон, 1954, с. 110). По нашему мнению, в основу названия положен, как и в случае с «во-

ротами Замка дихкана», топоним округи города, а именно крупный оссуарный некрополь в местности Фархан или около селения Фархан. В этом случае ворота Фархан должны были располагаться в северо-западном участке стены раода Бинката и это будет единственное как-то документально обоснованное отождествление одних из ворот столицы Чача X в. (рис. 47).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этапы городской культуры бассейна Среднего Яксарта

Полученные в результате широких археологических исследований материалы проливают новый свет на этапы становления и развития городской культуры бассейна Средней Сырдарьи.

Древнейшим памятником городского типа является центральное ядро Канки, вырвавшееся на берегу древнего русла Ахангарана, ранние фортификационные укрепления которого прорезают жилища типа полуподземных землянок, характерных для бургузюкской культуры. При всей незначительности, вероятно, к заключительному этапу этой культуры следует отнести и незначительный материал из ям-землянок (Буряков, 1987, с. 34).

Как отмечалось в литературе, самый ранний стандарт квадратного крупного кирпича и отдельные керамические находки находят аналогию в эллинизированных комплексах античной культуры Бактрии и Согда IV—II вв. до н. э. (Абдуллаев, 1975, с. 134). Этот факт, по нашему мнению, позволяет связать ранний этап с известным в античных источниках походом за Яксарт полководца Селевка и Антиоха Демодама, «воздвигшего там алтари Аполлону». Дата похода неизвестна. Ряд исследователей относит ее к началу III в. до н. э., когда после 293 г. до н. э. Селевк специально назначил своего сына Антиоха соправителем на Востоке в связи с антиэллиническими выступлениями в восточных провинциях страны, и поход за Яксарт против саков Демодама был одной из таких акций Антиоха (Пьянков, 1968, с. 12; Гафуров, 1972, с. 101—102; Литвинский, 1972, с. 157). Другие исследователи предполагают, что поход мог быть завершен лишь в начале экспансии Селевкидов — между 312 и 311 гг. н. э.¹ Здесь хотелось отметить другое. Храм Аполлона посвящен культу огня, который перекликается с

культулой огня, распространенным, судя по археологическим данным, и среди сакских племен.

Таким образом, возведение этого храма могло быть не только самоутверждением Селевкидов за Яксартом, но и дипломатическим актом. В связи с этим небезынтересно остановиться на названии города, с которым отождествлены руины Канки. В средневековых источниках он назывался Харажкет, переведенный М. Е. Массоном как город куланов или город ослов (Массон, 1953, с. 114), есть вариант на нескольких монетах — Хараджкет (Копев, 1988). Однако несомненно, что это поздняя передача более древнего названия. Следует обратить внимание на его основу, которая в варианте Нагау, Пуага связывается с названием божества солнца, огня. Не исключено, что основание в его древнейшем ядре храма огня и послужило причиной для названия города, хранившего культ огня, как показали результаты раскопок в шахристане-1, вплоть до арабского нашествия. В этом плане и название города и господствующая культура в определенной мере перекликаются с нижней Сырдарьей, Хорезмом. Это направление, ныне детально разрабатываемое Г. И. Богомоловым, нам представляется вполне обоснованным, как, например, и предложенное О. И. Смирновой толкование другого чачского города Данфеганкет как Динбаганикет — город храма религии (Смирнова, 1970, с. 7).

Однако вслед за этим происходит коренная перестройка оборонительных сооружений шахристана-1, ремонт стен, возведение двухъярусной обводной галереи с применением кирпича иного стандарта — прямоугольного сырца размером 46—52×23—26×9—12 см. Одновременно из этого же кирпича возведены самые ранние крепостные стены, окружившие город на площади около 150 га. Стена двойная с обводным коридором. Материальная

¹ Сообщение В. П. Яйленко на совещании, посвященном 2500-летию Ленинабада 18 июня 1986 г. Материалы не опубликованы.

культура, связанная с этой монументальной фортификацией иная. Она представлена керамическим комплексом плоскодонной посуды преимущественно ручной лепки, хотя есть и станковая посуда иных форм, чем согдийская. Формы ее разнообразны. В них сочетаются сосуды, характерные и для земледельческих культур (хумы, столовая посуда, кухонные сосуды) и скотоводческих культур (фляги, молочные сосуды). Некоторые крупные сосуды украшены знаками-тамгами. Мелкие сосуды — кружечки, горшочки — имеют вертикальные ручки с навершиями, оформленными фигурками животных, преимущественно барана, реже — козла и птицы, мелкого хищника. Это отражение космических и зооморфных культов.

Такой же, как на Канке, стандарт кирпича с аналогичным комплексом керамики получен и в нижних слоях шахристана Шаркин. Эти материалы находят более близкие аналогии с комплексами культуры и архитектуры северных и восточных районов и связываются с событиями, происходившими на широкой территории кочевых и полукочевых районов от Восточного Туркестана до Приаралья.

Исследователи отмечают, что развитие в середине I тысячелетия до н. э. в северных районах Средней Азии и степных районах вплоть до Восточного Туркестана экономики преимущественно на кочевой скотоводческой основе, как наиболее ранней форме производящего хозяйства, способствовало быстрому росту производительных сил степного района. Этот демографический взрыв усилил междоусобную борьбу за перераспределение пастбищ и миграцию отдельных групп в другие районы, в том числе и земледельческие оазисы, так как еще К. Маркс отмечал, что «рост численности у этих племен (т. е. кочевников Азии.— Ю. Б.) приводит к тому, что они взаимно лишали друг друга территории, необходимой для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные приключений великие переселения» (Маркс и Энгельс. Т. 8, с. 568). Движение это началось с востока Центральной Азии столкновением могучих союзов хуннов, усуней, юечжей и привело к сдвигу их несколькими волнами в различные районы Средней Азии. Однако и на севере, в Приаралье и Приуралье, проходил аналогичный процесс, где социально-экономический подъем в кочевых союзах сармат также привел к переселению в Причерноморье, Приволжские степи и Среднюю Азию. Эти процессы обусловили изменения в социально-экономической и этнической структуре в первую очередь бассейна Сырдарьи.

Конкретным фактором, с которым мы связываем изменение основной социально-экономической и демографической структуры региона, была борьба хуннов и юечжей на грани III—II в. и первой четверти II в. до н. э., приведшая к передвижению последних на запад в районы Средней Азии.

Юечжи — могучий союз, который в третьей четверти I тысячелетия до н. э. подчинил многие племена Монгольской степи, в числе которых были и хунны. Однако усилившись, хунны с 203 г. до н. э. начинают борьбу, которая к 177 г. до н. э. завершилась в их пользу, а удар, нанесенный, по сообщению Сыма-цзяна, хуннским шаньюем Лаошаном в 174 г. до н. э. юечжам, заставил их откочевать на запад.

Под влиянием сообщений китайских источников о могуществе хуннов, которые были основным противником ханьского Китая, некоторые исследователи представляли уход юечжей на запад как бегство разбитых хуннями разрозненных племен. Однако конкретные факты истории заставляют рассматривать это событие как движение крупного союза племен, сыгравшего большую роль в последующей политической истории некоторых восточных районов Средней Азии. Отмечается две группы юечжей. Одна — «малые юечжи» — осталась среди усуней. Вторая — «большие юечжи» — ушла в земли саков (по сообщению источников, «сели на землю сэ»). В их движении отмечается несколько этапов. Они прошли в сторону Давани, на земли саков Семиречья и на Яксарт, вероятно, сдвинув часть саков с их земель. Далее, очевидно, вместе с саками и усиленные северными сарматами прошли на юго-запад и юг, захватив район Согда и разгромив Греко-Бактрию, где было создано пять владений севернее Окса, каждым из которых управлял свой правитель.

По сообщению Чжан Цаня и описанию хроник Ханшу, земли юечжей размещались в 2—3 тыс. ли к западу от Давани. Однако значительная их часть, вероятно, оставалась на Яксарте, так как в последующие столетия источники сообщали, и о правителе Чача, что он происходит «из дома юечжей «жаою». Все это говорит о передвижении сюда не разрозненных групп, а могучего союза. В связи с этим интересны предложения, выдвинутые еще исследователями XIX в. и обобщенные С. П. Толстовым, о тождестве юечжей с массагетами (Толстов, 1948, с. 242—247), объясняющие и продвижение их в монгольские степи из Средней Азии, а затем и возвращение обратно к родственным племенам сарматоидного круга нижней Сырдарьи.

Возвращаясь к археологическим источникам, следует отметить значительные изменения в материальной культуре значительной территории от Семиречья до Бактрии, включая среднюю и нижнюю Сырдарью. Наряду с исчезновением сакских погребений широко распространяется погребальный обряд с подбоем и катакомбой под курганный насыпью. И еще один важный для нас факт. Со II в. до н. э. в низовьях Сырдарьи отмечается исчезновение сакской чирикрабатской культуры, складывающейся с архаического времени как сочетание сакской основы и влияния южной земледельческой в составе ахеменидской державы, окранный которой была в этом сакском регионе. Сатрапской постройкой ахеменидов считают исследователи Бабишмуллу как следствие включения чирикрабадцев в административно-экономическую систему ахеменидов. Это позволяет считать обоснованным влияние на данном регионе и южной ахеменидской архитектуры, имеющей старые традиции строительства фортификационных и общественных сооружений со знанием системы сводов, сочетания квадратной и круглой форм архитектуры, использования в качестве основного строительного материала прямоугольного стандарта крупного сырцового кирпича в сочетании с нахсой. Вероятно, эти строительные традиции остались здесь и после разгрома ахеменидов Александром Македонским, не дошедшим до северных границ ахеменидской державы. Сатрапская резиденция на Бабишмулле осталась недостроенной. Прекратился приток культурных традиций, ремесленной продукции и самих ремесленников.

Развивается местная культура оседающих на землю скотоводов, активно использующих старые архитектурные приемы, хотя и с некоторым огрублением, приспособлением к местным военным и жилым потребностям. Исчезновение памятников этой культуры со II в. до н. э. с одной стороны связывается с изменением гидрографической дельты. С другой, вероятно, повлияла и этнополитическая ситуация, приведшая к уходу части их на запад (Пьянков, 1964, с. 124—125). Другая часть, вероятно, влилась в русло движения кочажийских племен, передвинулась вверх по Яксарту и осела вместе с ними в средней Сырдарье. Эта северная волна племен с южной архитектурной традицией оказала большое влияние на особенности урбанизации Средней Сырдарьи, выразившиеся в резком изменении архитектуры по сравнению с бургулюкской культурой и распространении прямоугольного крупноформатного стандарта кирпича. Важную роль здесь сыграли традиционные связи племен, объединенных одной речной магист-

ралью. В то же время в материальной культуре, керамике чувствуется определенный компонент восточных районов, примером чему может служить южная керамика Семиречья (Акишев, Кушаев, 1963, с. 100, 103, рис. 82). Это проявляется в джетысарской и отгарокаратауской культурах Южного Казахстана и каунчинской культуре Ташкентского оазиса.

Со II в. до н. э. по сравнению с предыдущим скотоводческо-земледельческим хозяйством саков-бургулюкцев новый каунчинский комплекс характеризуется качественными изменениями. На смену экономике преимущественно скотоводческой приходит земледельческо-скотоводческая с орошаемым земледелием на базе искусственной ирригации. На смену поселениям с полуземлянками легкой каркасной архитектуры приходит городская и сельская монументальная, со строительством фортификации, крупных жилых и общественных, культовых сооружений из сырца иного стандарта, чем в античном Согде, Бактрии, Хорезме. Для архитекторов городов Чача характерно умение возводить своды, купола, арочные конструкции.

Связи земледельцев и скотоводов становятся тесными в составе Кангюя, где на правах малых владений объединяются вместе с кочевыми племенами почти все оседлосельскохозяйственные владения северных и центральных районов Средней Азии. На этом этапе каунчинский компонент, ядром которого был Ташкентский оазис, появляется несколькими волнами на обширной территории, включая районы Центрального и особенно Южного и Западного Согда. Все эти факторы способствовали связям владения Юени, базировавшегося в бассейне Средней Сырдарьи, с Согдом, росту земледельческой и городской экономики, включению региона в орбиту связей по Великому шелковому пути. В первую очередь сюда подключились города, стоявшие на Яксарте. Китайские источники упоминают северную ветвь шелкового пути, отошедшую от основной магистрали по реке Йонге (Яксарту) на север вплоть до Аланьи. Именно в это время активно разрастается и столица Юени на Канке, достигающая крупных размеров, в слоях которой в частности встречена и китайская монета ханьской эмиссии. В этот период, по нашему мнению, и на самой Сырдарье формируется городище Шаркия в виде квадратной крепости площадью более 30 га. Судя по поздним письменным источникам, пункт этот располагался на стратегически выгодном месте, что впоследствии приводило к его постоянному восстановлению и укреплению вплоть до последних столетий.

Мощность культурных наслоений свидетельствует об активной жизни города как военно-административного и ремесленного пункта и в первые столетия нашей эры. И хотя децентрализационные процессы в Кангюе привели в II—III вв. н. э. к его распаду, это явление положительно сказалось на урбанизационном процессе Чача, так как консолидация владения привела к территориальному расширению городов региона. Это отразилось в первую очередь на равнинной части долины, где и вдоль самой Сырдарьи и по ее притокам выросли городские пункты — Дальверзинтепа, Аккурган, Кендыктепа. Оформляются и города со специальными функциями. Кульбата — как ремесленно-металлургический пункт. Вероятно, преимущественно военно-оборонительную функцию выполняли ранний крепостной центр городища Мингурюк в Ташкенте, Шаматепе и Каунчитепе, вставшие вдоль границы со степной зоной. На границе с кочевниками предгорий вырастает Кавардан.

Комплексный характер экономики Чача, рост разработки рудных ископаемых способствует развитию ремесел, расширению торгово-экономических связей. Важный его показатель — выпуск Чачем в больших масштабах собственной монеты. К настоящему времени найдено более полутора тысяч древнечачских монет. При обилии вариантов монета обладает единым устойчивым иконографическим стандартом. На лицевой стороне изображен портрет правителя обычно влево (редко вправо) в шлеме или в диадеме, с волнистыми волосами, орлиным носом, усами, часто с бородкой. На оборотной стороне — сложная тамга, часто легенда согдийским письмом с раздельным или слитным написанием букв.

Экономически более развитой была группа западных городков, где и найдены все монеты. Это свидетельствует о концентрации ранних городов вдоль Яксарта, являвшегося и ветвью шелкового пути и ранним ретранслятором культурных связей. Сложные изменения происходили в бассейне среднего Яксарта в середине — начале II половины I тысячелетия н. э. Во-первых, нельзя не отметить количественного роста урбанизации, которая в первую очередь шла за счет появления новых городских пунктов как локальных центров связи с сельскими районами и пунктами добычи сырья. Изменялось соотношение роли отдельных районов внутри оазиса. Увеличивалась и укреплялась группа городков в бассейне Парака—Чирчика на границе со степью, завершением чего стал перенос сюда безымянной столицы владения, так и вошедшей в историю под названием «Мадина Чача».

Вероятно, это передвижение зафиксировали китайские источники. Если Бейши сообщает о столице Чача на Яксарте, периметр стен которой составляет 10 ли (от 3,3 до 5 км) (Бичурин, 1950, II, с. 272), то хроника династии Суй, повторив сначала текст Бейши, позже уже говорит о столице Чача с периметром стен в 2 ли, не указывая уже, что она на Яксарте, и не приводя сведений, содержащихся в текстах о ранней столице (Бичурин, 1950, II, с. 282, 286).

Возможно, это было результатом неудачного восстания чачцев против центральной власти тюркского каганата в 605—606 гг., результатом чего был переход власти в Чаче в руки тюркского ставленника кагана, перенесшего свою столицу поближе к границе со степью, населенной родственными племенами, где в это время на Средней Сырдарье расположилась ставка младшего кагана.

Одновременно наблюдается процесс децентрализации владения. Он отмечается, во-первых, выделением из Чача в качестве отдельного владения его южной подобласти Илака со столицей Тункет площадью всего 17 га, но с мощной цитаделью, в которой сидит «сильный диккан». Показателен и тот факт, что чекан единой монеты древнечачского образца уступает место эмиссии (лнтой и чеканенной) ряда городов Чача, становящихся центрами отдельных районов, обладавших значительно большей самостоятельностью, чем раньше. Э. В. Ртвеладзе прочитаны чеканы Банаката, Кабарна, Фарикета, возможно, Харашкета. Интересно, что тамги большинства этих монет несут элементы общей древнечачской тамги, как бы подчеркивая родственные связи и преемственность с древней правящей ветвью владения.

Наряду с ними появляются и монеты с тюркскими элементами, парным портретом царя и царицы, выполненным в иной иконографической манере, чем на ранних монетах. И, наконец, общечачская монета с хищником на лицевой стороне и виллообразной тамгой на оборотной с тюркским титулом малик и, вероятно, именем правителя. Таким образом, налицо явная децентрализация владения при наличии верховной власти тюркского малика, осуществившего дипломатические связи, выпуск общегосударственной монеты. Конфедеративный характер объединения областей подмечен китайским путешественником VII в.

Наряду с этим наблюдается укрепление связей между городами и сельской периферией, прослеженное очень четко в микрооазисе Большого Ташкента, рост экономики сельскохозяйственных районов, выразившийся в количественном скачке сельских пунктов, мно-

гообразии их форм. Нельзя забывать и об активизации в этот период разработки сырьевой базы с преобладающим извлечением благородных и цветных металлов. Потребителями этого сырья были ремесленники городов Чача и Илака. В них зачастую проходила и окончательная обработка, и литье, и чеканка. Мастерские ремесленников функционировали не только в шахристанах, они появлялись и под их стенами, особенно вдоль оживленных караванных путей. Так, начальный этап обживания пригородов Харашкета начинается с южных районов и датируется IV—VI вв., когда город был столицей Чачского владения. С середины I тысячелетия н. э. активизация торгово-дипломатических связей Чача известна и по письменным источникам. Чачские купцы упоминаются и в составе согдийской купеческой колонии Восточного Туркестана, товары их известны по китайским хроникам.

Возможно, не случайно активная жизнь выплескивается за пределы города. С юга отмечено наиболее плотное обживание пригорода в VI—VII вв., где, помимо вскрытых К. А. Абдуллаевым керамических печей, кожевненных мастерских, к югу от ворот до 250 м прослеживаются скопления шлаков, керамики, медных монет. Они тянутся полосой, вероятно, вдоль древней дороги в Согд. Большую группу среди них составляет керамика с прорезным и рельефным орнаментом, сближающаяся с продукцией из северо-западного рабада, но менее парадная. Следует отметить обилие (более 30) медных монет в одном пункте, что похоже на длительно функционировавшую торговую лавку, т. е. ремесла были связаны с торговлей. Поблизости располагалось и оссуарное кладбище.

Новый этап роста — VII—VIII вв., когда, вероятно, с расширением экономических связей с северными степными районами, наряду с разрастанием мастерских южного рабада, появился пункт на северо-западной окраине. Входил ли он в пригород Харашкета или на раннем этапе представлял собой обособленное селение, сказать трудно, однако важен факт разрастания связанного с рынком ремесла за пределами даже такого крупного шахристана. Только на Канке найдено более 100 монет, основная часть которых относится к поре раннего средневековья. Причем наряду с местными здесь представлены находившиеся в обращении монеты тюркешей, согдийских икшидов, танские монеты.

Большой и почти не отраженный в письменных источниках материал по духовной культуре показывает с одной стороны устойчивое развитие в городских общественных храмах и частных молельнях культа огня,

поклонения астральным божествам, с другой — наличие локальных черт, связанных с особенностями скотоводческо-земледельческого этнического состава контактного региона. Характерно сосуществование различных погребальных культов — от катакомб, курганных наземных погребений до захоронений в наземных стенах и оссуарного обряда. Интересно прочитанное В. А. Лившицем на одной из монет Чача имя правителя «Иазатпир» — поклоняющийся йазатам (младшим божествам Авесты), являющееся редким документальным свидетельством распространения в Чаче зороастризма.

Большие изменения в процессе урбанизации бассейна Средней Сырдарьи происходят в IX—XII вв. Как показало комплексное исследование археологического материала, здесь создается система около 50 городов, связанных между собой линиями местных и транзитных караванных путей, на которых располагалось шесть крупнейших. В их число, помимо Бинката, входили и древнейшие центры: Канка—Харашкет и Шаркия—Бенакет. Крупные города (помимо столиц) были узловыми пунктами остановок караванов, центрами ремесленного (иногда специализированного) производства. Пути, отмеченные в арабских дорожниках, прошли и через оазис в степь, и через предгорья, и в горные районы.

Таким образом, если в древности изучаемые районы составляли северо-восточную окраину земледельческой ойкумены на границе с кочевниками, то с периода раннего средневековья и особенно в последующие столетия они превращались в районы интенсивной урбанизации, превосходящей по темпам роста городов такие крупные регионы, как Бактрия—Тохаристан и Согд. Это объясняется тем, что в период активного развития в качестве ведущей торгово-экономической функции и активного включения в торговые связи кочевой степи быстрее развивались области с комплексной, многоотраслевой экономикой и специализацией труда, полностью подтверждающая мысль К. Маркса о том, что «не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда: благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда» (Маркс и Энгельс, т. 23, с. 522).

В IX—X вв. в основном складывается стандартный тип городского жилья с попытками сохранить в любой социальной среде хозяйственный элемент, парадный и интимно-жи-

лой. Город застраивается плотно. Однако исследование городов контактной зоны выявило особенности их застройки. Мы отмечали наличие больших свободных площадей в Чинанкете и Кабарна, связывая их с сообщениями источников о первом, что в нем есть войлочные дома, т. е. юрты осевших скотоводов (Буряков, 1975, с. 50). Изучение слабо застроенного западного сектора шахристана Харашкета показало наличие в нем с поры раннего средневековья крупного хозяйства типа замка-усадыбы, активно функционировавшего и в IX—XI вв.

Значит, слабозастроенные земли в шахристане могли быть отражением и густого заселения осевшими кочевниками и принадлежать городским землям представителей диканской знати. В то же время ранее предполагалось, что развитие ремесла в городах, имевших небольшой шахристан, идет в рабадах (например, Бинкет), в то время как древние центры с крупными шахристанами типа Харашкета концентрируют ремесло в основном в городе, вследствие чего рабады их развиваются незначительно (Буряков, 1975, с. 33). Однако исследования последних лет показали, что в IX и особенно X в. округа Харашкета обживается на обширной территории. Прежде всего это относится к ее юго-восточному рабаду, разраставшемуся на удобной равнине вдоль берега «рски Илака». На окраине рабада здесь отмечено кирпичобжигательное производство, в центре площади найден тарапан винодавильни. Следовательно, ремесленные участки естественно сочетались с сельскохозяйственными и виноградниками.

К числу интересных в этом плане следует отнести найденную вместе с керамикой конца X—начала XI в. близ южных ворот города золотую серьгу в виде проволоки с дутыми подвесками: одна шаровидная в виде горошины и четыре в форме зерен злаковых (ячмень, пшеница). Здесь интересно включение сельскохозяйственных элементов в состав украшений высокого ранга. В рабаде же найдены монеты, включавшие фельсы Тахира (б. Абдаллаха), битые в 241 г. х. (855—856 гг.), Насра бин Ахмада (914—943 гг.), Нуха б. Мансура, битый в Бухаре в 377 г. х. (987—988 гг.), караханидский фельс Илпаса ал Хаджаджа, битый в 405 г. х. (1014—1015 гг.) в Харашкете.

Выявление мастерских гончаров, функционировавших и в IX—XI вв. в северо-западной части рабада, свидетельствует о активном функционировании и этого направления, связывавшего Харашкет с северной ветвью международного караванного пути.

Все эти материалы заставляют пересмот-

реть прежние представления о Харашкете как городе с относительно небольшим рабадом и с полным правом отнести его к крупнейшим городским центрам средневекового Чача—Илака.

Еще более интересны материалы по рабаду Бенакета. Если шахристан его почти в 5 раз меньше Харашкета, то рабад определялся примерно в 100—110 га, а общая площадь города—около 140 га. Однако исследование последних лет показали, что граница его на северо-востоке не завершалась рвами, проходившими вдоль стен позднего хисара. Стены тимуридской крепости лежат на жилых домах X—XII вв. К северу от раа, под поздним кладбищем XVI—XVII вв., также располагались жилые дома домонгольского рабада, и далее на северо-восток, за Бахорсаем, на обширной площади открыты следы керамического и стеклодувного производства саманидо-караханидского времени, подземное хранилище-тагхона XI—XII вв. явно не личного, а товарного назначения.

К XI—XII вв. относятся, как показали раскопки, остатки крупного стеклообработывающего производства на восточной окраине городища. С этой же территорией связаны и находки монет и целых кладов, один из которых относится к числу уникальных как для политической, так и экономической истории Чача. Во-первых, он раскрывает сложную динамику борьбы между Саманидами и Караханидами за обладание Чачем—Илаком и городами соседних владений, в частности Ходжедом. Во-вторых, показывает изменение направлений торговли, децентрализацию владений. Если в саманидской части клада из 60 монет почти половина (27 экз.) принадлежит чекану Бухары, то в караханидской из 751 монеты лишь 1 бухарская, основу же его составляют чеканы Ферганы (457 экз.), Илака (252 экз.), Ходжеда (18 экз.) и некоторых других городов Ферганы и Уструшаны. Это свидетельство новой концентрации торговли по Сырдарье, что приводит в XII—начале XIII в. к новому подъему Бенакета, превратившегося накануне нашествия татаро-монгол в центр самостоятельного удела.

Таким образом, овраги, принимавшиеся ранее за рвы границы рабада, оказались остатками каналов, протекавших через его территорию, и лишь впоследствии, при строительстве стен, один из каналов был превращен в ров, ограничивший для тимуридского хисара часть рабада Бенакета XI—XII вв. Раскопки показали также, что разрушенный в 1219 г. отрядами Чингизхана город, хотя и пришел в упадок, не прекратил своего существования, о чем говорит функционирование в XIII в.

некоторых гончарных печей квартала керамистов.

История последующих столетий показала, что в период борьбы в XV—XVII вв. кочевников и земледельцев «сырдарьинские города постоянно являлись центром притяжения противоборствующих группировок... Отсюда из присырдарьинских районов открывался путь для легкой наживы в оазисах Мавераннахра. Правители из последних Тимуридов (XV в.), затем Шейбаниды (XVI в.), Аштарханиды (XVII вв.) в свою очередь постоянно пытались противостоять стремлениям степных за-

воевателей» (Пищулина, 1983, с. 175). Поэтому мы видим то укрепление стен узбекскими ханами, когда Шахрухия в составе государства шейбанидов превратилась во вторую столицу Ташкентского владения ташкентских узбеков, то забрасывание укреплений перекрывающими их мастерскими керамистов.

Последний удар, вероятно, нанесли в начале XVIII в. походы на сырдарьинские земли казахов и калмыков, после чего город был окончательно разрушен, а ремесленное население ушло в соседние районы Ферганы и Ходженд.

Список использованной литературы

- Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 8.
 Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23.
 Маркс К. Капитал//Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 26. Ч. II.
- Абдуллаев К. А. Квартал керамистов городища Канка//ИМКУ. Вып. 11. Ташкент, 1974.
- Абдуллаев К. Археологическое изучение городища Канка (1969—1972)//ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975.
- Абдуллаев К., Федоров М. Н. Клад караханидских дирхемов с городища Канка//ОНУ. 1971. № 10.
- Абул-Касым ибн Хаукаль. Пути и страны//Перевод Е. К. Бегера//Труды САГУ. Археология Средней Азии. IV. Ташкент, 1957.
- Абишева Б. Р. Средневековая керамика из поздних наслоений цитадели Афрасиаба//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
- Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
- Акишев К. А., Кушлев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1986.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар в XIII—XV веках. Алма-Ата, 1987.
- Алжмов У. Раскопки на Култупа в Каршинском оазисе//ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
- Альбаум Л. И. Балалык-гела. Ташкент, 1960.
- Байпаков К. М. Культ барана у сырдарьинских племен//Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
- Байпаков К. М. Гончарное ремесло в позднесредневековом Отраре//Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
- Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Раскопки в северо-восточной части Отрара//В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Сочинения, Т. 1. М., 1963.
- Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана//Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
- Бартольд В. В. Улутбек и его время. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. 1964.
- Бартольд В. В. Абу Муслим//Сочинения. Т. VII. М., 1973.
- Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам Пенджикентских храмов)//Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
- Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1955 г.//Труды ИИ АН ТаджССР. Т. 63. Сталинабад, 1956.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента//АО. 1983. М., 1985.
- Беляева Т. В. Художественная керамика XIII—XIV вв.//Средневековая культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
- Бентович И. Б. Керамика Пенджикента//Труды ТАЭ. Т. II//МИА. № 37. М., 1953.
- Бернар П. Гимнасий в Абханум//Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
- Бируни Абу Райхан. Памятники миновавших поколений//Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950.
- Богомолов Г. И. Раскопки на городище Ишкурган//ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обряды. М., 1987.
- Большаков О. Г. Некоторые вопросы изучения среднеазиатского города VIII—XII вв. в свете общей проблематики истории городов Востока//КСИА. Вып. 122. 1970.
- Брусенко Л. Г., Галиева З. С. Материалы раскопок квартала X—начала XI в. на городище Канка//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
- Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.
- Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
- Буриашева Р. Э., Насиц В. Н. Каталог монетных находок и сборов на городище Отрар-тобе (1971—1977). Приложение к кн.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1986.
- Буряков Ю. Ф. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга//Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1966.
- Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975.
- Буряков Ю. Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса. Ташкент, 1978.
- Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Буряков Ю. Ф. Археологические материалы к топографии городища Шахрухия XIII—XVIII вв.//Средневековая культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
- Буряков Ю. Ф. Бассейн среднего Яксарта в древности и раннем средневековье//Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.

- Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе//ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.
- Буряков Ю. Ф., Тихонин М. Р. Раскопки керамической мастерской конца XV—XVI вв. в Шахрухи//ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1978.
- Буряков Ю. Ф., Луныкова И. П. Археологические материалы о землетрясении в Ташкентском оазисе//ОНУ. 1985. № 8.
- Буряков Ю. Ф., Брыкалова В. Г. К эволюции гончарных печей Шахрухи//ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.
- Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И. Изучение рабадов средневекового Харашкета//ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990.
- Вархотова Д. П. Художественная керамика XV—XVI вв. из Ташкента//ОНУ. 1969. № 8—9.
- Вишневецкая О. А., Рапопорт Ю. А. Следы почтения огня в средневековом хорезмском городе//Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Воронина В. Л. Архитектура замка Актеле близ Ташкента по данным работ 1940 г.//Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т. 1. Ташкент, 1948.
- Воронина В. Л. Древняя строительная техника Средней Азии//Архитектурное наследие, 1952. № 3.
- Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента//Труды ТАЭ. Т. II//МИА. № 37. 1953.
- Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1927.
- Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
- Гиршман Р. М. Религии Ирана от VIII в. до н. э. до периода ислама//Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
- Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу//ТОВЭ. Т. II. Л., 1940.
- Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района//Труды ИИАЭ АН ТаджССР. Т. 35. Сталинабад, 1957.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
- Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
- Древности Чордары. Алма-Ата, 1968.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979.
- Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жангыз-таш (XV—XVIII вв.)//В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
- Истахри. Книга масалик ал мамалык/Пер. с араб. и предисл.//Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1, М., 1973.
- Кастанье И. А. Отчет о поездке в Шахрухию и местность Канка//Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Вып. XVII. Ташкент, 1913.
- Кочнев Б. Д. К истории Ташкентского оазиса конца X века//ОНУ. 1987. № 6.
- Кочнев Б. Д. Монеты Харашкета (Харашкета)//ОНУ. 1988. № 6.
- Кошеленко Г. А. Уникальная ваза из Мерва//ВДИ. 1963. № 1.
- Кошеленко Г. А. Родина парфия. М., 1977.
- Кошеленко Г. А., Пилипко В. И. Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы//Каракумские древности. Вып. 2. Ашхабад, 1968.
- Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э.//Труды ХАЭЭ. Т. VII. М., 1971.
- Лившиц В. А. Юридические документы и письма//Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. М., 1962.
- Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел//СА. 1965. № 2.
- Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыша мира». М., 1972.
- Лукоцкий В. Г. Библейский сюжет в сасанидской глиптике//СГЭ. Вып. XVII. Л., 1982.
- Лунина С. Б. Резная глина в Средней Азии//История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- Лунина С. Б. Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии//СА. 1978. № 2.
- Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Спб., 1896.
- Маршак Б. И. Керамика нижнего слоя Пенджикента//Изв. общественных наук АН ТаджССР. № 14. Сталинабад, 1957.
- Масон М. Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
- Масон М. Е. Прошлое Ташкента//Изв. АН УзССР. 1954. № 2.
- Масон М. Е. К изучению прошлого Старого Мерва//Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963.
- Масон М. Е. Кладки дирхемов конца X — начала XI в. из города Янгюль Ташкентской области//История, археология и этнография Средней Азии//М., 1968.
- Мешкерис В. А. Корoplastика Согда. Душанбе, 1977.
- Мирзаахмедов Д. Глазурованная керамика Бухары второй половины XVII — первой половины XVIII в.//ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
- Мухтаров А. Шедевры в единственном числе//Путешествие в Согдиану. Душанбе, 1982.
- Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан//Материальная культура Уструшаны. Вып. 1. Душанбе, 1966.
- Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Урта-курган и Тирмизактепс//Материальная культура Уструшаны. Вып. 1. Душанбе, 1973.
- Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода//Керамика Хорезма//Труды ХАЭЭ. Т. 4. М., 1959.
- Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966.
- Обельченко О. В. Агалыксайские курганы//ИМКУ. Вып. 9. Ташкент, 1972.
- Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв.//Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949.
- Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//Труды ЮТАКЭ. Т. VI. М., 1958.
- Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
- Пулатов У. П. Чильхуджра//Материальная культура Уструшаны. Вып. 3. Душанбе, 1975.
- Пуляркин В. А. О содержании понятия «географическая среда» и о влиянии географической среды на общество//Природа и общество. М., 1968.
- Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Пьянков И. В. «Сакн» (содержание понятия)//Известия ООН АН ТаджССР. № 3 (53). Душанбе, 1968.
- Располова В. И. К вопросу о специфике города и сельских поселений ранне-средневекового периода

- //Успехи Среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л., 1979.
- Ртвеладзе Э. В. Новый буддийский памятник в Старом Мерве//Труды ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974.
- Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва//Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
- Сайко Э. В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв. Душанбе, 1969.
- Сенигова Т. И. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
- Смирнов Е. Т. Древности в окрестностях Ташкента //Средняя Азия. Ташкент, 1896.
- Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.). М., 1963.
- Смирнова О. И. К вопросу о среднеазиатских культурах (из среднеазиатской топонимики)//Письменные памятники и проблемы истории культуры и народов Востока//Краткие сообщения и аннотации VI годичной научной сессии ЛО ИВ АН, посвящ. 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Л., 1970.
- Смирнова О. И. К истории денежного обращения в Средней Азии середины VIII века//ОНУ. 1971. № 11.
- Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
- Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пенджикентский некрополь//МИА. 1953. № 37.
- Соловьев В. С. Городище Кафыр-Кала (к характеристике раннесредневекового города Северного Тохаристана)//УСА. Вып. 4. 1979.
- Тереножкин А. И. Холм Ак-теле близ Ташкента (раскопки 1940)//Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т. 1. Ташкент, 1948.
- Тереножкин А. И. Согд и Чач//КСИИМК. Вып. 33. 1950.
- Тихонин М. Р. Купольное здание XI—начала XII вв. с городища Канка//Тезисы докладов V искусствоведческой конференции молодых ученых. Ташкент, 1983.
- Тихонин М. Р. Новые данные о керамическом производстве в рабаде городища Канка//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Топраккала. Дворец. М., 1984.
- Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
- Филанович М. И. По поводу оссуарного обряда погребения в Ташкенте//Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990.
- Шышкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
- Шкода В. Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V—VIII вв.). Автореф. дис... канд. ист. н. Л., 1986.
- Якубов Ю. Я. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988.
- Вишневецкая О. А. Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхоната//Труды ХАЭЭ. Т. 11. М., 1958.
- Вяткин В. Л. Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 8. Самарканд, 1906.
- Лебедева Т. И. О самаркандских тагонах//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
- Лебедева Т. И. Тагона в цитадели Тимура//ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987.
- Лернш П. Оборона эллинистического города Айханум в Афганистане (Городская культура Бактрии—Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье). Ташкент, 1987.
- Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX—нач. XIX вв.). Ташкент, 1980.
- Семенов Г. Л. Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. н. Л., 1985.
- Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей//Афраснаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Канка—Харашкет	6
Общая характеристика	6
Цитадель. Раскоп 4	7
Шахристан-I. Раскоп 1	16
Шахристан-I. Раскоп 10	32
Шахристан-I. Раскоп 10 (храмовый комплекс)	51
Нижний строительный этап и назначение комплекса	60
Шахристан-III. Раскоп 7	63
Шахристан-III. Раскоп 12	69
Рабад	75
Глава II. Шархия — Бенакет — Шахрухия	78
Общая характеристика	78
Квартал керамистов (раскоп 10)	81
Раскопки оборонительных сооружений хисара	90
Раскопки погребальных сооружений (раскоп 13)	93
Изучение тагхона, мастерских стеклодувов	96
Глава III. Бинкат (Ташкент) и его округа	100
Исследования на восточном фланге замка	101
Исследования комплекса ворот двора усадьбы и предвратной террасы	109
Заключенне. Этапы городской культуры бассейна Среднего Яксарта	118
Список использованной литературы	125

Коллектив

ДРЕВНИЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ВОСТОЧНОГО МАВЕРАННАХРА

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии АН УзССР, Бюро Отделения общественно-гуманитарных наук АН УзССР

Редактор *Э. Р. Торсян*
Художник *Б. А. Хайбуллин*
Художественный редактор *Р. И. Кривошей*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*
Корректор *А. А. Ковалёва*

ИБ № 5183

Сдано в набор 23.10.90. Подписано к печати 19.12.90. Формат 84x108¹/₁₆. Гарнитура литературная. Печать высокая. Бумига типографская № 1. Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 13,44. Тираж 1000. Заказ 979. Цена 2 р. 70 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

